

RESPUBLICA
LITERARIA

№4 2024

Respublica Literaria

2024. Т. 5. № 4.

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор – Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора – Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Иванов А. Ф. (СПбГЭТУ, СПб, Россия)
Кефели И. Ф. (СЗИУ РАНХиГС, СПб, Россия)
Константиновский Д. Л. (ИС РАН, Москва, Россия)
Лазаревич А. А. (ИФ НАН, Минск,
Республика Беларусь)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Аблажей А. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Алмакаева А. М. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)
Арутюнова Е. М. (ФНИЦС РАН, Москва, Россия)
Афонасин Е. В. (БФУ им. И.Канта, Калининград, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Изгарская А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Куликов С. Б. (ТГПУ, Томск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Маклашова Е. Г. (ИГиИПМНС СО РАН,
Якутск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжеников А. А. (ИФПР СО РАН,
Новосибирск, Россия)
Солодова Г. С. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (ТОГУ, Хабаровск, Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Campbell C. (Техасский университет в Остине, США)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура,
Зелена Гура, Польша)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)

Editorial council:

Chief editor – M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor – A. V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Secretary – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Ivanov A. F. (SPbSETU, St. Petersburg, Russia)
Kefeli I. F. (NWIM RANEPa, St. Petersburg, Russia)
Konstantinovskiy D. L. (IS RAS, Moscow, Russia)
Lazarevich A. A. (IP NAS, Minsk, Republic of Belarus)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)

Editorial Board:

Ablazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Almakaeva A. M. (HSE University, Moscow)
Arutyunova E. M. (Institute of Sociology
of FCTAS RAS, Moscow, Russia)
Afonasin E. V. (IKBFU, Kaliningrad, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Izgarskaya A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kulikov S. B. (TSPU, Tomsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Maklashova E. G. (IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Solodova G. S. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)
Liberska H. (University of Bydgoszcz,
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Борисов Е. В. Ладов о парадоксе Рассела.....	5
Бугаков П. А. Нарративная передача знания	12
Вольф М. Н. Критериальные условия дискурса о рецепции Аристотеля в русской культуре	24
Санжениаков А. А. О главном аргументе Дэвидсона.....	39
Стрельцов А. М. «Очерк Сивиллы о браке» И. Г. Гамана: текст и комментарий...	52

СОЦИОЛОГИЯ

Аблажей А. М. Сравнительный анализ систем оценки эффективности научной деятельности в России и Китае	65
Артюнова Е. М. Антироссийская сепаратистская риторика: анализ дискурсивного пространства	75
Зазулина М. Р. Местные сообщества в условиях сопроизводства общественных благ (на примере деятельности ТОС Новосибирской области).....	86
Маклашова Е. Г. Патриотизм как интеграционный ресурс: особенности фиксации в условиях полиэтничности (на материалах Республики Саха (Якутия)).....	101

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Скрипкина Т. К. Искусственный интеллект в повседневных образовательных практиках российских студентов	112
Солодова Г. С. Нация как единство культурных и политических характеристик	125

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Петров В. В. Социокультурные исследования в контексте потребности обеспечения технологического суверенитета	133
Попков Ю. В., Изгарская А. А., Персидская О. А. Отечественная социология и научное сообщество в кумулятивном пространстве СоцИса: к 50-летию журнала.....	141

CONTENTS

PHILOSOPHY

Borisov E. V. Ladov on Russell's Paradox	5
Butakov P. A. Narrative Transmission of Knowledge	12
Volf M. N. Criteria of Discourse on the Reception of Aristotle in Russian Culture	24
Sanzhenakov A. A. On Davidson's Master Argument.....	39
Streltsov A. M. "Essay of a Sibyl on Marriage" by J. G. Hamann: Text and Commentary.....	52

SOCIOLOGY

Ablazhey A. M. Comparative Analysis of Assessment Systems the Effectiveness of Scientific Activity in Russia and China	65
Arutyunova E. M. Anti-Russian Separatist Rhetoric: Analysis of the Discursive Space	75
Zazulina M. R. Local Communities in the Context of Co-production of Public Goods (Using the Example of TPSG Activities in the Novosibirsk Region).....	86
Maklashova E. G. Patriotism as an Integration Resource: Features of Fixation in Conditions of Multi-ethnicity (Based on Materials of the Republic of Sakha (Yakutia)).....	101

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Skripkina T. K. Artificial Intelligence in Daily Educational Practices of Russian Students	112
Solodova G. S. Nation as a Unity of Cultural and Political Characteristics	125

SCIENTIFIC LIFE

Petrov V. V. Sociocultural Research in the Needs of Ensuring Technological Sovereignty Context	133
Popkov Yu. V., Izgarskaya A. A., Persidskaya O. A. Russian Sociology and Scientific Community in the Cumulative Space of Journal "Sociological Studies": To 50th Anniversary of the Journal.....	141

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.3:122

ЛАДОВ О ПАРАДОКСЕ РАССЕЛА

Е. В. Борисов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
borisov.evgeny@gmail.com

Аннотация. В ряде публикаций последних лет В. А. Ладов разрабатывает единообразную концепцию теоретико-множественных и семантических парадоксов. Его концепция содержит, в частности, единую формализацию парадоксов и определение их необходимых и достаточных условий. Эта концепция представляется интересной, однако, на мой взгляд, некоторые из его понятий эксплицированы не полностью, что делает неясными некоторые моменты в его трактовке необходимых и достаточных условий парадоксов. В данной статье я рассматриваю предложенный Ладовым анализ парадокса Рассела и показываю недостатки в его определении понятий самореферентного множества и отрицательного свойства.

Ключевые слова: теоретико-множественные парадоксы, парадокс Рассела, самореферентность, отрицание.

Для цитирования: Борисов, Е. В. (2024). Ладов о парадоксе Рассела. *Respublica Literaria*. Т. 5. №. 4. С. 5-11. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.5-11

LADOV ON RUSSELL'S PARADOX

E. V. Borisov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
borisov.evgeny@gmail.com

Abstract. In a series of recent publications, V. A. Ladov elaborated a unified treatment of set-theoretic and semantic paradoxes, including Russell's paradox. His theory includes a unified formalization of paradoxes in question and a description of their necessary and sufficient conditions. His theory is interesting but to my view, some of his concepts are not fully explicated, because of which his description of necessary and sufficient conditions of paradoxes is unclear in some respects. In the present paper, I examine Ladov's analysis of Russell's paradox and show the insufficiency in his definition of the concepts of self-referential set and negative property.

Keywords: set theoretic paradoxes, Russell's paradox, self-reference, negation.

For citation: Borisov, E. V. (2024). Ladov on Russell's Paradox. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 5-11. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.5-11

Введение

В ряде работ В. А. Ладова, опубликованных в последние годы [Ладов, 2020; Ладов, 2023а; Ладов, Чаплинская, 2023], предложена единая трактовка ряда теоретико-множественных и семантических парадоксов и предпринята попытка выявить необходимые

и достаточные условия их наличия в теориях. Данный проект представляется продуктивным как в логическом аспекте, так и в свете его возможных философских применений [Ладов, Чаплинская, 2023]. Однако, на мой взгляд, концепция парадоксов, как она представлена в работах Ладова на данный момент, содержит ряд неясностей и требует уточнения некоторых понятий. Прежде всего это относится к понятиям самореферентности и отрицательности, которые Ладов использует при определении необходимых и достаточных условий парадоксов. Целью данной статьи является указание на эти неясности на примере парадокса Рассела. В первом разделе статьи представлен данный парадокс и показаны способы его устранения в аксиоматических теориях множеств. Во втором разделе показаны недостатки предложенной Ладовым трактовки данного парадокса; в частности, приведены контрпримеры к его определению необходимых и достаточных условий парадоксов.

1. Парадокс Рассела и его устранение в аксиоматических теориях множеств

В наивной теории множеств терм вида $\{x : P(x)\}$ понимается как множество всех множеств, имеющих свойство P . В таких терминах вместо $P(x)$ можно подставить любую формулу, в которой x является единственной свободной переменной. В силу данного определения для любого такого термина верна эквивалентность:

$$(1) \quad y \in \{x : P(x)\}, \text{ если и только если } P(y)$$

Парадокс Рассела в этой теории возникает следующим образом. Определим множество Рассела w как множество множеств, не принадлежащих себе: $w = \{x : x \notin x\}$. Подставив в (1) $x \notin x$ вместо $P(x)$ и $y \notin y$ вместо $P(y)$, а затем подставив w вместо y , мы получаем парадоксальный результат: $w \in \{x : x \notin x\}$, если и только если $w \notin w$. Или с учетом определения w :

$$(2) \quad w \in w, \text{ если и только если } w \notin w$$

Данное утверждение парадоксально в очевидном смысле: оно утверждает эквивалентность пропозиции $w \in w$ и ее отрицания.

Парадоксы Рассела (а также другие теоретико-множественные парадоксы, такой как парадокс Бурали-Форти) устраняется в аксиоматических теориях множеств. Рассмотрим, как это происходит в теории множеств фон Неймана-Бернайса-Геделя (NBG) и теории Цермелло-Френкеля (ZF)¹.

В NBG парадокс Рассела устраняется следующим образом:

1. Объекты данной теории (классы) делятся на два вида: множества и собственные классы. Класс называется множеством, если он принадлежит некоторому классу; класс называется собственным классом, если не существует класса, которому он принадлежит.

2. Терм вида $\{x : P(x)\}$ понимается как класс всех *множеств*, имеющих свойство P . С учетом различия между множествами и собственными классами это значит, что в NBG

¹ Используемые ниже определения и теоремы взяты в классических учебниках Адамсона [Adamson, 1998] и Йеха [Jech, 2006].

собственные классы не могут принадлежать классу $\{x : P(x)\}$, даже если они имеют свойство P . Таким образом, в NBG (1) трансформируется в (3):

(3) $y \in \{x : P(x)\}$, если и только если $[(\exists x) y \in x \text{ и } P(y)]$
Произведя в (3) нужные подстановки, мы получаем (4):

(4) $w \in w$, если и только если $[(\exists x) w \in x \text{ и } w \notin w]$

В отличие от (2), в (4) не утверждается эквивалентность пропозиции и ее отрицания. Более того, в NBG (4) оказывается истинным, поскольку обе части (4) оказываются ложными. Дело в том, что в NBG: 1) w является собственным классом, что фальсифицирует правую часть (4); 2) ни один класс не принадлежит себе, что фальсифицирует левую часть (4).

В ZF парадокс Рассела устраняется следующим образом. В данной теории вместо термов вида $\{x : P(x)\}$ используются термы вида $\{x \in C : P(x)\}$, где C – некоторое множество; выражения вида $\{x : P(x)\}$ в ZF не являются термами. Терм такого вида обозначает множество множеств, принадлежащих C и имеющих свойство P ; иначе говоря, терм такого вида обозначает подмножество C , выделяемое свойством P , т.е. содержащее те и только те элементы C , которые имеют это свойство. (При этом в ZF, в отличие от NBG, не проводится различие между множествами и собственными классами.) Таким образом, в ZF (1) трансформируется (для любого множества C) в (5):

(5) $y \in \{x \in C : P(x)\}$, если и только если $[y \in C \text{ и } P(y)]$

Выбрав некоторое множество C , мы можем определить ZF-аналог множества Рассела $w_C = \{x \in C : x \notin x\}$. Произведя в (5) необходимые подстановки, в частности, подставляя w_C вместо y , мы получаем (6):

(6) $w_C \in w_C$, если и только если $[w_C \in C \text{ и } w_C \notin w_C]$

В ZF (6) оказывается истинным, как и (4) в NBG. В самом деле: в ZF (как и в NBG) ни одно множество не принадлежит себе, что фальсифицирует левую часть (6). По этой же причине для любого множества C оказывается, что $w_C = C$, а значит, $w_C \notin C$: это фальсифицирует правую часть (6). Таким образом, обе части (6) ложны, следовательно, (6) истинно.

Устранение парадокса Рассела в NBG и ZF имеют общее основание: в обеих теориях невозможно сконструировать класс / множество *всех* классов / множеств, имеющих некоторое свойство P . В NBG класс, выделяемый по свойству P , может содержать только множества, но не собственные классы; в ZF множество, выделяемое по свойству P , может быть только подмножеством некоторого предварительно выбранного множества.

2. Ладов об условиях парадоксов

Исследуя необходимые и достаточные условия парадоксов, Ладов предлагает единую формализацию ряда теоретико-множественных и семантических парадоксов, которую

он называет «Структура Рассела»² [Ладов, 2020, с. 24; Ладов, 2023а, с. 19]. Эта формализация выделяет три структурных момента, характерных, по Ладову, для всех рассмотренных им парадоксов:

- (i) $w = \{x: P(x)\}$
- (ii) $e \in x$
- (iii) $(e \in w) \& (e \notin w)$ ³.

Применительно к парадоксу Рассела, $P(x)$ – это $x \notin x$, а e – это w . Таким образом, в (i) дано определение множества Рассела, а в (iii) сформулировано выводимое противоречие. Мне неясен пункт (ii), поскольку Ладов не поясняет, что он подразумевает под x в этом пункте, но для нас сейчас существенна данная им характеристика w и P . Ладов характеризует w как «самореферентное» множество, а P – как свойство, «содержащее отрицание». Эта характеристика w и P существенна для предложенной им концепции необходимых и достаточных условий парадоксов: применительно к парадоксу Рассела, самореферентность w является необходимым условием, а отрицание, содержащееся в P , достаточным⁴. На мой взгляд, эти два понятия содержат существенные неясности и требуют уточнения. Ниже я обосновываю этот тезис.

А. О понятии самореферентности. Понимание самореферентности у Ладова отличается от понимания этого феномена у Рассела. По Расселу, самореферентность (в контексте названного его именем парадокса) состоит в том, что мы: 1) определяем w через свойство непринадлежности себе, 2) допускаем, что w имеет это свойство [Russell, 1908, p. 224; Рассел, 2006, с. 18]. Иначе говоря, мы применяем свойство, которое определяет элементы w , к самому w . Здесь самореферентность – это свойство рассуждения, т. е. вывода противоречия. Однако у Ладова самореферентность – это также свойство объекта e (в случае парадокса Рассела этот объект совпадает с w , т. е. с $\{x : x \notin x\}$). Но в каком смысле множество может быть самореферентным? Ладов пишет: «В парадоксе Рассела элемент e содержит самореферентность, поскольку в качестве e выступает класс w , который содержит себя самого» [Ладов, 2023а, с. 24]. Судя по этому пассажиру, критерием самореферентности множества является его принадлежность себе. Но принадлежит ли w себе? Если мы допустим, что принадлежит, мы должны будем сделать вывод, что оно себе не принадлежит, а если так, нам придется сделать вывод, что w не самореферентно, т. е. согласиться на противоречие. Конечно, наивная теория множеств противоречива, но я не думаю, что Ладов согласен, что противоречива его теория парадоксов. Поэтому вопрос о критериях самореферентности множеств, как мне кажется, остается открытым. Существенный аспект этого вопроса состоит

² Ладов применяет эту формализацию к парадоксам Рассела, Бурали-Форти, Кенига, Ришара, Греллинга, Берри, парадоксу лжеца и парадоксу отношения. Идея единообразной формализации различных парадоксов впервые реализована Пристом [Priest, 1995; Прист, 2022]. Формализация Ладова существенно отличается от формализации Приста [Ладов, 2023b, с. 69].

³ Я незначительно изменил нотацию и нумерацию пунктов.

⁴ Ладов говорит о необходимых и достаточных «причинах» появления парадоксов и о «событии появления парадокса» [Ладов, 2023а, с. 25]. Это словоупотребление мне кажется неточным: наличие или отсутствие парадокса – это логическое свойство теории, но логические свойства теорий не являются событиями и не могут участвовать в каузальном взаимодействии. Поэтому я понимаю термин «причина» в контексте работ Ладова в логическом смысле, т. е. в смысле условия.

в следующем: сохраняется ли самореферентность в аксиоматических теориях множеств? В частности: является ли самореферентным, с точки зрения Ладова, класс $\{x : x \notin x\}$ в NBG, и является ли таковым множество $\{x \in C : x \notin x\}$ в ZF? Поскольку NBG свободна от парадоксов, предположу, что с точки зрения Ладова класс $\{x : x \notin x\}$ в этой теории не самореферентен. Но чем обусловлено наличие или отсутствие этого свойства в той или иной теории? Ладов не дает ответа на эти вопросы, что порождает неясность в его диагностике парадоксов.

В. О *понятии «свойство, содержащее отрицание»*. Согласно Ладову, достаточным условием парадокса Рассела (как и всех рассмотренных им парадоксов, кроме парадокса Бурали-Форти) в наивной теории множеств является отрицательный характер свойства P в приведенной выше схеме: парадокс имеет место, потому что «в свойстве $P \dots$ присутствует отрицание» [Ладов, 2023а, с. 26]. В самом деле: в случае парадокса Рассела w определяется как $\{x : x \notin x\}$, и в определяющем свойстве отрицание присутствует ($x \notin x$ – это сокращение для $\sim x \in x$). При этом, если в данном терме удалить отрицание, мы получим терм $\{x : x \in x\}$, который, по Ладову, парадокса не порождает [там же]. На этом основании Ладов делает вывод, что присутствие отрицания в свойстве P является достаточным условием парадокса Рассела.

Приведенное рассуждение Ладова не вполне ясно по двум причинам.

1. Очевидно, $\{x : x \in x\} = \{x : \sim\sim x \in x\}$, следовательно, если терм $\{x : x \in x\}$ не порождает противоречия, его не должен порождать и $\{x : \sim\sim x \in x\}$. Однако в последнем отрицание присутствует, а значит, по Ладову, выполняется достаточное условие парадокса. Приведенный пример можно обобщить. Существует бесконечно много формул, содержащих отрицание, но эквивалентных формуле $x \in x$, например, $x \notin x \rightarrow x \in x$, $\sim(x \notin x \ \& \ (x \in x \rightarrow x \in x))$ и т. д. Если $Q(x)$ – любая из таких формул, то $\{x : Q(x)\} = \{x : x \in x\}$. При этом терм $\{x : Q(x)\}$ должен, по Ладову, порождать парадокс, тогда как $\{x : x \in x\}$ его не порождает. Вывод: чтобы критерий Ладова работал, понятие «присутствие отрицания» в свойстве необходимо уточнить.

2. В наивной теории множеств единственным примитивным предикатом является \in . Говоря неформально, этот предикат выражает принадлежность элемента множеству. Можно построить эквивалентную теорию с единственным двухместным предикатом R , который, говоря неформально, выражает непринадлежность элемента множеству, т. е. формула xRy в этой теории имеет тот же смысл, что $x \notin y$ в наивной теории множеств⁵. В этой теории расселово множество w было бы определено как $\{x : xRx\}$. Очевидно, в этой теории имеет место парадокс Рассела, однако формула xRx не содержит отрицания. Это ставит под вопрос тезис Ладова о необходимых и достаточных условиях парадоксов (как минимум, применительно к парадоксу Рассела). Возможно, говоря о «присутствии отрицания в свойстве», Ладов имеет в виду не формальное свойство формул, а интуитивное понимание свойств. Если так, то это понимание требует экспликации.

⁵ Соответственно, формула $\sim xRy$ имеет в этой теории тот же смысл, что $x \in y$ в наивной теории множеств. В остальном языки этих теорий идентичны. Эти обстоятельства обуславливают взаимную переводимость этих языков.

Как видим, неясности в определении понятий самореферентного множества и содержащего отрицание свойства требуют уточнения сформулированных Ладовым условий парадоксов⁶.

Заключение

Разрабатываемая Ладовым концепция парадоксов интересна по следующим причинам: 1) она содержит единообразную формализацию различных теоретико-множественных и семантических парадоксов; 2) это позволяет определять необходимые и достаточные условия различных парадоксов; 3) эта концепция имеет интересные философские приложения. Однако выше было показано, что концепция Ладова содержит ряд неясностей, устранение которых требует более точного определения некоторых понятий. Это относится к понятиям самореферентного множества и свойства, содержащего отрицание. Недоопределенность этих понятий в работах Ладова позволяет, в частности, привести контрпримеры, ставящие под сомнение его трактовку условий парадоксов.

Список литературы / References

Борисов, Е. В. (2024). Прист о теоретико-множественных парадоксах. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 2-12. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.5-12.

Borisov, E. V. (2024). Priest on Set-Theoretic Paradoxes. *Respublica Literaria*. Vol. 5. № 3. Pp. 2-12. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.5-12. (In Russ.)

Ладов, В. А. (2020). *Логика. Онтология. Эпистемология. Критика релятивизма в контексте аналитической философии*. Томск: Изд-во Томского ун-та.

Ladov, V. A. (2020). *Logic. Ontology. Epistemology. Critique of Relativism in the context of Analytic Philosophy*. Tomsk. (In Russ.)

Ладов, В. А. (2023а). О принципе единого решения парадоксов. *Эпистемология и философия науки*. Т. 60. № 3. С. 17-30. DOI: 10.5840/eps202360336.

Ladov, V. A. (2023a). On the Principle of Uniform Solution to Paradoxes. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 60. No. 3. Pp. 17-30. DOI: 10.5840/eps202360336. (In Russ.)

Ладов, В. А. (2023b). О парадоксах: ответ оппонентам. *Эпистемология и философия науки*. Т. 60. № 3. С. 68-76. DOI: 10.5840/eps202360342.

Ladov, V. A. (2023b). On Paradoxes. Reply to Critics. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 60. No. 3. Pp. 68-76. DOI: 10.5840/eps202360342. (In Russ.)

⁶ В [Борисов, 2024] я показал, что необходимым условием некоторых теоретико-множественных парадоксов является использование метатеоретических и метаязыковых ресурсов (к парадоксу Рассела это не относится). В концепции Ладова этот момент не учитывается. Я планирую детально развернуть этот критический тезис в одной из последующих публикаций.

Ладов, В. А., Чаплинская, Я. И. (2023). Аналитический реализм в формальном аспекте: теория и практика. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 75. С. 38-48. DOI: 10.17223/1998863X/75/4.

Ladov, V. A., Chaplinskaya, Ya. I. (2023). Analytical realism in the formal aspect: theory and practice. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 75. Pp. 38-48. DOI: 10.17223/1998863X/75/4. (In Russ.)

Прист, Г. (2022). *За пределами мысли*. Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+.
Priest, G. (2022). *Beyond the Limits of Thought*. Tselishchev, V. V. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Рассел, Б. (2006). Математическая логика, основанная на теории типов. *Логика, онтология, язык*. Пер. с англ. В. А. Суровцева. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 16-62.

Russell, B. (2006). Mathematical Logic as Based on the Theory of Types. In *Logic, Ontology, Language*. Surovtsev, V. A. (transl.). Tomsk. Pp. 16-62. (In Russ.)

Adamson, I. (1998). *A Set Theory Workbook*. Boston, Basel, Berlin. Birkhäuser.

Jech, T. (2006). *Set Theory*. The Third Millenium Edition. Berlin. Springer.

Russell, B. (1908). Mathematical Logic as Based on the Theory of Types. *American Journal of Mathematics*. Vol. 30. No. 3. Pp. 222-262.

Priest, G. (1995). *Beyond the Limits of Thought*. Cambridge. Cambridge University Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Борисов Евгений Васильевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6587-9616>

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 18.11.2024

Принята к публикации: 25.11.2024

Borisov Evgeny – Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6587-9616>

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 18.11.2024

Accepted for publication: 25.11.2024

УДК 165

НАРРАТИВНАЯ ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЯ

П. А. Бутаков

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
pavelbutakov@academ.org

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, какого рода знание может передаваться посредством историй помимо их явного пропозиционального содержания. В контексте постепенного перехода от редукционизма к антиредукционизму выделяются четыре возможных типа ответов: 1) никакое; 2) структура знания (например, по степени важности или правдоподобности); 3) неявное пропозициональное знание (например, причинно-следственные связи событий или выводы от частного к общему); 4) непропозициональное знание (например, знание личностей или перспектив). Данная классификация предлагается в качестве дорожной карты для дальнейших исследований нарративного знания, а также изучения того, в какой мере искусственный интеллект способен извлекать знание из нарратива.

Ключевые слова: нарратив, передача знания, искусственный интеллект, редукционизм, антиредукционизм, непропозициональное знание.

Для цитирования: Бутаков, П. А. (2024). Нарративная передача знания. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 12-23. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.12-23

NARRATIVE TRANSMISSION OF KNOWLEDGE

P. A. Butakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
pavelbutakov@academ.org

Abstract. What kind of knowledge can narratives transmit beyond their explicit propositional content? An extreme reductionist would argue that no additional knowledge is transmitted. A moderate reductionist might suggest that narratives can impart an additional structure to the knowledge, such as emphasizing importance or plausibility. In contrast, a moderate non-reductionist would assert that narratives contain non-explicit propositional content, including causal relationships between events and generalizations. Finally, an extreme non-reductionist would see stories as a means to transmit non-propositional knowledge, most prominently, knowledge of persons and personal perspectives. This categorization aids in understanding which aspects of narrative knowledge could be accessible to artificial intelligence.

Keywords: narrative, transmission of knowledge, artificial intelligence, reductionism, non-reductionism, non-propositional knowledge.

For citation: Butakov, P. A. (2024). Narrative Transmission of Knowledge. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 12-23. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.12-23

Введение

Одним из важнейших источников, откуда мы узнаем что-то новое, служат рассказанные нам истории. Но что именно мы приобретаем посредством историй? Как минимум, информацию – набор пропозиций, описывающих положение дел в окружающем или вымышленном мире. Но сводится ли все почерпнутое из историй лишь к информации или же истории дают нам что-то еще?

В данной статье приводится спектр возможных ответов на вопрос о содержании передаваемого историями знания в рамках аналитической эпистемологии. Цель данной работы – разработать дорожную карту, разметить территорию, на которой аналитические эпистемологи смогут вести конкретизированную и содержательную философскую дискуссию о природе нарративного знания. Спектр возможных ответов располагается между двумя крайними позициями: с одной стороны, радикального редукционизма, настаивающего на стопроцентной сводимости познавательного содержания историй лишь к набору пропозиций, и, с другой стороны, радикального антиредукционизма, предполагающего дополнительную передачу некоего особого вида знания, не выразимого пропозициями. Защита какой-то одной из возможных позиций по данному вопросу не входит в задачи данной работы.

Терминология

Прежде чем перейти к основной части статьи, необходимо прояснить используемую в ней терминологию: уточнить значение распространенных терминов и ввести новые. На сегодняшний день в аналитической эпистемологии, в отличие от континентальной философии и некоторых нефилософских дисциплин, пока не существует общепризнанных теорий о природе нарратива и нарративного знания. В связи с этим я возьму на себя смелость самостоятельно задать значения нужных мне терминов без оглядки на уважаемые нарратологические концепции, не имеющие прямого отношения к эпистемологической проблематике.

Под словом «нарратив» я понимаю обычную историю, в которой есть хотя бы одно действующее лицо и диахроническая последовательность происходящих с ним событий. Эта история может быть реальной или вымышленной, может иметь или не иметь конкретного автора, может быть устной, письменной или визуальной (кино, театр, комиксы, танец и т. д.), и в ней может как присутствовать, так и отсутствовать полноценный сюжет с завязкой, развитием и финалом.

Термин «знание» я использую в достаточно широком смысле, пытаюсь охватить весь разброс значений, которое слово «знать» имеет в быденном языке. Такой подход вполне типичен для аналитической традиции, учитывающей не только знание как пропозициональную установку – «оправданную истинную веру» [Gettier, 1963], – но и, например, «знание-знакомство» [Russell, 1910] и «знание как» [Ryle, 1949]. Более того, если ограничить область знания лишь оправданной верой в истинные пропозиции, то интересующее нас знание, полученное из историй, как и всякое другое знание по определению будет лишь пропозициональным. В этом случае данная работа потеряет всякий смысл, поскольку не останется никакого спектра возможных ответов на вопрос о том, насколько такое знание редуцируется до пропозиционального.

Теперь, определившись со значениями «нарратива» и «знания», можно перейти к определению «нарративного знания»:

нарративное знание – это знание, полученное посредством восприятия нарратива.

Наверное, здесь стоит обратить внимание на то, что в других дисциплинах и областях философии термин «нарративное знание» имеет другие значения, которые, во-первых, существенно отличаются друг от друга и, во-вторых, применяются для решения совсем других задач. Я призываю тех читателей, которые привыкли к другим определениям нарративного знания, временно отложить их в сторону и руководствоваться вышеприведенным.

Наконец, для удобства изложения мне понадобится ввести еще два технических термина: «реферативное знание» и «нарративный бонус». Для этого я предлагаю рассмотреть следующую гипотетическую историю, навеянную известным мысленным экспериментом «Комната Мэри» [Jackson, 1986].

Даша, студентка философского факультета, услышала на лекции по метафизике времени загадочное выражение «эффект бабочки». Тут же, поискав в интернете, она обнаружила, что это выражение как-то связано с рассказом Рэя Брэдбери «И грянул гром». «Вечером прочитаю», – второпях решила Даша. Но ближе к вечеру она засомневалась: «Зачем мне читать весь оригинал? Не проще ли скачать краткий пересказ?» В мире Даши существует доступный онлайн-сервис «Нарраторефератор», который с помощью технологий искусственного интеллекта способен извлечь из любого повествования всю фактическую информацию и предоставить ее в виде перечня тезисов – «реферата». Рассмотрим два возможных сценария последующих событий. В первом Даша не стала читать рассказ Брэдбери и ограничилась чтением реферата, созданного Нарраторефератором. Во втором Даша в последний момент передумала и вместо реферата все-таки прочитала сам рассказ. В обоих сценариях Даша после прочтения получила некое новое для себя знание. Знание, полученное в первом сценарии, мы обозначим как «реферативное»:

реферативное знание – это знание, полученное посредством восприятия множества пропозиций, входящих в состав нарратива.

Во втором сценарии знание, полученное посредством прочтения рассказа, согласно принятому нами ранее определению, является нарративным. Чем отличается нарративное знание от реферативного? Очевидно, что реферативное знание является исключительно пропозициональным. Поскольку Даша не хуже Нарраторефератора способна извлекать из повествования фактическую информацию, мы можем смело утверждать, что нарративное знание из второго сценария будет полностью включать в себя реферативное знание из первого сценария. Но будет ли оно включать в себя что-то еще помимо этого? Другими словами, есть ли в нарративном знании некий «нарративный бонус» помимо пропозиционального содержания? Введем последнее из необходимых нам определений:

нарративный бонус – это разница между нарративным знанием и реферативным знанием.

Автор мысленного эксперимента «Комната Мэри» задается вопросом: узнала ли Мэри, изучившая всю фактическую информацию о природе цвета, что-то новое, когда, однажды выйдя из своей черно-белой комнаты, впервые в жизни сама увидела красный цвет? В нашем

случае мы так же можем спросить: узнала ли Даша во втором сценарии что-то сверх того, что она узнала в первом? Иначе говоря, что содержится в нарративном бонусе? Оставшаяся часть статьи посвящена поиску возможных вариантов ответа на этот вопрос. Ответы будут разделены на четыре группы: радикальный редукционизм, умеренный редукционизм, умеренный антиредукционизм и радикальный антиредукционизм.

1. Радикальный редукционизм

Спектр возможных ответов на вопрос о содержании нарративного бонуса начинается с позиции радикального редукционизма. Согласно этой позиции, никакого нарративного бонуса попросту не существует и эпистемическое содержание любого нарратива может быть без остатка выражено через набор пропозиций. В рамках вышеупомянутой гипотетической истории это означает, что эпистемическое состояние Даши во втором сценарии будет неотличимо от первого.

Такая позиция была бы весьма убедительной, более того, чуть ли единственно возможной, если бы мы ограничили определение «знания» лишь пропозициональной установкой. Но это было бы слишком простым и неинтересным решением. Как было сказано выше, и в обыденном языке, и в аналитической эпистемологии знание понимается шире. В рамках такого расширенного определения знания радикальный редукционист будет утверждать, что хотя далеко не всякое знание сводится к пропозициональному, но нарративное тем не менее сводится.

2. Умеренный редукционизм

Более мягкая, умеренная версия редукционизма должна, с одной стороны, оставаться редукционистской, т. е. отрицать наличие знания в нарративном бонусе, но, с другой стороны, признавать некое качественное различие между нарративным и реферативным знанием. В контексте нашей истории это означает, что Даша, прочитав рассказ Брэдбери, не узнала ничего сверх того, что она узнала, прочитав реферат, притом что ее эпистемическое состояние после чтения рассказа все-таки чем-то отличается от ее состояния после чтения реферата. Другими словами, нарративное знание остается исключительно пропозициональным, нарративный бонус не содержит никакого дополнительного знания, однако содержит нечто, что влияет на получаемое знание, некий модификатор знания. Мы рассмотрим два возможных варианта. В первом варианте нарративный бонус является чем-то вроде «табеля о рангах»: он приписывает пропозициям степень важности для познающего субъекта. Во втором варианте нарративный бонус приписывает некоторым пропозициям повышенную степень правдоподобности.

Начнем с «табеля о рангах». Наше знание представляет собой не просто набор пропозиций, но некую структуру, элементы которой упорядочены по степени их важности. Например, знание даты рождения близкого друга для нас важнее, чем знание даты рождения коллеги по работе. Степень важности одного и того же фрагмента знания отличается не только для разных людей, но даже для одного и того же человека в разные периоды его жизни. В качестве подтверждения можно сослаться на исследования, в которых установлена корреляция между текущим психологическим состоянием человека и его «Я-нарративом»

(self-narrative). Человек в угнетенном состоянии склонен к тому, чтобы при описании истории своей жизни придавать большее значение негативным событиям: эти события представляются ему более протяженными по времени, приобретают причинно-следственную связь с другими негативными событиями и занимают центральное место в истории отношений с окружающими. При этом позитивные события представляются периферийными, случайными, кратковременными и не имеющими последствий [Finley, 2023, p. 235].

Искусственный интеллект нашего гипотетического Нарраторефератора может извлечь из нарратива все элементы информации, но он не может достоверно оценить, какое значение каждый из этих элементов будет иметь для читателя. В реферате рассказа Брэдбери пропозиции «Тираннозавр весил десять тонн» и «Смерть бабочки изменила будущее» будут иметь одинаковый статус. Однако Даша, прочитав рассказ, не придаст никакого значения весу тираннозавра, но воспримет «эффект бабочки» как главную мысль рассказа. Разница в оценке важности двух указанных пропозиций обусловлена не их абстрактным содержанием, а местом в конкретном повествовании. Рассказ вводит читателя в специфическое психологическое состояние, в рамках которого усвоение информации происходит неравномерно: какая-то ее часть оказывается в центре внимания, а какая-то на периферии. Следовательно, нарративное знание, в отличие от реферативного, включает дополнительную расстановку приоритетов для каждой пропозиции. Таким образом, в рамках умеренного редукционизма содержанием нарративного бонуса может быть некий «табель о рангах» элементов повествования по степени их важности.

Перейдем ко второму варианту. В рамках умеренного редукционизма можно утверждать, что нарративное знание отличается от реферативного повышенной степенью правдоподобности некоторых элементов повествования. В этом случае нарратив выполняет роль аргументации, т. е. убеждает читателя в истинности пропозиций. Но здесь нужно сразу же сделать одно уточнение о природе этой аргументации. Следует помнить, что все пропозициональное содержание истории уже содержится в реферате. Следовательно, любые логические следствия, автоматически вытекающие из содержащихся в нарративе пропозиций, будут в равной степени присутствовать как в нарративном, так и в реферативном знании. Поэтому если причиной различия этих двух видов знания является некая аргументация, то она не может быть основанной на умозаклчениях из посылок. Это должна быть не логическая аргументация, а некие иные средства убеждения – риторические, эмоциональные, художественные и т. п.

Но какое отношение нелогическая аргументация может иметь к знанию? Неотъемлемым свойством пропозиционального знания является вера или убежденность в истинности пропозиции. Даже если субъект S держит в уме пропозицию p и имеет основания полагать, что p истинна, однако при этом не испытывает достаточной внутренней уверенности в ее истинности, то мы не можем утверждать, что « S знает, что p ». Например, Даша наткнулась в реферате на пропозицию «Смерть бабочки изменила будущее». «Этого не может быть», – фыркнула Даша. Позже она нашла в реферате ряд пропозиций, которые могут служить обоснованием данного сомнительного утверждения: что-то про нарушение пищевой цепочки, приводящее к лавинообразным последствиям. Но этот аргумент показался ей недостаточным. В итоге, Даша знает содержание пропозиции и знает ее обоснование, но она не знает, что эта пропозиция истинна. Чтобы *знать*, что смерть

бабочки влияет на будущее, Даше нужно *поверить*, что смерть бабочки влияет на будущее. В этой ситуации вера оказывается последним недостающим условием существования знания. Поэтому любое воздействие, которое сможет пробудить в Даше уверенность в истинности пропозиции, послужит косвенной причиной возникновения знания. На степень внутренней уверенности влияют не только логические аргументы, но и иные способы убеждения, причем зачастую даже более эффективно. Поэтому при определенных обстоятельствах даже нелогическая, непропозициональная аргументация вполне может способствовать передаче знания.

Одним из таких – весьма эффективных – средств нелогического убеждения служат нарративы. Они располагают человека к принятию тех высказываний, которые были бы отвергнуты, будь они преподнесены в чистом виде или даже в сопровождении логических аргументов. Почему нарратив может убедить человека в том, в чем не может убедить логика? Позволю себе высказать некоторые предположения.

В рамках когнитивистской теории двойного процесса (dual-process theory) сознание человека функционирует на двух уровнях или в рамках двух разных систем [Kahneman, 2011]. К «Системе 1» относятся интуитивные, быстрые и неконтролируемые процессы мышления, а к «Системе 2» – аналитические, контролируемые, продолжительные и трудоемкие процессы. Процессы убеждения могут происходить в рамках как той, так и другой системы. Для убеждения посредством «Системы 2» нужны логика, факты и рассуждения. Для убеждения посредством «Системы 1» нужно задействовать эмоции, стереотипы, привычки, эстетические средства, социальные и культурные установки. В рамках данной теории можно смело утверждать, что чтение перечня пропозиций (реферата) преимущественно воздействует на Систему 2, в то время как нарратив оказывает значительное воздействие на Систему 1. И там, где Система 2 возводит препятствия познанию, их иногда можно обойти через Систему 1.

Логические рассуждения требуют четких определений и ясных умозаключений. Но зачастую мы, пытаясь донести свою мысль, оказываемся неспособны достичь необходимого уровня четкости и ясности и остаемся непонятыми. Иногда это связано с недостатком наших интеллектуальных способностей и потраченных усилий, а иногда мы имеем дело с нечеткими понятиями, и добиться желанной ясности в принципе невозможно. Возможна и обратная ситуация – наши рассуждения достаточно строги и последовательны, но слушатели в данный момент не готовы следовать трудоемким путем логических рассуждений (например, в случае обучения детей), и в результате мы снова не можем донести свою мысль. И тогда в обеих ситуациях нам на помощь приходят конкретные примеры, аллегории и метафоры, реальные или вымышленные истории, которые облегчают взаимопонимание. Проще говоря, если мы не можем поделиться знанием при помощи логики, мы можем достичь этого другими средствами – в частности, нарративными.

Конечно же, степень правдоподобности пропозиции в значительной мере зависит не от способа подачи, а от того, насколько ее содержание соответствует картине мира. Реферативное знание не является равномерно правдоподобным: какие-то его элементы кажутся не слишком надежными, слабо обоснованными, плохо совместимыми с картиной мира и вызывающими еле осязаемое чувство уверенности в их истинности.

Однако нарративная подача того же материала способна в значительной степени изменить расклад и усилить чувство уверенности в истинности каких-то отдельных пропозиций. В этом случае нарративное знание будет отличаться от реферативного альтернативными значениями правдоподобности некоторых пропозиций.

Подведем итог рассмотрению редукционистских подходов к нарративному знанию. Все версии редукционизма настаивают на том, что нарративный бонус не содержит никакого знания. Нарративное знание, как и реферативное, является исключительно пропозициональным. При этом в радикальном редукционизме нарративный бонус вообще ничего не содержит, а в умеренном редукционизме он содержит некий модификатор знания. Мы рассмотрели два возможных варианта такой модификации: «табель о рангах» элементов знания по степени важности и измененные значения правдоподобности для некоторых пропозиций. По-видимому, список возможных вариантов содержания нарративного бонуса в рамках умеренного редукционизма не исчерпывается двумя указанными пунктами, и раскрытие других вариантов может стать перспективной темой дальнейших исследований.

3. Умеренный антиредукционизм

Теперь перейдем к рассмотрению возможных антиредукционистских подходов к нарративному знанию. Суть антиредукционизма заключается в утверждении, что нарративный бонус содержит знание. Другими словами, истории передают нам некое знание, которое нельзя получить из реферата. Но является ли это бонусное знание пропозициональным или непропозициональным? Отвечая на этот вопрос, радикальная версия антиредукционизма (речь о которой пойдет в следующем разделе) идет до конца и настаивает, что это знание – непропозициональное. Однако умеренный антиредукционизм занимает промежуточную позицию и, подобно редукционизму, ограничивается лишь рассмотрением пропозиционального знания.

Итак, умеренный антиредукционизм утверждает, что нарративный бонус содержит пропозициональное знание. Но здесь возникает важное возражение: а откуда в нарративном знании возникли какие-то бонусные истинные пропозиции, которых нет в реферативном знании? Разве реферативное знание не имеет полного доступа к пропозициональному содержанию истории?

Для снятия этого возражения нам придется сделать поправку к изначальным определениям. Ранее мы определили реферативное знание как «знание, полученное посредством восприятия множества пропозиций, входящих в состав нарратива». При этом мы не уточнили, что значит для пропозиции «входить в состав нарратива». Ведь в нарративе содержатся не только те пропозиции, которые прописаны в тексте явным образом, но и те, которые не прописаны напрямую, но каким-то образом недвусмысленно вычитываются из истории. Например, в рассказе Брэдбери нигде прямым текстом не сказано, что будущее изменилось *из-за* смерти бабочки. Явным образом указано лишь то, что 1) бабочка погибла и 2) будущее изменилось. Вдобавок там указано мнение Экельса – главного героя рассказа – о том, что смерть бабочки *не может* вызвать таких последствий. Однако у читателя не остается никаких сомнений в том, что причиной изменения будущего стала именно смерть бабочки. Пропозиция «Смерть бабочки изменила будущее», безусловно, является ключевым содержанием рассказа, несмотря на то, что она ни разу не прописана явным образом.

Будет разумно предположить, что искусственный интеллект Нарраторефератора способен извлекать из нарратива только ту информацию, которая прописана явным образом. Например, Нарраторефератор обнаружит лишь хронологическую последовательность между «смертью бабочки» и «изменением будущего», но он не распознает причинно-следственной связи между событиями. Искусственный интеллект не допустит подмены *post hoc* (после этого) на *propter hoc* (вследствие этого). Тем не менее, история подразумевает наличие этой причинно-следственной связи, и читатель рассказа, в отличие от Нарраторефератора, улавливает ее. Нарративный способ передачи знания выполняет роль некоего секретного кода, который автоматически расшифровывается человеческим сознанием, но не поддается искусственному интеллекту. В реферативное знание могут попасть лишь те пропозиции, которые прописаны в явном виде, а все неявные пропозиции оказываются в нарративном бонусе.

Что представляет собой это неявное пропозициональное знание, которое передается посредством нарративов? Во-первых, как уже было сказано, истории устанавливают причинно-следственную связь между происходящими с героем последовательными событиями. Раз уж автор истории включил некое событие в свое повествование, то мы понимаем, что это сделано намеренно, и данное событие в рамках истории происходит не просто так. Ранее были упомянуты исследования того, как депрессивные пациенты структурируют свой «Я-нарратив»: наполняя автобиографию негативными событиями, они тем самым создают и распространяют особую картину мира, где плохое является закономерным, а хорошее случайным. В отличие от реферата, нарративная форма подачи информации подразумевает наличие причинно-следственных связей между ее элементами и может быть использована для неявной передачи знания об этих связях.

Во-вторых, истории содержат неявные выводы от частного к общему. Например, в рассказе Брэдбери описан эпизод из жизни главного героя, Экельса, где тот потерял самообладание при нападении гигантского тираннозавра. И мы, прочитав рассказ, узнаем, что Экельс – трус. Казалось бы, нам не следует делать столь поспешных выводов, ведь это был всего лишь один-единственный случай, да и кто бы не дрогнул перед таким чудовищем. Тем не менее, ограниченные рамки истории и катастрофические последствия поступка Экельса, в бегстве растоптавшего бабочку, принуждают нас к тому, чтобы вынести вердикт о его характере по одному поступку. Если бы мы прочитали об этом событии в реферате: «Однажды Экельс испытал страх при встрече с динозавром и убежал», – то мы бы решили, что слишком мало знаем об Экельсе, чтобы делать обобщения. Следовательно, реферативное знание не будет содержать пропозицию «Экельс – трус». Однако в замкнутом пространстве нарратива трусость Экельса – это единственная показанная нам черта его характера, и мы не можем узнать о нем ничего другого. Если бы автор счел необходимым сообщить нам что-то еще, он бы это сделал. Нарратив задает пределы актуальной информации, и все, что выходит за его рамки, представляется нерелевантным. В отличие от чтения реферата, при восприятии нарратива вывод от частного к общему является вполне надежным.

Таким образом, в умеренном антиредукционизме нарративный бонус может содержать пропозициональное знание, передаваемое в нарративе в неявном виде. Например, это может быть знание причинно-следственных связей, представленное под видом хронологии событий, либо знание общих суждений, представленное под видом частных случаев. Наверное, существуют и другие варианты, но для раскрытия сути умеренного антиредукционизма данных двух примеров, я полагаю, вполне достаточно.

4. Радикальный антиредукционизм

Итак, мы достигли конечной точки нашего спектра – позиции радикального антиредукционизма. В отличие от всех предыдущих вариантов, здесь речь пойдет о непропозициональном знании. Таким знанием являются те эпистемические состояния, которые, с одной стороны, называются «знанием» в обыденном языке (возможно, при некоторых интуитивно очевидных исключениях), но, с другой стороны, не могут быть описаны стандартной формулой «*S* знает, что *p*». Поскольку реферативное знание может быть только пропозициональным, то все непропозициональное знание, передаваемое в нарративе, оказывается содержанием нарративного бонуса.

Для начала перечислим обсуждаемые в эпистемологической литературе виды непропозиционального знания вне контекста нарративной проблематики. Наиболее известным в аналитической философии является связанное с именем Бертрانا Рассела «знание-знакомство» [Russell, 1910]. Мы можем знать соседа, звучание саксофона и творчество Брэдбери вне зависимости от тех фактов, которые мы знаем о них. Это знание возникает не через описание объекта с помощью пропозиций, а из личного опыта непосредственного восприятия объекта. Еще одна авторитетная для аналитиков разновидность непропозиционального знания – это «знание как» (ноу-хау или процедурное знание), введенное в оборот Гилбертом Райлом [Ryle, 1949]. Знание как отправить противника в нокаут, как исполнить Лунную сонату или испечь вкусные блины не может быть выражено пропозициями и должно быть вынесено в отдельную категорию. Некой обобщенной версией «знания как» является практическая мудрость (фронесис) – знание того, как наилучшим образом поступать в различных обстоятельствах, [Rowe, 2009, p. 383]. В последнее время активно обсуждается «знание личностей» [Stump, 2010, ch. 4], которое, в отличие от «знания-знакомства», подразумевает личные отношения и глубокое понимание другой личности. Хорошей иллюстрацией такого знания будет ситуация, когда мы говорим: «Я его знаю, он бы так не поступил». Также к непропозициональному знанию относят практическое знание различных «перспектив» [Young, 2001, pp. 67-70, 95], т. е. знание того, каково оно быть кем-то или находиться в конкретной ситуации: быть влюбленным, испытывать зубную боль, жить в одиночестве. Обычно такое знание приобретается либо на собственном опыте, либо посредством эмпатии [Rowe, 2009, p. 383]. Некоторые исследователи считают непропозициональным знание причин и общее понимание устройства мира [Grimm, 2011; Zagzebski, 2001, p. 242]. Наконец, стоит упомянуть эстетически значимое знание [Kajtár, 2016] и знание возможных способов переосмысления ситуаций [Rowe, 2009, p. 384].

В рамках данной работы нет необходимости обсуждать, является ли все вышеперечисленное примерами знания и не сводятся ли какие-то из них к пропозициональному. В рамках радикального антиредукционизма нам достаточно указать на то, что существует много разных видов непропозиционального знания. И коль скоро нарративное знание должно содержать некое знание, выходящее за рамки реферативного, т. е. пропозиционального, то можно резонно утверждать, что этим нарративным бонусом будет какое-то непропозициональное знание. Тем не менее я полагаю, что напоследок будет нелишним разобраться в том, какие из вышеперечисленных видов непропозиционального знания могут быть содержанием нарративного бонуса, а какие нет.

Первый кандидат в нашем списке – «знание-знакомство» – нам не подходит по определению. Такое знание возникает только при личном опыте восприятия объекта и не может быть получено из рассказа о нем. Единственным исключением является знание-знакомство с самим нарративом. Безусловно, оно входит в нарративный бонус, но такое решение задачи, несмотря на его корректность, выглядит банальным и нерелевантным. Следующий кандидат – «знание как», – на мой взгляд, тоже не подходит. Казалось бы, «знание как», в отличие от «знания-знакомства», может передаваться посредством нарратива, по крайней мере, в некоторых случаях: мы не сможем узнать из нарратива, как исполнить Лунную сонату, но можем узнать, как найти Полярную звезду. Тем не менее, все содержание «знания как», которое может быть передано в нарративе, сводится до перечня инструкций, т. е. набора пропозиций. Следовательно, «знание как» в равной степени будет содержаться как в нарративном, так и в реферативном знании, поэтому оно не входит в нарративный бонус. Исключением является обобщенная разновидность «знания как» – практическая мудрость. В отличие от конкретных ноу-хау, знание того, как наилучшим образом поступать в любых обстоятельствах, не сводится к набору инструкций. Истории учат нас мудрости, и эта мудрость может быть содержанием нарративного бонуса.

На мой взгляд, самыми лучшими кандидатами на роль нарративного бонуса являются знание личностей и знание перспектив. Истории позволяют нам настолько глубоко узнать их героев, как если бы мы имели с ними тесные личные отношения. Некоторых персонажей историй мы знаем намного лучше, чем окружающих нас людей. Мы знаем неуловимые пропозициями особенности их характера, их переживания. Мы не просто что-то знаем *про* них, мы знаем их самих, причем как близких друзей. То же самое можно сказать и про знание перспектив: благодаря историям мы можем почувствовать себя «в шкуре» персонажа, испытать на себе те же переживания, вместе с ним принять его решения и ответственность за них. Мы узнаем, каково это быть им и оказаться в его положении, как если бы пережили это сами, либо посредством эмпатии восприняли переживания окружающих нас людей. Лично для меня наибольшая ценность историй как раз заключается в уникальной возможности получения нового опыта и глубокого погружения в личность другого человека. Такое знание невозможно получить из перечня пропозиций.

Оставшиеся из вышеперечисленных вариантов непропозиционального знания также могут быть содержанием нарративного бонуса. Кажется, что нарратив может создать в нашем сознании целостную альтернативную картину мира и новое понимание причин, которые не будут исчерпываться перечислением фактов. В рамках этой новой картины мира мы научимся по-новому переосмысливать знакомые ситуации и сформируем новую систему ценностей, позволяющую узнавать красоту там, где раньше мы ее не замечали. Я полагаю, что возможности нарратива передавать непропозициональное знание не исчерпываются перечисленными вариантами, однако для раскрытия позиции радикального антиредукционизма их более чем достаточно.

Заключение

Итак, мы рассмотрели четыре возможных подхода к анализу содержания нарративного знания. Конечно же, говоря о нарративах, хотелось бы затронуть не только вопрос о передаче знания, но учесть более широкую эпистемологическую проблематику:

формирование убеждений, сомнение, обоснование мнений, ошибочные суждения, веру, надежду, желания, этику убеждений и многое другое. А еще можно было бы выйти за рамки эпистемологии и подключить теории из психологии и культурологии, поговорить об искусстве, социальных связях, ценностях и метанарративах. При этом я надеюсь, что предложенная в данной статье классификация, несмотря на ее ограниченность, может стать удобным инструментом для ведения дальнейших дискуссий о природе нарратива.

Список литературы / References

Finley, K. (2023). Narratives & Spiritual Meaning-making in Mental Disorder. *International Journal for Philosophy of Religion*. Vol. 94. No. 7. Pp. 233-256. DOI: 10.1007/s11153-023-09879-w

Gettier, E.L. (1963). Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*. Vol. 23. No. 6. Pp. 121-123. DOI: 10.1093/analys/23.6.121

Grimm, S. (2006). Is Understanding a Species of Knowledge? *British Journal for the Philosophy of Science*. Vol. 57. No. 3. Pp. 515-535. DOI: 10.1093/bjps/axl015

Jackson, F. (1986). What Mary Didn't Know. *Journal of Philosophy*. Vol. 83. No. 5. Pp. 291-295. DOI: 10.2307/2026143

Kahneman, D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. NY. Farrar, Strauss, & Giroux.

Kajtár, L. (2016). What Mary Didn't Read. *Ratio*. Vol. 29. No. 3. Pp. 327-343. DOI: 10.1111/rati.12098

Rowe, M. W. (2009). Literature, Knowledge, and the Aesthetic Attitude. *Ratio*. Vol. 22. No. 4. Pp. 375-397. DOI: 10.1111/j.1467-9329.2009.00441.x

Russell, B. (1910). Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 11. Pp. 108-128.

Ryle, G. (1949). *The Concept of Mind*. Chicago. University of Chicago Press.

Stump, E. (2010). *Wandering in Darkness. Narrative and the Problem of Suffering*. Oxford. Oxford University Press.

Young, J. O. (2001). *Art and Knowledge*. NY. Routledge.

Zagzebski, L. T. (2001). Recovering Understanding. In Steup, M. (ed.). *Knowledge, Truth and Duty: Essays on Epistemic Justification, Responsibility and Virtue*. Oxford. Oxford University Press. Pp. 236-252. DOI: 10.1093/0195128923.001.0001

Сведения об авторе / Information about the author

Бутаков Павел Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: pavelbutakov@academ.org, <http://orcid.org/0000-0001-8133-1626>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 25.11.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Butakov Pavel – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: pavelbutakov@academ.org, <http://orcid.org/0000-0001-8133-1626>.

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 25.11.2024

Accepted for publication: 02.12.2024

УДК 1(091)

КРИТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ДИСКУРСА О РЕЦЕПЦИИ АРИСТОТЕЛЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ*

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
rina.volf@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к рецепции идей Аристотеля в русской культуре, начиная с эпохи Древней Руси и до современности. Особое внимание уделяется проблеме «русского Аристотеля» – восприятию наследия философа в контексте трансформаций европейской интеллектуальной культуры. Исследование акцентирует разницу подходов к осмыслению наследия Аристотеля в западной и восточной культурных традициях. Ставится вопрос о влиянии парадигмальных сдвигов на восприятие философа, начиная с эпохи Просвещения. Показано, что в российской традиции начала XX в. в публицистике и некоторых научных работах сформировалось представление, подчеркивающее несостоятельность рецепции Аристотеля в русской культуре в сравнении «аристотелевской схоластикой». Такая оценка представляется культурно ангажированной и декларативной. Чтобы уйти от декларативных заявлений о рецепции Аристотеля, автор уточняет содержание понятия «рецепция», а также вводит критерии рецепции (*Rezeptionsgeschichte*-блок (R) и *Wirkungsgeschichte*-блок (W)), которые позволяют масштабировать представление о рецепции, ранжировать степень присвоения, адаптации реципируемых образцов, оценивать степень и форму заимствования идей, а также уровень трансформации культуры вследствие оказанного реципируемым образцом эффекта. В статье анализируются монографии В. М. Лурье и Д. Брэдшоу в качестве примера исследований, ориентированных на W-блок рецепции, т. е. на оценку эффекта и результата рецепции. Эти образцы, построенные на методологии истории идей и истории понятий, подчеркивают оригинальность адаптации ключевых аристотелевских понятий (ипостась, природа, энергия) в православной традиции, рассматриваются как альтернатива «схоластическому Аристотелю» и дают основания думать об аристотелизме как о внутренних форме и коде православной культуры и российской цивилизации. Статья поднимает важный вопрос о необходимости переосмысления роли Аристотеля в русской культуре, что позволяет углубить понимание культурных основ философии и оценить значение его идей для современности.

Ключевые слова: Аристотель, рецепция, русская культура, восточное христианство, схоластика, методология, история философии, В. М. Лурье, Д. Брэдшоу.

Для цитирования: Вольф, М. Н. (2024). Критериальные условия дискурса о рецепции Аристотеля в русской культуре. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 24-38. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.24-38

CRITERIA OF DISCOURSE ON THE RECEPTION OF ARISTOTLE IN RUSSIAN CULTURE*

M. N. Volf

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
rina.volf@gmail.com

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01811, <https://rscf.ru/project/24-28-01811/>

* The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-01811, <https://rscf.ru/project/24-28-01811/>

Abstract. The paper examines approaches to the reception of Aristotle's ideas in Russian culture, from the era of Old Russian Culture to the present day. Special attention is paid to the problem of the “Russian Aristotle” – the perception of the philosopher's legacy in the context of transformations of European intellectual culture. The study emphasizes the difference in approaches to understanding Aristotle's legacy in Western and Eastern cultural traditions. The question is raised about the influence of paradigm shifts on the perception of the philosopher, starting with the Enlightenment. It is shown that in the Russian tradition of the early 20th century, in publicism and some scientific works was formed an idea of the Aristotle's reception inconsistency in Russian culture in comparison with “Aristotelian scholasticism”. Such an assessment seems culturally biased and declarative. In order to move away from declarative statements about the reception of Aristotle, the author clarifies the content of the concept of “reception” and introduces reception criteria (*Rezeptionsgeschichte*-block (R) и *Wirkungsgeschichte*-block (W)) that allow scaling the idea of reception, ranking the degree of appropriation, adaptation of received samples, assessing the degree and form of borrowing ideas, as well as the level of transformation of culture due to the effect of the received sample. The article analyzes the monographs of V. M. Lurie and D. Bradshaw as an example of research focused on the W-block of reception, i.e. on assessing the effect and result of reception. These samples, built on the methodology of the history of ideas and the history of concepts, emphasize the originality of the adaptation of Aristotelian key concepts (hypostasis, nature, energy) in the Orthodox tradition, are considered as an alternative to the “scholastic Aristotle” and give reason to think of Aristotelianism as an internal form and code of Orthodox culture and Russian civilization. The article raises an important question about the need to rethink the role of Aristotle in Russian culture, which allows us to deepen our understanding of the cultural foundations of philosophy and assess the significance of those ideas for contemporary times.

Keywords: Aristotle, reception, Russian culture, Eastern Christianity, scholastics, methodology, history of philosophy, V. M. Lurie, D. Bradshaw.

For citation: Volf, M. N. (2024). Criteria of Discourse on the Reception of Aristotle in Russian Culture. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 24-38. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.24-38

История философии фиксирует периоды как повышенного интереса, так и индифферентного отношения ко многим философам. Не обошел этот процесс и Аристотеля, причем точка отсчета этого процесса будет лежать уже в Античности. Вместе с тем разные национальные культуры и различные философские традиции Европы, включая Россию, видят и оценивают наследие Аристотеля по-разному. Однако если рассматривать российскую традицию, начиная с «тысячелетия русской книжности» и заканчивая современностью, то пик критического спада интереса к Аристотелю в период после расцвета древнерусской литературы приходится на эпоху Просвещения, а после можно зафиксировать еще две волны повышенного внимания к философу, которые, вероятно, обусловлены трансформациями, осуществленными в эпоху Просвещения и заложенными в этот период принципами. Первый пик интереса приходится на «золотой век» российской культуры – XIX в., второй – на советский период, включая расцвет истории философии и аристотелеведения.

Именно советская историография поставила проблему «русского Аристотеля», обозначенную в работах С. С. Аверинцева и В. В. Библихина [Аверинцев, 1996; Библихин, 2006], которые считали, что рецепция Аристотеля ученой общественностью и русской культурой не состоялась, и представление о нем несоизмеримо слабее, нежели у западной публики. Эта же проблема «русского Аристотеля» получила расширительное толкование в сравнении с «русским Платоном», когда стали говорить о том, что в сравнении с Платоном (особенно в сравнении с Платоном!) русского Аристотеля попросту нет. Насколько вообще уместна подобная «компаративистика» – это отдельный вопрос, при таком подходе можно говорить

также, что в сравнении с «русским Платоном» нет и русского Нагарджуны, Ибн-Сины, Конфуция, Лейбница и еще сотен других философов. Но если отставить в сторону сарказм, то понятно искушение сравнить значимость для какой-либо культуры, в том числе и российской, двух столпов античной мысли и влиятельнейших умов Запада, соперничающих друг с другом со времен платоновской Академии, однако нужно понимать, что данная проблема, если она вообще есть, во-первых, имеет место в силу разных оснований в подходах, когда «русский» Аристотель сопоставляется чаще всего с Аристотелем схоластики, что не совсем корректно в силу существенного временного и культурного разрыва, а также значительной разницы в культурных кодах реципирующих сторон, во-вторых, некорректно сопоставление аристотелевского наследия с платонизмом как минимум в силу разных целей и задач этих философских направлений, а также их формы, характера и духа.

Более строгий подход к решению проблемы «русского Аристотеля» может сориентировать нас на решение двух задач. В рамках первой задачи обнаружение «русского Аристотеля» должно быть поставлено в контекст рецепции его идей в России в рамках более широкого контекста развития интеллектуальной культуры Европы до и после эпохи Просвещения. В рамках второй задачи фокус должен быть смещен в направлении выявления и осмысления тех культурных, когнитивных и интеллектуальных оснований, которые сложились в эпоху Просвещения и обусловили дальнейшие пики интереса к философии Стагирита как в Европе, так и в России. Речь идет о значимости таких феноменов, как появление науки, понимание важности опыта для получения знания, позитивизм и новый виток объективизма (сопряженный в том числе с отказом от кантовского субъективизма), отход от идеализма, т. е. тех специфических факторов, которые позволяют зафиксировать переход к новой, научной и позитивистской программе, с которой учение Аристотеля, несмотря на «схоластическое наследие» в его интерпретациях, сопрягается продуктивнее, нежели платонизм.

Итак, несмотря на то, что доктрины некоторых философов хотя и могут быть названы формообразующими для европейских культуры, рациональности, форм мышления и принципов обретения знания, тем не менее, интерес к ним не имеет тотального или регулярного характера и проявляется эпизодически. Сегодня мы не мыслим философской и даже отчасти научной деятельности вне отсылок к принципам, заложенным в учении Аристотеля, например, вне истории отдельных научных дисциплин или систематики актуального знания, но мало кто отдает себе отчет в том, что такое прочтение Аристотеля сложилось только в период активного развития науки и техники, начиная с XVIII в. Поэтому, когда звучит тезис о несуществовании в российской культуре собственного «русского» Аристотеля, резонен вопрос, какого Аристотеля и где именно мы ищем? Поскольку один «русский Аристотель» начинает появляться на исторической арене в контексте позитивных и объективных принципов науки и философии после эпохи Просвещения (и практически не фигурирует в учениях философов этой эпохи, т. е. не является объектом философской апроприации), причем такое «возрождение» философа происходит не только в России, но и, вопреки ожиданиям, в Европе, в интеллектуальном поле которой, как может показаться, Аристотель должен быть представлен без разрывов во времени

и «по умолчанию»¹. Другой же «русский Аристотель», принадлежащий русской книжности², отодвигается на задний план и в расчет не берется в силу его принадлежности религиозной культуре и традиции, причем и внутри нее его образ как будто бы не имеет четких границ вплоть до постулирования двух «разновидностей» философа: «Первая разновидность – носитель бесполезной мудрости – была сформирована в монашеской среде ... Вторая – совершенный мудрец – имела место в основном в “отреченных”, то есть еретических книгах, недопустимых, с точки зрения церкви, ... ставших популярными в русской культуре XVI века. В XVII веке в России происходит смена культурных доминант, и, в связи с организацией образования по опыту европейских коллегий и переводом европейских учебников, образ Аристотеля как мудреца сменяется образом великого ученого, основоположника всех наук» [Астапов, 2019, с. 23]. При таком прочтении образа Аристотеля явно считываются характерные для культурной традиции Древней Руси неравномерность и противоречивость образов, а с другой стороны, нетрудно согласиться с появлением и обозначенной «третьей разновидности» восприятия философа, которое С. Н. Астапов не без оснований связывает с европейским влиянием, и полагает, что оно обусловлено процессом, обозначенным на языке культурологии сменой культурных детерминант. Если перейти на язык философии, то естественнее этот процесс назвать сменой парадигм.

Понятие парадигмы (в данном случае нам не важно, насколько близко оно будет истолковано к куновскому значению) подчеркивает, что существует не просто разрыв традиции, но принципиальная несовместимость, несоизмеримость «до» и «после», глубокое различие оснований и пр. Новая эпоха – эпоха Просвещения – в рамках своей парадигмы, назовем ее секулярной, предпринимает новые попытки возрождения Аристотеля, интерпретируя его наследие собственным специфическим образом, несопоставимым с латинскими, античными или любыми иными интерпретациями, в результате чего возникает образ «великого ученого», «естествоиспытателя». Этот образ формируется и интерпретируется в тех условиях, при которых отношения между религией и наукой понимаются как конфликтные³, что влечет за собой разрыв традиции. Понятию парадигмы сопутствует понятие несоизмеримости, выраженное здесь в противопоставлении старых, религиозных способов понимания Аристотеля с новыми, научными, светскими вариантами рецепции и истолкования его наследия в русской культуре, и которое уже не позволяет перебросить мост между этими двумя образцами.

Можно было бы далее рассуждать о специфике путей рецепции Аристотеля до и после Просвещения и продолжать разговор о том, состоялась ли рецепция Аристотеля русской культурой и если да, то насколько однородным был этот процесс и можно ли говорить о какой-то общности рецептивной традиции, но этот разговор не будет плодотворным, как и многие другие разговоры об этом предмете, если не уточнить, в каком смысле следует понимать слово «рецепция». В российской историко-философской традиции не часто

¹ Обстоятельный обзор рецепции Аристотеля в Европе XIX в. в контексте изменений, обусловленных Просвещением и с информативным списком литературы [см. в: Thouard, 2005].

² Нужно отметить, что этот период в отношении русского Аристотеля наиболее обстоятельно исследован. [См., например: Чумакова, 2005] и литература к статье.

³ О конфликте как о сути отношений между религией и наукой принято говорить вслед за Б. Расселом [Рассел, 1987, с. 132-206]. Не исключено, что другие формы отношений привели бы к другому моделированию состояния традиции.

принято уточнять этот момент, по-видимому, полагаясь на понятное русскому уху значение⁴. Тем не менее, буквальное значение слова «восприятие» как «способность что-либо обнаруживать и принимать» задает слишком широкий диапазон для истолкования. Известная популярная энциклопедия предлагает объяснение слова «рецепция» как «заимствование чужих исторических, социологических или культурных форм», которое мало что объясняет, поскольку «заимствование», по сути, синоним рецепции. При таком определении мы не сможем обозначить степень рецепции и понять, состоялась она или нет, а хорошо известное и знакомое практически всем, кто бы ни писал об Аристотеле в современной русской культуре, заявление С.С. Аверинцева, которое и породило в определенной степени проблему «русского Аристотеля» (а точнее, две проблемы), что «рецепция Аристотеля даже в византийских масштабах так и не произошла ... Аристотель не прочитан образованным обществом России до сих пор» [Аверинцев, 1996, с. 327, 328] не имело бы смысла, поскольку нельзя отрицать, что нечто в какой-то мере заимствовано, и нельзя утверждать, что не заимствовано ничего вообще. Да и сам Аверинцев вряд ли подразумевал здесь под рецепцией простой перенос идей из одной культуры в другую.

Как было указано выше, исторически в русской литературе о рецепции говорилось в связи с римским правом, и, соответственно, под рецепцией понималась *проработка чего-то* (какого-то национального права) *под каким-то влиянием* (обычно, влиянием римского права). При этом нужно помнить о существенной оговорке, что правовая доктрина – и эту оговорку с уверенностью можно распространить и на все заимствованные объекты – усваивается не целиком, а в соответствии со специфическими условиями рецепирующей стороны, иными словами, насколько и в какой мере готова к восприятию каких-либо доктрин та почва, на которой будет посеяно зерно входящих идей, и при этом немаловажно, что эта подготовка должна быть не только интеллектуальной, социальной, но и исторически детерминированной.

XX-е столетие привносит в значение слова «рецепция» значимый пласт коннотаций, связанных с литературоведческими исследованиями, однако все еще в значении заимствования и влияний (литературных жанров, стилей и пр.). С 80-х гг. литературный контекст понимания термина «рецепция» меняется и дополняется в связи с исследованиями В. Изера, Г. Юсса и Г. Гадамера, и вырабатывается ряд смежных понятий, таких как художественное восприятие, рецептивная эстетика, *Rezeptionsgeschichte*, *Wirkungsgeschichte*, причем два последних термина подчеркивают историческую детерминированность художественного восприятия⁵. Большая часть дискуссий в этом вопросе сводится к тому,

⁴ В предисловии к книге [Holub, 1984, p. xi] автор ссылается на то, что можно назвать историческим анекдотом, согласно которому автор «теории рецепции» немец Ганс Роберт Юсс в 1979 г. шутил, что для иностранного уха (имея в виду англо-саксонскую традицию) «reception» (*рецепшн*) звучит приемлемо скорее в отношении гостиничного бизнеса нежели литературной теории. Для русского уха термин имеет давно устоявшееся и вполне понятное значение, поскольку давно заимствован из немецкого языка в контексте римского права (мы опускаем здесь контексты биологии и физиологии, военного дела и пр. не гуманитарные сферы) и уже стал общеупотребимым словом. Чтобы не быть голословной, приведу в качестве примера книгу В. Моддермана «Рецепция римского права», переведенную с немецкого языка [Моддерман, 1888].

⁵ *Rezeptionsgeschichte* и *Wirkungsgeschichte* отражают разные стороны истории заимствований и влияний соответственно: первый термин представляет сторону читателя и показывает, что именно на конкретном историческом отрезке воспринято (заимствовано) и как оценивается это восприятие читателем (т. е. в аспекте прошлого и настоящего), а второй представляет сторону текста (доктрины) и отражает эффект или результат

кто создает смысл текста: автор, который его пишет, или читатель, который его прочитывает, и односторонность такой дихотомии очевидна, соответственно, вырабатываются какие-либо опосредствующие гипотезы, либо авторы отдают методологическое предпочтение одной из сторон.

Такого же рода исследований по философской рецепции практически невозможно найти и, возможно, они избыточны, поскольку в некоторой мере к историко-философским исследованиям могут быть адаптированы перечисленные выше подходы. Хорошим примером такой адаптации служит работа, посвященная рецепции аристотелевской этики в рамках *Rezeptionsgeschichte*, в предисловии к ней редактор книги Й. Миллер задает методологические основания, которые, на наш взгляд, можно успешно развернуть в историко-философский рецептивный подход [Miller, 2012, pp. 1-2].

Позволив себе незначительные корректировки оснований Миллера и добавив ряд пунктов с учетом сказанного выше, можно сформулировать критерии оценки историко-философской рецепции, при этом блок *R* (*Rezeptionsgeschichte*) будет содержать критерии «со стороны читателя», а блок *W* (*Wirkungsgeschichte*) – критерии «со стороны доктрины», эффекта, который она произвела⁶. В данном случае блоки мы выделяем условно, для ясности, значение для оценки степени рецепции имеет вся совокупность критериев.

R

1) устанавливается, что именно прорабатывалось и под каким влиянием это происходило (какие именно тексты, доктрины, проблемы, и почему именно они оказались значимы для рецепирующей эпохи), что способствует восприятию, а что препятствует, что заставляет отторгать образец;

2) оцениваются основания полагать, что персона/эпоха имели доступ к предполагаемым текстам, доктринам и т. д.

3) если основания (2) достаточные, то есть ли основания полагать, что персона/эпоха читали эти работы или каким-то иным образом знакомились с доктринами (непосредственно, опосредованно, кто или что служило передатчиком и т. д.)?

4) если основания (3) достаточные, то есть ли у нас возможность оценить, насколько внимательно работы читались (доктрины изучались и т. д.)?

W

5) есть ли доказательства того, что те или иные взгляды, тексты, доктрины повлияли на взгляды обсуждаемых персон/эпоху?

6) какой эффект оказали эти работы на последующие эпохи, персоны, тексты, т. е. фиксация существенных достижений в какой-либо области, включая отличные от той, к которой принадлежит рецепируемый образец; (перевод источников, формирование научных школ, запуск философских программ и т. д.)?

7) оценивается степень фактического влияния на эпоху или людей этой конкретной эпохи (оценка исторической среды, ее запросов, состояния, потребности в восприятии именно этого набора текстов, доктрин и т. п.), оценка форм рецепции, в которых она реализовались (адаптация, апроприация, ассимиляция, креолизация и т. д.), оценка степени оригинальности возникших представлений.

займствования, отклик на текст и то влияние, которое он оказал на современников и последующие поколения (т. е. в аспекте настоящего и будущего). [Подробнее см.: Теории, школы, концепции ..., 1985; Holub, 1984].

⁶ Более рамочные критерии, которые были эксплицированы в [Вольф, 2023, с. 42], в качестве отдельных пунктов включены в данный более подробный список.

Предложенный вариант уточнения понятия «рецепция» полезен для историко-философских исследований, по крайней мере тем, что позволяет уйти от простой декларации включенности образца в культуру и от распространенных повсеместно в методологических подходах XX в. бинарных и малопродуктивных схем в духе «было / не было», «достаточно / недостаточно» (ср. «рецепция Аристотеля не произошла») и позволяет масштабировать представление о рецепции, и ранжировать степень присвоения, адаптации рецепируемых образцов, равно как и оценить степень трансформации культуры вследствие оказанного рецепируемым образцом эффекта, зафиксировать изменение или даже оформление базиса, на котором эта культура зиждется. Немаловажно, но именно W-блок способен показать, что именно понимается под рецепцией в каждом отдельном случае и может позволить оценить рецепцию по одному основанию (например, по креолизации – усвоение / отвержение ценностей, разделяемых образцом). Тогда разговор о рецепции способен принять более продуктивные формы, к примеру, схематично, от субъективной декларативной формы «философа X упоминают часто» можно перейти к содержательному варианту как в схеме рассуждения «философ X упоминается чаще, чем Y, но ценности, которые он принимает, отвергаются и критикуются, рецепция не произошла».

Выше мы допустили, что эпоха Просвещения может пониматься как осевая для разграничения «русского Аристотеля», интерпретируемого как имеющего отношение к разным традициям внутри российской культуры, или, лучше сказать, к двум разным парадигмам. Далее мы также допустили, что рецепция идей Аристотеля в русской культуре может быть уточнена в рамках более широкого контекста развития интеллектуальной культуры Европы. Ниже в этой статье мы подробнее остановимся на прояснении второго допущения и только в общих чертах коснемся вопроса о том, действительно ли разрыв указанных традиций был парадигмальным, и начнем с того, что «русский Аристотель» благодаря все той же невероятной аверинцевской харизме, уже привычно сопоставляется со «схоластическим»: «Человек Запада может никогда не читать Аристотеля; может никогда не слышать этого имени; может считать себя убежденным противником всего, что связано с этим именем. И все же он в некотором смысле является “аристотелианцем”, ибо влияние аристотелианской Схоластики за столетия определило слишком многое, вплоть до бессознательно употребляемых лексических оборотов» [Аверинцев, 1996, с. 328], т. е. схематически мы можем интерпретировать вышесказанное как «схоласт = аристотелианец»⁷. Однако ни с точки зрения количественных критериев, ни с точки зрения

⁷ Позволим себе привести любопытный пример, который показывает, насколько сильным может оказаться авторитет С. С. Аверинцева (да и любой другой) для случаев оформления тех или иных выводов (мы ни в коем случае не ставим под сомнение высочайший авторитет Сергея Сергеевича, только лишь хотим показать, что в некоторых случаях строгий методологический подход мог бы дать основания отстаивать значимость некоторых выводов, которые могут расходиться даже с высокоавторитетными заявлениями). Напомним читателю более полную версию «хорошо известного» заявления С. С. Аверинцева (курсив далее во всех цитатах наш. – М.В.): «... христианская рецепция Аристотеля даже в византийских масштабах так и не произошла. ... Имевшие хождение на Руси переводы Иоанна Дамаскина и других носителей традиции Стагирита не пробуждали *достаточно утилитарного интереса*, оставаясь простым реквизитом учености. А с XV века “аристотелевы силлогизмы” становятся особенно однозначными в ходе конфронтации с католической Схоластикой» [Аверинцев, 1996, с. 327].

В своей статье М. Л. Тузов [Тузов, 2009, с. 77-78] пишет: «Учитывая, что логико-онтологический принцип недопустимости противоречия был сформулирован Аристотелем, позволительно говорить об “аристотелевой”

степени представленности реципиентных образцов в культуре соотносить русского Аристотеля и схоластического не совсем корректно, поскольку такое соотнесение производится на разных основаниях и для эпох и культур, обладающих действительно парадигмальными различиями. В статье [Вольф, 2023, с. 39] мы упоминали, что говорить в этом случае следовало бы не о рецепции взглядов самого Аристотеля, а о рецепции схоластических идей, причем уже 200 лет назад сама же западная культура отлично понимала, что Аристотель и схоластика в буквальном отношении практически несопоставимы⁸. Много вопросов и к самому выражению «аристотелианская Схоластика», поскольку более понятным представляется дискурс об иезуитской, доминиканской, протестантской схоластике, и мера, в какой каждая из них сводится к *аристотелианской*, очень условна. Более того, внутри самой католической церкви возникают и развиваются различные многообразные формы схоластического «аристотелизма», и возникшие таким образом аверроизм, скотизм, томизм также имеют весьма опосредованное отношение к учению самого Аристотеля даже в тех случаях, когда напрямую комментируют доктрины и сочинения Стагирита. То, что схоластика опирается на корпус Аристотеля, реальные тексты, которые комментируются, изучаются и служат базой для ее самовоспроизведения, не должно нас вводить в заблуждение, поскольку аристотелевский текст «трансцендировался за пределы философской системы и становился своего рода ее “прафеноменом” ... схоластическая философия, оставив форму комментария, приобрела форму интертекста к корпусу сочинений Аристотеля. Именно интертекстуальность является конституирующим

рефлексии теологии, тем более что в средневековом сознании логика... связывалась с именем Аристотеля, которое в России того времени был[о] *хорошо известно образованным людям*. С логикой Аристотеля русские мыслители были знакомы хотя бы по переводу “Источника знания” Иоанна Дамаскина, первый раздел которого содержит в себе краткий свод логических знаний, позаимствованных в комментариях Порфирия на Аристотеля либо у самого великого греческого философа». А потом на последней странице, процитировав Аверинцева, резко сдает позиции, при этом пытаясь хоть как-то защитить свои выводы [Тузов, 2009, с. 77-78]: «В конечном счете, сказанное *верно* [соглашается с С. С.]. Философия Аристотеля действительно *усвоена русской культурой плохо*. [Хотя десятью страницами выше говорится о хорошем знании философа как минимум образованными людьми]. Вместе с тем, когда возникла острая полемика с еретиками, оказалось, что *Аристотель, как минимум, полезен*. [Мягко защищается от «отсутствия утилитарного интереса»]. Элементы аристотелевой логики *оказались использованными* в отечественной средневековой теологии Иосифом Волоцким, причем *не только в плане аргументации, но и на уровне рефлексии* порядка теологического рассуждения, хотя очевидно, что это имело *весьма ограниченный, эпизодический* и все же *поверхностный и неявный характер*. Впрочем, другого *в отсутствие традиции* быть и не могло. [В итоге почти отказывается от своего тезиса, наделяя исторический факт рецепции негативными оценками, и в результате постулирует отсутствие традиции]». Мы наблюдаем значимое количество оценочных суждений «хорошо/плохо» к содержанию выводов ранее проведенного исследования и фактический отказ от их ценности, поскольку у автора нет критериев оценить уровень и значимость рецепции иначе, чем количественно и опять-таки оценочными средствами. К этой «полемике» мы еще будем возвращаться ниже.

⁸ В «Журнале Министерства народного просвещения. Часть LVIII» за 1848 г. в реферативном обзоре Г. Сахаровым философских статей читаем изложение статьи французского историка философии Эмиля Сэссе о Джордано Бруно и философии XVI в.: «Аристотель и Платон победили, в XVI в., схоластику ... Каким образом ... Аристотель ... из руководителя и опоры схоластиков мог сделаться оракулом самых отчаянных их противников? ... Достаточно сказать, что Аристотель схоластиков был ложный Аристотель ...», далее идут пояснения к этому тезису, приводить их здесь не будем [Сахаров, 1848, с. 3]. Хорошо видно, что уже в середине XIX в. европейская история философии (в лице французского историка философии Э. Сэссе) растождествляет Аристотеля и схоластику, а русская культура (в лице Г. Сахарова, который счел нужным включить эту работу в свой реферативный обзор) этот факт принимает и делает акцентным.

началом схоластических курсов...» [Савинов, 2011, с. 102]. Легко себе представить, насколько мало интертекстуальные дискуссии оставляют от исходного текста в неизбежных процессах апроприаций и свехинтерпретаций.

Тем не менее, о схоластическом Аристотеле говорится как о европейском, однако не дается поправка на германскую, французскую, финскую, голландскую или какую-либо еще уникальную составляющую *европейской культуры*⁹. В этом смысле *схоластика* означает не принадлежность к некоей универсальной европейской форме рецепции Аристотеля, а к каким-то базовым, субстратным основаниям западной интеллектуальной культуры, имеющим отражение в теологическом дискурсе, и тогда в поисках российской рецепции Аристотеля противопоставляться ей должен не *некий* Аристотель, рассмотренный изнутри культуры Древней Руси в форме одной из своих «разновидностей», а в целом богословская культура Востока. Выражаясь точнее, фокус должен быть направлен на византийское богословие и сопряженную с ним аристотелевскую философию, противопоставленные схоластической богословской традиции Запада (причем условно, с множеством оговорок, с пониманием различий в протестантском и католическом дискурсе и т. д.). В противном случае любые наши неосторожные заявления о том, что русский Аристотель не похож на аристотелианскую схоластику, могут оказаться на грани субъективной демагогии.

Ниже в поддержку сформулированного выше тезиса приведем два примера исследований [Лурье, 2006; Брэдшоу, 2012], примечательных тем, что они написаны изнутри православной традиции исследователями, сочувствующими православию и опирающимися на восточные принципы и образцы богословия, и эти примеры, на наш взгляд, таковы, что позволяют исключить единственность и превосходство интеллектуального образца «схоластического» развития европейской культуры и Аристотеля в ней, а также в равной мере оценить значимость восточных вариантов рецепций Стагирита. Часто отсылка к «схоластическому» Аристотелю – это обычно отсылка к тому, как аналитический инструмент Аристотеля послужил развитию техничного характера споров и публичных обсуждений, и вероятно, за призывом В. В. Библихина к русской культуре, предпочитающей платонизм с его «высоким стилем, риторической пышностью, легким переходом в мифологию и мораль», прочесть наконец Аристотеля для «восстановления трезвости нашей мысли» [Библихин, 2006, с. 7] стоит то самое, неизвестно каким образом возникшее ощущение недостаточности апроприированности логики и логической техники в русской культуре (особенно если речь по-прежнему идет об образованном сообществе) и эталонности схоластики как образца интеллектуальной деятельности¹⁰. Нижеприведенные исследования

⁹ Позволим себе съязвить на предмет того, что практически каждый слышал об испанской схоластике, но мало кто о финской (ее попросту не существует). Схоластика не является маркером всей/любой европейской культуры, более того, она является формой организации исключительно *университетской* учености, а потому упрек Аверинцева в том, что на Руси аристотелианство оставалось «простым реквизитом учености», можно законно вернуть ему как верный и в отношении схоластики. Мы уже приводили пример германского протестантского перипатетизма XVII в., когда европейская рецепция Аристотеля идет вне схоластической традиции [Вольф, 2023, с. 40].

¹⁰ Объяснить такого рода заявления можно либо недостаточной осведомленностью или внимательностью к восточной богословской, православной и русской интеллектуальной культуре, либо определенной степенью культурной ангажированности к Европе.

Впрочем, в качестве возражения этому рассуждению В. В. Библихина напомним о высокой степени рецепции именно логической стороны учения Аристотеля русской культурой, о чем мы писали [Вольф, 2023, с. 43-46], при этом обратим внимание читателя на достаточную для этого случая представленность

отбирались нами с ориентацией не на логические основания (которых в восточной традиции тоже достаточно, и в работе В. М. Лурье они также занимают не последнее место, как и во многих других его трудах), а на то, что сделанное в рамках этих исследований можно соотнести с методологией истории идей или истории понятий, что позволяет сместить фокус рецепции с привычного восприятия образа, с каких-либо текстов или доктрин на то, как те или иные понятия языка Аристотеля встраивались в восточно-богословский дискурс.

Среди характерных и ключевых для аппарата аристотелевской философии понятий есть те, которые глубоко укоренены не только в византийской традиции, но и в современном православном богословии – ипостась, сущность, энергия, сила. Эти понятия вошли в богословский вокабуляр настолько, и настолько тесно сплетаются с пониманием природы Бога, что трудно отсылать к их языческим значениям в современном узусе или в принципе говорить о рецепции Аристотеля в связи с ними. В Византии, как и на Западе, продолжали и после античности «переписывать, изучать, комментировать и развивать... мысли» Аристотеля и Платона, которые оставались основанием философского образования [Лурье, 2006, с. 11], причем В. М. Лурье подчеркивает, что для Византии порядок следования этих имен приобретает другую приоритетность, расходящуюся с хронологической и вообще привычной. Формирование православного богословия, чему посвящена практически целиком «История Византийской философии» В. М. Лурье, и внимательный читатель без труда это обнаружит, идет вокруг двух аристотелевских понятий – природа и ипостась, и в этом смысле православное богословие оказывается даже более аристотелевским, чем принято думать. Именно это стремится подчеркнуть автор в заключительных словах под всем своим исследованием: «Все прочие богословские термины, о которых у нас шла речь, служили лишь пояснению этих фундаментальных понятий. / Именно различие понятий “природа” и “ипостась” позволило создать на основе категорий Аристотеля язык совершенно другой логики, подходящей для перевода на “греческий” язык “священнического богословия” Библии. / Это же различие позволило радикально отделить православное богословие от традиции платонизма... / православное понимание связанных между собой категорий природы и ипостаси – это и есть тот “секретный” логический код, который отличает православие от всех остальных вариантов догматики, именующей себя христианской» [Лурье, 2006, с. 530-531].

Отметим сразу, что все перечисленные понятия не только сохраняются в философском контексте, но кочуют по разным контекстам, обретают дополнительные значения, в этом случае говорить уже о простом их восприятии в культуре нельзя; в большинстве таких случаев не будет выполняться критерий R2, и вне предложенных выше критериальных требований мы бы предположили, что речь идет о чем угодно, но не о рецепции Аристотеля. Однако при этом прекрасно выполняется критерий W7, и в соответствии с ним мы все еще будем говорить о рецепции Аристотеля как в терминах фактического влияния на культуру, так и в терминах степени оригинальности результата. Тем самым, если мы переходим на язык истории понятий, то утрата родного контекста каким-либо термином в новой культуре скорее свидетельствует о рецепции, нежели его сохранение. То же самое касается и следующего аристотелевского понятия, о котором пойдет речь ниже.

W-критериев, это и формирование научных школ, и степень оригинальности полученных результатов, и их значимость для дальнейшего развития логики в мировом масштабе.

Другое исследование строится вокруг аристотелевского понятия «энергия» [Брэдшоу, 2012]. Д. Брэдшоу говорит, что понятие «энергии» он берет в качестве «связующей нити» [Брэдшоу, 2012, с. 19] в буквальных терминах истории идей. Историки идей предпочитали метафору «ткани» истории, в которую вплетались «нити» идей или понятий, и задачей историка было найти начало нити, ее конец и зафиксировать все точки переплетений с другими «нитями»-понятиями, формирующими целое полотно. С помощью понятия «энергия» в объеме всей работы он показывает не только перипетии и смысловые трансформации этого понятия на Востоке и Западе, не только историю формирования и решения философских и теологических проблем, выстроенных на его основе, но и в целом демонстрирует, как проблемы, включающие в себя непростое для интерпретации понятие, оказались в числе ключевых факторов, повлиявших в конечном итоге на трагический раскол между Западной и Восточной Церковью. Если в первых главах имя Аристотеля еще звучит, то по мере продвижения к концу исследования встречается все реже и реже (хотя автор не забывает иногда оставлять ремарки, что зачатки тех или иных значений понятий у Аристотеля уже были), в «Эпилоге», как кажется, имя Аристотеля мы вовсе не найдем. И, тем не менее, это все еще книга об Аристотеле на Востоке и Западе, и говорить об аристотелевском присутствии и в понятиях *energeia* и *ousia*, равно как и в *operatio*, *actus* и *actualitas* вполне законно, поскольку в осмыслении этих понятий рецепирующие традиции все время обращаются к исходному коду базового аристотелевского вокабуляра, и уж точно не менее законно, чем усмотрение духа Аристотеля в схоластике.

Выводы, к которым приходит Д. Брэдшоу, касаются не столько места Аристотеля в двух культурах, сколько того, какую форму по итогу эти две культуры обрели, и именно эти рассуждения Брэдшоу, на наш взгляд, служат примером, отлично иллюстрирующим, каким образом мы могли бы делать выводы или в принципе делать выводы о рецепции в соответствии с критериями блока W. Например: «На Востоке не было понятия Бога. Восток рассматривал Бога не как сущность, подлежащую интеллектуальному постижению, а как личностную реальность, познаваемую из деяний Бога и прежде всего через участие человека в этих деяниях ... На Востоке они [духовные практики. – М.В.] воспринимались не как способ дисциплинирования тела, но как то, что способствует процессу обожения всего человека, его души и тела. ... Для Востока нравственность не сводится к соответствию закону или (в более аристотелевском духе) к достижению совершенства посредством приобретения добродетелей. Она связана с познанием Бога через участие в Его действиях и проявление в себе Его образа. В этом отношении поразителен тот факт, что долгая западная традиция мирского сопротивления клерикальному навязыванию моральных норм не имеет аналога на Востоке» [Брэдшоу, 2012, с. 358-359].

Удивительным образом в сделанных выводах Брэдшоу отвечает на ряд болезненных для современной русской культуры вопросов, почему для русской ментальности не когерентны принципы понимания Бога, сформированные в аналитической теологии, стоические интерпретации аскезы и, особенно, аналитические дискуссии о морали на фоне общей слабой потребности в этическом дискурсе.

Высказанные выше замечания С. С. Аверинцева в контексте приведенных примеров выглядят особенно пристрастно, и если он полагал, что «человек современности хорошо сделает, если чаще будет думать об аристотелизме как внутренней форме западной

цивилизации» [Аверинцев, 1996, с. 328], то, вероятно, не станет хуже, если человек современности также будет справедливо думать об аристотелизме как о внутренней форме православной культуры и российской цивилизации, и если «[з]ападному человеку это дает шанс найти равновесие между технико-рационалистическими компонентами своего мира» [Там же], то для человека, включенного в русскую культуру, это даст основания глубже осознать естественным образом укорененные в его культурном коде основания морали, долга и внутреннего чувства справедливости, соизмеримые с особой формой богопознания.

Разумеется, такая разница в традициях Востока и Запада, и это отмечает сам Брэдшоу, является следствием немалого количества причин, и тем более мало кто отважился бы усмотреть в этом рецепцию Аристотеля или сводить их все к аристотелевской философии, однако вся история развития понятийного аппарата Востока и Запада, как показал Брэдшоу, принуждает нас говорить о рецепции Аристотеля как минимум как об одном из факторов, ответственных за такое положение дел. Остается только добавить, что к такой форме иллюстрирования рецепции Аристотеля в русской культуре, которая заложена неявным образом в исследовании Брэдшоу, носители русской культуры оказались вполне чувствительны, о чем говорит благожелательная рецензия М. А. Солоповой, известной российской переводчицы и глубокой исследовательницы трудов Аристотеля, в частности ее слова: «Для большинства читателей в России, несомненно, данная книга будет полезна и укрепит нас и в нашей отеческой вере, и в понимании причин западного неверия, и в решимости изучать святоотеческое наследие» [Солопова, 2012, с. 31].

Предложенное выше рассуждение о глубокой включенности Аристотеля в традицию восточной церкви подсказывает нам, что фактически высказанное выше допущение о разрыве традиции и смене парадигмы с религиозной на секулярную в прочтении Аристотеля русской культурой может быть неверно. Это лишь один из углов зрения, который формируется постановкой вопроса и выбором основания для сравнения. При более бережном и осторожном отношении к фактам мы можем сказать, что новая эпоха дает нам шанс на новое оригинальное прочтение старых форм, но не способна полностью уничтожить то содержание, которое уже неявно является структурообразующим для рецепирующей культуры.

Фактически оба приведенных примера резко выбиваются из привычных нам исследований, посвященных рецепции вообще или рецепции Аристотеля в частности, но, однако, это именно они и по форме, и по содержанию. Внимательный читатель нашел бы в них структуру, включающую практически все приведенные выше критериальные требования. Возможно для кого-то говорить о рецепции как о восприятии терминологии покажется недостаточным, однако это лучше, чем говорить о рецепции того или иного философа *вообще*. За словами «рецепция Аристотеля» может скрываться содержание, такое как логический инструментарий, оригинальные доктрины, перевод трактатов целиком или отдельными главами, введение в образовательные программы, обсуждение в СМИ, анекдоты, художественные изображения, упоминание в массовых изданиях и т. д., а может и зиять содержательная пустота, прикрытая количественными измерениями или оценочными суждениями. Если в n-ом веке Аристотеля упомянули 18 раз, и это меньше, чем в следующем, то это лучше или хуже для его наследия или для нашей культуры? На этот вопрос нет смысла отвечать, любой ответ будет лишен конструктивного содержания.

Пока мы не зададим четких критериев понимания рецепции, причем таких, где будут присутствовать как технические R-условия, так и продуктивные W-условия, рецептивный дискурс не выйдет из тупика оценочных суждений. Особенно это касается вопроса о рецепции Аристотеля.

Список литературы / References

- Аверинцев, С. С. (1996). Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России. *Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М.: Школа «Языки русской культуры». С. 319-328.
- Averintsev, S. S. (1996). Christian Aristotelianism as an Internal Form of the Western Tradition and the Problems of Modern Russia. In *Averintsev S. S. Rhetoric and Origins of the European Cultural Tradition*. Moscow. Pp. 319-328. (In Russ.)
- Астапов, С. Н. (2019). Образ Аристотеля в древнерусской культуре. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. № 3 (89). С. 23-29.
- Astapov, S. N. (2019). The image of Aristotle in Old Russian culture. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. No. 3 (89). Pp. 23-29. (In Russ.)
- Бибихин, В. В. (2006). К переводу «Метафизики» Аристотеля. *Аристотель. Метафизика*. Пер. с греч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы. С. 7-18.
- Bibikhin, V. V. (2006). To the Translation of Aristotle's *Metaphysics*. In *Aristotle. Metaphysics*. Pervov, P. D. and Rozanov, V. V. (transl.). Moscow. Pp. 7-18. (In Russ.)
- Брэдшоу, Д. (2012). *Аристотель на Востоке и на Западе. Метафизика и разделение христианского мира*. Пер. с англ. А. И. Кырлежева и А. Р. Фокина. Сер.: Философская теология: современность и ретроспектива. М.: Языки славянских культур. 384 с.
- Bradshaw, D. (2012). *Aristotle East and West: Metaphysics and the Division of Christendom*. Kyrzhelev, A. I., Fokin, A. R. (transl.). Series: Philosophical Theology: Modernity and Retrospective. Moscow. (In Russ.)
- Вольф, М. Н. (2023). «Русский Аристотель» в контексте вопроса о рецепции аристотелизма (предисловие к статье Я. Воленского «Рецепция Аристотеля в Польше с 1900 г.»). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 3. С. 37-51.
- Volf, M. N. (2023). "Russian Aristotle" in the Context of the Question about Aristotelianism's Reception (Translator's Remarks on the J. Wolensky's paper "Reception of Aristotle in Poland around 1900"). *Respublica Literaria*. Vol. 4. No. 3. Pp. 37-51. (In Russ.)
- Лурье, В. М. (2006). *История Византийской философии. Формативный период*. СПб.: Аxiōma, XX+. 553 с.
- Lurie, V. M. (2006). *Byzantine Philosophy: A formative period*. St. Petersburg. 553 p. (In Russ.)

Моддерман, В. (1888). *Рецепция римского права*. Пер. с нем. А. Каминка. Ред. Н. Л. Дювернуа. СПб.: Типо-литография А. Е. Ландау. 116 с.

Modderman, W. (1888). *Reception of Roman Law*. Kaminka, A. (transl.). Duvernoy, N. L. (ed.). St. Petersburg. 116 p. (In Russ.)

Рассел, Б. (1987). Религия и наука. Рассел Б. *Почему я не христианин. Избранные атеистические произведения*. Пер. с англ. М.: Политиздат. С. 132-206.

Russell, B. (1987). Religion and Science. In *Russell B. Why I Am Not a Christian. Selected Atheistic Works*. Moscow. Pp. 132-206. (In Russ.)

Савинов, Р. В. (2011). Постсредневековая схоластика как вариант философской парадигмы Нового времени. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Т. 12. № 3. С. 99-108.

Savinov, R. V. (2011). Post-medieval scholasticism as a variant of the philosophical paradigm of the Early modern period. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*. Vol. 12. No. 3. Pp. 99-108. (In Russ.)

Сахаров, Г. (1848). Обзорение русских газет и журналов за четвертое трехмесячие 1848 года. *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. LVIII. СПб.: в Типографии Императорской академии наук. С. 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.ru/books/edition/Zhurnal/cd89AQAAMAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=%22%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%22&pg=RA4-PA3&printsec=frontcover> (дата обращения: 20.11.2024).

Sakharov, G. (1848). Review of Russian newspapers and magazines for the fourth three-month period of 1848. *Journal of the Ministry of Public Education*. Pt. LVIII. St. Petersburg. P. 3. [Online]. Available at: <https://www.google.ru/books/edition/Zhurnal/cd89AQAAMAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=%22%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%22&pg=RA4-PA3&printsec=frontcover> (Accessed: 20 November 2024). (In Russ.)

Солопова, М. А. (2012). Аристотель на Востоке, на Западе и в России. *Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Философия*. Т. 2. № 4. С. 22-31.

Solopova, M. A. (2012). Aristotle in the East, in the West, and in Russia. *Pushkin Leningrad State University Journal. Philosophy*. Vol. 2. No. 4. Pp. 22-31. (In Russ.)

Теории, школы, концепции: критические анализы: художественная рецепция и герменевтика. (1985). Отв. ред. Ю. Б. Борев; Ин-т мировой литературы АН СССР. М.: Наука. 288 с. (Идеологическая борьба в современном мире).

Borev, Yu. B. (ed.). (1985). *Theories, schools, conceptions: critical analyses: artist reception and hermeneutics*. Moscow. 288 p. (Ideological Struggle in the Modern World). (In Russ.)

Тузов, М. Л. (2009). Логическая, или «аристотелева», рефлексия теологии в «Послании иконописцу» Иосифа Волоцкого. *Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки*. Т. 151. Кн. 1. С. 84-90.

Tuzov, M. L. (2009). Logical, or “Aristotelian”, Reflection of Theology in the “Message to the Icon Painter” by Joseph Volotsky. *Scientific notes of Kazan State University. Humanities*. Vol. 151. No. 1. Pp. 84-90. (In Russ.)

Чумакова, Т. В. (2005). Рецепции Аристотеля в древнерусской культуре. *Человек*. № 2. С. 58-69.

Chumakova, T. V. (2005). Receptions of Aristotle in Old Russian Culture. *Chelovek*. No. 2. Pp. 58-69. (In Russ.)

Holub, R. C. (1984). *Reception Theory. A Critical Introduction*. London and New York. Methuen.

Miller, J. (ed.). (2012). *The Reception of Aristotle's Ethics*. Cambridge. Cambridge University Press.

Thouard, D. (2005). Aristote au XIX siècle: la résurrection d’une philosophie. In Thouard, D. (dir.). *Aristote au XIX siècle*. Villeneuve d'Ascq. Presses Universitaires du Septentrion (généré le 21 juillet 2023). Pp. 8-21. [Online]. *OpenEdition Books*. Available at: <https://books.openedition.org/septentrion/53880>; <https://books.openedition.org/septentrion/53892> (Accessed: 20 November 2024).

Сведения об авторе / Information about the author

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, профессор РАН, профессор, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: rina.volf@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-1458-0440>

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 25.11.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Volf Marina – Doctor of Sciences in Philosophical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: rina.volf@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-1458-0440>

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 25.11.2024

Accepted for publication: 02.12.2024

УДК 1(091)

О ГЛАВНОМ АРГУМЕНТЕ ДЭВИДСОНА

А. А. Санжеников

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
sanzhenakov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается один из аргументов Дональда Дэвидсона в защиту каузального подхода, согласно которому объяснение действий через основания является разновидностью причинного объяснения. Дэвидсон полагает, что квалификация тех или иных желаний и убеждений в качестве оснований не является достаточным условием для объяснения действия. Для того, чтобы действительно объяснить действие, нам необходимо найти то основание, которое стало реальной действующей причиной, поскольку одно основание может правдоподобно объяснять действие, но при этом не быть его истинной причиной. Это рассуждение Дэвидсона получило наименование главного аргумента (the master argument) и рассматривается в последующей традиции как один из самых сильных доводов в пользу каузализма. В статье показаны слабые стороны данного аргумента.

Ключевые слова: теория действия, основания для действия, причины действия, главный аргумент Дэвидсона, каузальная теория действия, антикаузализм, аномальный монизм, объяснение, рационализация.

Для цитирования: Санжеников, А. А. (2024). О главном аргументе Дэвидсона. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 39-51. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.39-51

ON DAVIDSON'S MASTER ARGUMENT

A. A. Sanzhenakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
sanzhenakov@gmail.com

Abstract. The article discusses one of Donald Davidson's arguments in defense of the causal approach, according to which the explanation of actions through reasons is a kind of causal explanation. Davidson insists that the qualification of certain desires and beliefs as reasons is not a sufficient condition for explaining an action. In order to really explain an action, we need to find the reason that became the real efficient cause, since one reason can plausibly explain an action, but at the same time not be its true cause. This thesis of Davidson was called the master argument and is considered in the subsequent tradition as one of the strongest arguments in favor of causalism. The article shows the weaknesses of this argument.

Keywords: theory of action, reasons for action, causes of action, Davidson's master argument, causal theory of action, anti-causalism, anomalous monism, explanation, rationalization.

For citation: Sanzhenakov, A. A. (2024). On Davidson's Master Argument. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 39-51. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.39-51

Современные теории действия в аналитической философии по умолчанию используют схему желание-убеждение в качестве объяснительной модели. Считается, что одного желания недостаточно для того, чтобы действие осуществилось. Помимо желания у субъекта

действия также есть убеждение о том, что ему нужно совершить ряд операций, чтобы желаемое положение дел реализовалось. Как полагают многие современные философы, желание и убеждение являются основаниями (reasons) для действия. Относительно функций оснований для действия существует две точки зрения. В первом приближении основание – это то, в свете чего действие представляется разумным и осмысленным. Когда мы говорим, что у некоего человека не было оснований идти за кофе, мы подразумеваем, что его действие было иррациональным ввиду каких-либо обстоятельств личного характера (например, всю свою сознательную жизнь он ненавидел кофе, отдавая предпочтение чаю) или же объективного плана (ближайшая кофейня находится в нескольких километрах от него, а средств передвижения у него нет). Поэтому зачастую действующее лицо предоставляет основания себе и окружающим с целью показать разумность и оправданность своего действия. Однако, по мнению некоторых философов, эта история не ограничивается объяснительной функцией, т. к. основания не только выступают экспланантом действий, но и вызывают действия, т. е. являются их причинами. Такой подход называют каузальным, а его сторонников – каузалистами. В истории философии было великое множество каузалистов, что объясняется очевидностью того факта, что наши действия действительно зачастую проистекают из наших ментальных актов (желаний и убеждений). Аристотель, Д. Юм, А. Айер, Д. Дэвидсон, А. Голдман – вот лишь некоторые проponentы этой точки зрения. Их оппоненты – антикаузалисты – менее многочисленны и имеют менее древнюю генеалогию в истории философии. В большинстве случаев отправной точкой служит философия позднего Витгенштейна. За ним следуют Э. Энском, Г. Райл, Ф. Фут, Р. Тайлор, А. Мелдон.

В настоящий момент фигура Д. Дэвидсона является ключевой для спора между каузалистами и антикаузалистами. Практически в каждой публикации по этой теме упоминается его подход. Это вовсе не удивительно, учитывая тот факт, что именно Дэвидсон сформулировал основные защитные стратегии каузалистов, а также указал антикаузалистам на слабые стороны их позиции. Ключевой точкой наступательной стратегии Дэвидсона повсеместно признается его так называемый «главный аргумент» (the master argument). Поскольку он до сих пор обсуждается, его теоретическая значимость и актуальность для философии действия не вызывает сомнений. В этой статье мы намерены провести критическую оценку этого аргумента. С этой целью сначала будет представлен абрис дискуссии, затем мы рассмотрим сам аргумент и в конце обратимся к его критике.

О дискуссии в общих чертах и о ее значении для современной философии

Обычно исследование человеческих действий начинается с выделения человеческой деятельности в отдельный специфический вид активности. Действия являются произвольными и зависят от человека, поэтому явления природы и неконтролируемые движения тела не относятся к действиям. Широко признается, что главным отличительным свойством действия является намеренность. Однако этот консенсус не дает надежд на окончательное решение проблем в теории действия, но порождает новые вопросы. Как нам разграничить намеренные движения от ненамеренных? Если мое намеренное действие повлекло за собой нечто, что я не мог предвидеть, является ли это последствие частью моего действия? И наконец, предмет нашего исследования возникает, когда мы задаемся вопросом, является ли намерение причиной действия? Начиная с Аристотеля

и вплоть до Юма история философии не знала иного ответа на этот вопрос, кроме как положительного. Поздний Витгенштейн в «Философских исследованиях» выступает против этой традиции. Этот по тем временам неординарный подход вдохновил многих и сформировал целый лагерь антикаузалистов. Затем мы видим реакцию на поствитгенштенианскую теорию действия – Дэвидсон снова возвращается к классическому ответу. Так вырисовывается оппозиция каузалистов и антикаузалистов.

Интуиции, которые стали основными драйверами дискуссии, могут быть представлены следующим образом: 1) люди действуют исходя не столько из объективных обстоятельств, сколько на основании своих субъективных соображений (которые, естественно, могут принимать во внимание объективные факторы), причинность описывает исключительно объективную процессуальность и поэтому не может применяться к действиям людей; 2) любые события имеют причину, действия людей также являются событиями, поэтому причинность распространяется и на них. Аристотель был ярким представителем второй позиции, поэтому именно его Дэвидсон называет в качестве главного провозвестника каузального подхода в теории действия.

В простом виде современную каузальную (стандартную) теорию действия можно изложить словами Майкла Мура: (1) действия отчасти соответствуют движениям тела; (2) определенные ментальные состояния (верование, желание, намерение, воление, выбор, решение, обдумывание и т. п.) вызывают эти движения тела и характеризуются как волевые акты; (3) отношение между волевыми актами и движениями тела является причинным [Moore, 2010, p. 28]. Здесь мы видим частичное тождество действия и движения тела. Это не случайно, поскольку стороннику причинной модели важно редуцировать рациональную деятельность по выбору мотивов и имплементации мотивирующего резона в действие до уровня физических наблюдаемых явлений, потому что такая редукция упрощает введение каузального элемента при обсуждении действий. Другой момент, который обращает на себя внимание, – это механицизм, который свойственен каузальному подходу. Под механицизмом в данном случае мы подразумеваем разложение действия на несколько каузально связанных элементов (например, мотив выступает отдельным элементом и обладает каузальной силой, вызывающей само действие). Некоторые исследователи вводят такой особый элемент, как «попытка сделать что-то» [Hornsby, 2010]. Наглядный пример можно найти в работе Дж. Сёрля «Рациональность в действии», где в структуре действия различаются несколько разрывов (gaps), один из которых находится между «предварительным намерением и намерением в действии, то есть между решением сделать то-то и то-то и реальной попыткой это сделать» [Сёрль, 2004, с. 69]. Именно против подобного понимания восстал поздний Витгенштейн. «Поднимая руку, я чаще всего не *пытаюсь* ее поднять» («Философские исследования», § 622) [Витгенштейн, 1994, с. 247]. В данном случае механицизм каузалистов критикуется через чувство естественности совершения действия. Это чувство не позволяет нам выделить в наших действиях стадии или этапы¹. Конечно, если речь идет о неординарных или сложных действиях, то некоторая

¹ Другой пример критики механицизма мы можем найти у Э. Энском, когда она выступает против анализа действия посредством его разложения на до-намеренное (preintentional) телесное движение и некое внутреннее психологическое состояние (можно назвать его волением), которое и делает это движение намеренным [см.: Anscombe, 1957, pp. 28-29].

дискретность наблюдается. Предположим, я собрался покорить Эверест. Для этого мне нужно предварительно много тренироваться, выстраивать маршрут, покупать экипировку и т. д. Добавим к этому, что само действие по восхождению на вершину не является одномоментным. Похожая ситуация с действиями, которые не растянуты во времени, но все же требуют от агента некоторых усилий. К примеру, мне в отличие от олимпийских чемпионов придется долго собираться с духом, чтобы заставить себя прыгнуть с десятиметровой вышки в воду. Однако в большинстве случаев обычные действия совершаются без какого-либо усилия воли, как следствие, мы не можем выделить предварительный (подготовительный) этап и сам акт. На это обращает внимание Г. Райл, который в книге «Понятие сознания» доказывает, что воля является пустым понятием [Райл, 1999, с. 70-89].

Антикаузалисты полагают, что понятие причины неуместно использовать при рассмотрении человеческой разумной деятельности. Аргументируя свою позицию, они отмечают, что причинность предполагает постоянство связей между antecedentными и consequentными событиями, а в связи мотивов и действий мы не видим этого постоянства, поэтому каузальность не применима здесь. «Если основания R, которые приводит агент в качестве объяснения своего действия, были в числе причин его действия A, тогда должен существовать некий универсальный каузальный закон, который номологически связывает психологические факторы в R (вместе с другими значимыми условиями) с действием типа A, которое они рационализируют. Однако, как утверждали некоторые, таких психологических законов просто не существует» [Wilson, Shpall, 2022]. К тому же существуют сомнения относительно уместности использования понятия «события» по отношению к желаниям и убеждениям. Антикаузалисты настаивают на понятии «состояния», а применительно к состояниям причинно-следственная связь недопустима. Другая линия критики каузального подхода связана с усмотрением особых характеристик знания от первого лица, которое совершает действие («знание без наблюдения», как это называет Э. Энском). Поскольку о причинах мы знаем иным образом (через наблюдение), постольку ментальные состояния (желания и верования) не могут рассматриваться как причины действий. Еще одна довольно часто используемая стратегия – сведение рассуждения *ad infinitum*: если преднамеренное действие требует некоего элемента, который и вносит произвольность в движение, которое мы квалифицируем как действие, то этот элемент должен обладать произвольностью, которую он должен получить от другого подобного элемента, а тот в свою очередь также требует предварительного элемента, и так до бесконечности². Не менее важное возражение против стандартной теории действия заключается в том, что, руководствуясь этой теорией, мы рискуем потерять агента как такового, поскольку он становится ареной, на которой происходят события в виде ментальных состояний.

² «Волевые акты, таким образом, порождают некоторые ментальные процессы. Но как дело обстоит с самими этими актами? Являются ли они добровольными или недобровольными действиями сознания? Ясно, что и тот, и другой ответ ведет к нелепостям. Если я не могу удержать воления нажать на спусковой крючок, то было бы абсурдно описывать это нажатие как “добровольное”. Но если мое воление к нажатию на курок является добровольным в принятом рассматриваемой теорией значении, тогда оно должно происходить из предшествующего волевого акта, а тот из другого, и так *ad infinitum*» [Райл, 1999, с. 75].

«Главный аргумент» Дэвидсона

Исследования природы действия, проведенные Дэвидсоном, до сих пор остаются актуальными и активно обсуждаются академическим сообществом. Его аргументы и доводы в пользу каузализма расцениваются как вызов, несмотря на то что они были сформулированы более полувека назад. Среди этих аргументов есть наиболее значимый – так называемый «главный аргумент» (the master argument), который представлен Дэвидсоном в программной статье «Действия, причины и основания» [Davidson, 1963]. Именно этот аргумент считается наиболее проблемным для антикаузалистов, поэтому им критически важно на него ответить. Его значение также обусловлено тем фактом, что это единственный позитивный аргумент в указанной статье, в то время как другие доводы имеют характер контраргументов, направленных против сторонников Витгенштейна. Цель главного аргумента заключается в том, чтобы доказать, что рационализация (объяснение действий) через основания не может быть успешной до тех пор, пока мы не признаем, что между основаниями и действиями существует причинное отношение. Как следствие, единственно верное и возможное объяснение действия – это причинное объяснение.

Суть аргумента состоит в том, что только благодаря причинности мы можем провести адекватное различие между основаниями, которые просто имеются у агента, и теми основаниями, которые действительно объясняют его действие: «... человек может иметь основание для действия и совершить это действие, и все же это основание не будет тем основанием, исходя из которого он это сделал» [Ibid., p. 691]. Иначе говоря, базовое основание³ является не только способом рационализации действий, но также выступает их причиной. В самом деле у агента могут быть самые различные основания, среди которых некоторые могут быть более явными, а некоторые – менее явными. При этом вовсе не обязательно, что реальной причиной действия стали те основания, которые наилучшим образом объясняют образ действий. Например, предположим, что я иду в кофейню. Самым очевидным основанием для такого действия будет мое желание выпить кофе, но на самом деле у меня есть другое, более сильное основание выйти из дома и пойти в кофейню – я просто устал писать статью и решил прогуляться до ближайшей кофейни. Таким образом, по мнению Дэвидсона, чтобы верно объяснить действие мы должны выбрать именно то основание, которое послужило его действительной причиной. Поскольку каузальная связь указывает нам на нужное основание, постольку рационализация не может игнорировать ее.

Начнем рассмотрение этого аргумента с самого важного, на наш взгляд, момента. Сила и слабость (как мы увидим далее) этого аргумента заключаются в том, что он одновременно работает на двух разных уровнях. Первый уровень связан с рассуждением об оправданности и уместности тех или иных действий. Это, условно говоря, дискурсивный или нормативный уровень. Второй уровень касается того, как те или иные психологические процессы приводят к движениям тела, которые мы квалифицируем как действия. Это уровень можно так же условно обозначить как физический. Антикаузалисты

³ Базовым основанием или основным резонансом (primary reason) Дэвидсон называет пару из предрасположенности к действию (“pro attitude toward action”) и инструментального убеждения, которое указывает способы достижения цели действия. Например, я хочу осветить комнату (это моя предрасположенность к действию), и я верю, что для этого мне надо щелкнуть клавишу выключателя, следствием этих двух ментальных состояний будет мое действие по включению света.

стараятся остаться на первом уровне и не заходить на второй, поскольку это, как сказал бы И. Кант, царство природы, где царит необходимость. В связи с этим, позицию Дэвидсона на первый взгляд можно представить как некий вариант реализма. Дело в том, что сторонники рационально-объяснительного подхода замыкаются на внутренней жизни сознания, как главного источника не только интенциональных актов, но и в конечном счете первопричины манифестации нашего Я в виде действий, которые могут наблюдать другие люди. Тем самым они отчасти забывают о реальных (объективных) аспектах деятельности. Такому подходу противостоит реалистический подход, объяснения которого тяготеют к обнаружению физических (и физиологических) причин действий. Многие современные философы стараются согласовать свою позицию с этой тенденцией и оставаться на реалистических позициях при объяснении действий, или как минимум учитывать этот аспект. Поскольку Дэвидсон проводит различие между основаниями как кандидатами на объяснение действия и основаниями как *реальными* причинами действий, то его можно было бы отнести ко второму типу. Однако такая простая дихотомия не отражает всех тонкостей философии Дэвидсона. Чтобы показать более объемно теоретические основания его философии, нам нужно подробнее изложить его взгляды на соотношение ментального и физического.

Дэвидсон пытается уйти от классического со времен Декарта противопоставления *res cogito* и *res extensa*. С этой целью он приходит к заключению, что физическое и ментальное является двумя способами описания одного явления. Это позволяет ему относительно легко переходить с одного уровня на другой. Фактически у нас нет дуализма, поскольку речь идет лишь о способах представления одного и того же действия. В связи с этим можно сказать, что каузальный элемент вводится не извне, а изнутри нашего осмысления действия. Безусловно, такая теория требовала хорошо разработанной онтологии. С этой целью Дэвидсон предложил свою знаменитую концепцию аномального монизма. Согласно этой теории, все ментальные акты тождественны физическим актам, но не все физические акты тождественны ментальным актам⁴. При этом свою позицию Дэвидсон отделяет от крайне материалистической, предполагающей, что существует номологическая связь между ментальным и физическим, и поэтому возможно предсказать ментальные акты на основании физических событий. В связи с этим Дэвидсона вряд ли можно отнести к тем реалистам, которых мы выше противопоставили сторонникам рационального объяснения. В статье «Ментальные события» Дэвидсон, рассматривая проблему соотношения ментального и физического, выдвигает три принципа. «Первый принцип утверждает, что по крайней мере некоторые ментальные события причинно взаимодействуют с физическими событиями» [Davidson, 2001, p. 171]. Это значит, что если некто совершил определенное действие, то «он двигал своим телом таким образом, который был вызван определенными ментальными событиями» [Ibid]. «Второй принцип заключается в том, что там, где есть причинность, должен быть и закон: события, связанные как причина и следствие, подчиняются строгим детерминистическим законам» [Ibid]. Наконец, «третий принцип заключается в том, что не существует строгих детерминистских законов, на основе которых можно было бы предсказывать и объяснять психические явления» [Ibid, p. 172].

⁴ Кратко и доступно об аномальном монизме Дэвидсона можно прочесть здесь: [Прист, 2000, с. 151-155].

Третий принцип ставит под сомнение наличие такой закономерности. Дэвидсон отрицает существования каких-либо строгих «психофизических» законов потому, что он понимает ментальное как нечто ограниченное весьма общими принципами рациональности. Несмотря на то, что Дэвидсон отстаивает версию теории тождества, которая отрицает существование строгих законов, связывающих ментальное и физическое [Ibid, p. 174], он, тем не менее, предполагает, что в нестрогом виде эти законы есть. Значительно упрощая, можно сказать, что, по Дэвидсону, ментальные акты всегда имеют денотаты в виде физических актов (например, нейронных процессов в мозге), но один и тот же ментальный акт не всегда приводит к одним и тем же физическим действиям, с чем в целом сложно спорить.

Аномальный монизм крайне удобная концепция, поскольку позволяет, с одной стороны, ввести онтологические основания для ментальной каузальности, а с другой – уйти от обвинений в нарушении свободы воли субъекта действия. Оба момента крайне проблематичны, поэтому требуют к себе особого внимания со стороны Дэвидсона и его сторонников. Критики каузализма заявляют, что через причинность обычно описываются физические события, а резоны – это ментальные состояния, поэтому они не могут быть причинами. Только постулируя тождество ментального и физического (или редуцируя одно к другому), мы можем законно вводить каузальную связь оснований и действий. Именно это отождествление Дэвидсон проводит в аномальном монизме. Предположим, мы согласны с этим, но тогда возникает другая проблема – причинность традиционно связывается с необходимостью, которую мы не наблюдаем в действиях людей. Отличительным свойством произвольного действия является то, что субъект сам избирает те ментальные акты или положения дел, которые он считает наиболее важными или желательными, что в итоге становится тем основанием, исходя из которого он действует. Поэтому один и тот же набор желаний и / или положений дел у разных людей может привести к различным действиям. Это связано с тем, что основания, по мнению некоторых философов, представляют собой не просто ментальные (или, если угодно, психологические) состояния (желание, влечение, предпочтение и т. д.), но скорее соображения или рассуждения в пользу того, что нечто желательно [см.: Hieronymi, 2011, p. 408]⁵. В этом состоит отличительное свойство рациональной деятельности – она осуществляется после некоторого обдумывания и рассмотрения альтернатив. На этом особенно настаивал Дж. Сёрль, когда вводил понятие «разрыва», которое было призвано показать моменты свободы и выбора в рамках практического разума⁶. Показательно, что Аристотель, описывая действия и движения живых существ через причины (αἰτίαι), постоянно отмечает, что переход от желаний

⁵ Дэвидсон тоже обращает внимание на эту особенность в самом начале своей статьи: «Основание рационализирует действие только в том случае, если оно позволяет нам увидеть что-то, что агент видел или думал, что видел в своем действии, – какую-то черту, последствие или аспект действия, который агент хотел, желал, ценил, дорожил, считал нужным, полезным, обязательным или приятным» [Davidson, 1963, p. 685].

⁶ «В случае обычного рационального поступка мы должны предположить, что предшествовавшего ему набора убеждений и желаний недостаточно, чтобы детерминировать действие. Это является исходной предпосылкой процесса обдумывания и абсолютно необходимо для применения рациональности. Мы предполагаем, что здесь налицо разрыв между “причинами” действия, то есть убеждениями и желаниями, и “следствием” в виде самого действия. Этот разрыв имеет свое традиционное название – “свобода воли”. Для того чтобы рационально принимать решения, мы должны заранее знать, что обладаем свободной волей в любой рациональной деятельности» [Сёрль, 2004, с. 28].

и перцепций субъекта к действиям происходит неизбежным и непосредственным образом. Так, если верить его примеру практического силлогизма, то желания и убеждения *сразу же*⁷ приводят к действию. Именно поэтому он уподобляет движения живых существ механизму⁸. Подобное видение кажется проблематичным, поскольку не оставляет места для свободы воли. Аристотель решает это с помощью концепции свободного выбора (*proairesis*). Дэвидсон, как мы говорили выше, избавился от этой проблемы с помощью разработанного им аномального монизма, постулирующего отсутствие необходимой связи между ментальными актами (желаниями и убеждениями) и физическими событиями (действиями), но оставил возможность редуцирования одного к другому, чтобы защититься от оппонентов, которые, в частности, предлагали такой критический аргумент: (1) до тех пор, пока верования не являются состояниями мозга, мы не можем с их помощью давать причинное объяснение поведения; (2) верования не являются состояниями мозга; (3) следовательно, объяснение действий с помощью оснований не является разновидностью причинного объяснения [Sehon, 2000]. С нашей точки зрения, значение аномального монизма Дэвидсона состоит не в редукции ментального к физическому, а в постулировании нерегулярной причинной связи между ментальным и физическим. Это гарантирует свободу воли субъекта действия (хотя сам механизм осуществления этой свободы при этом не проговаривается) и позволяет уклониться от обвинений в неоправданном введении детерминизма вслед за причинностью в сферу человеческой деятельности.

Критика аргумента Дэвидсона

Начинать критику следует с прояснения самого аргумента и его составляющих. Прежде всего необходимо уточнить, что именно доказывает Дэвидсон, – что основания для действия являются причинами, или что объяснение через основания является причинным объяснением. Оба эти тезиса звучат в рассматриваемой статье, поэтому вопрос не является праздным. Как полагают некоторые современные комментаторы, в аргументе Дэвидсона речь идет именно о причинном объяснении, а не о причинно-следственной связи оснований и действий. Так, Кристиан Кицманн указывает, что, согласно Дэвидсону, причинное отношение имеет место вне зависимости от того, как описываются события. Хотя события можно описывать по-разному, «причинная связь между событиями означает, что существуют истинные описания событий, которые подтверждают строгий причинный закон» [Kietzmann, 2023, p. 243]. Отличительной особенностью причинного отношения является его законосообразность, что говорит о том, что оно описывает экстенциональные отношения между событиями, в то время как причинные объяснения представляют собой

⁷ «Например, подумав, что всякий человек должен ходить, ты, будучи человеком, *тут же* (здесь и далее курсив мой – А. С.) пойдешь; напротив, если ты решишь, что в определенном случае ни один человек не должен ходить, ты, сам будучи человеком, *тут же* остановишься. В обоих этих случаях всякий поступит именно так, если ничто ему не помешает (*κωλύει*) или не воспрепятствует (*ἀναγκάζει*). Я должен сделать что-то благое; дом – это благое; я *тут же* строю дом» [Аристотель, 2016, с. 746]. И еще знаменитый пример: «“Я хочу пить”, – говорит мне желание (*ἐπιθυμία*). “Это пить”, – сообщают мне чувственное восприятие, воображение или ум, и я *тут же* (*εὐθὺς*) пью» [Там же].

⁸ «Движение [живого существа] можно уподобить движению механических игрушек (*τὰ αὐτόματα*)» [Там же, с. 747].

интенциональные отношения. «Например, – пишет Кицманн, – сказать, что кубик сахара растворился, потому что он был растворим и был помещен в чашку кофе, – значит дать причинное объяснение факту растворения кубика. Подобные объяснения не апеллируют к строгим законам, а чаще всего такие законы даже не известны» [Ibid, p. 244]. В то же время кажется очевидным, что если мы квалифицируем некоторое объяснение как причинное, то мы имплицитно соглашаемся, что это объяснение работает только при допущении, что объясняемые явления связаны как причина и следствие, т. е. признаем существование причинного отношения. Однако разница безусловно есть. Причинные отношения разворачиваются на уровне физического мира, а причинное объяснение работает в дискурсивном поле. Если мы согласимся с Кицманном, то вопрос сводится к тому, насколько причинное объяснение действий более успешно объяснения через основания.

Если все же отнестись серьезно к тезису Дэвидсона⁹, что основания для действия являются причинами, то возникает проблема отождествления причин и оснований. В большинстве своем такое различие подчеркивалось множеством философов. Однако все предприятие усложняется довольно темным пониманием Дэвидсоном причин. Что именно он имеет в виду, когда говорит, что базовое основание для действия является причиной этого действия? Базовое основание – убеждения и предрасположенность к действию (*pro-attitude toward action*) – это, по сути, ментальные состояния или психологические состояния, которые мотивировали агента поступить так или иначе. Но, как утверждает Памела Иероними, это не соответствует в полной мере стандартному пониманию оснований, ибо под последними принято понимать не сами психологические состояния, а «скорее факты или соображения, которые агент принял во внимание в пользу действия» [Hieronymi, 2011, p. 408]. В самом деле сами по себе психологические состояния не могут быть основаниями для действия, потому что они не предполагают наличие выбора и свободы воли, что мы выше уже видели в аристотелевской теории действия. Однако основная проблема с причинным тезисом в том, что он не вносит ясности. Само по себе постулирование причинной связи между ментальными актами и действиями не дает нам знания о том, какие именно желания и верования стали ключевыми в совершении действия. На это обратил внимание Джонатан Дэнси. В аргументе Дэвидсона содержится идея, согласно которой «существует философская теория причинности, которая придала бы теоретическую глубину различению с точки зрения причин (*causes*), в то время как не существует эквивалентной теории, поддерживаемой основаниями (*reasons*), которая придала бы философскую глубину некаузальной альтернативе» [Dancy, 2000, p. 162]. Это положение признается Дэнси сомнительным. Тезис является эффективным только в том случае, если теория причинности действительно способна отличить активную причину от неактивной и лишь потенциальной причины. Однако, как отмечает Дэнси, хорошо известно, что многие каузальные теории не способны провести это различие [Ibid, p. 163]. Это возражение близко по смыслу эпистемической проблеме, как ее принято обозначать в литературе, и которая часто указывается оппонентами Дэвидсона. Ни у стороннего наблюдателя, ни у самого субъекта действия нет уверенности, что в качестве причины будет

⁹ См. второй тезис, доказываемый Дэвидсоном: “The primary reason for an action is its cause” [Davidson, 1963, p. 686].

указано действительно то основание, которое привело к действию. Сторонний наблюдатель не имеет непосредственного доступа к мотивам актора, а сам актер может обманываться относительно своих реальных мотивов. Посмотрим на эту ситуацию глазами каузалиста и антикаузалиста. Предположим, что их осведомленность одинаковая, тогда и тот, и другой знают мотивы субъекта в полной мере. Будет ли преимущество у каузалиста в таком случае? Нет. Далее представим, что доступа нет ни у того, ни у другого. Будет ли каузалист более успешен? Снова мы вынуждены сказать – нет.

Однако все-таки кажется, что все эти замечания бьют мимо аргумента Дэвидсона. Во-первых, Дэвидсон не настаивает на детерминизме, как мы уже это поняли при рассмотрении его концепции аномального монизма. Во-вторых, он согласен с тем, что основания для действия – это не просто ментальные состояния, но некоторые соображения агента: основания делают действие рациональным в силу того, что действие кажется нам желаемым (“wanted”, “desired”, “prized”) [Davidson, 1963, p. 685]. В-третьих, его довольно необычная позиция по поводу природы причинности и логического (или лингвистического) подхода к анализу практического разума не позволяет с легкостью указать ему на различие причин и оснований как физических и дискурсивных единиц. В этой связи нам надо поставить другой вопрос и зайти с другой стороны. Самым серьезным заявлением Дэвидсона является мысль, что мы не можем объяснить действия, если не принимаем тезис каузалистов. Чем действительно лучше каузальный подход? Действительно ли он объясняет лучше действия, чем антикаузальный подход.

Приведем типичный случай согласно аргументу Дэвидсона: некто С совершает действие Д. Кажется, что основание О1 наилучшим образом объясняет его действие. Но есть основание О2, менее очевидное, но при этом именно О2 является истинным мотивом действия. По мнению Дэвидсона, именно О2 объясняет Д, поскольку является истинной *причиной* действия Д. Как следствие, правильное объяснение действий является по своей сути причинным объяснением.

К описанному примеру можно поставить два вопроса. Во-первых, почему мы говорим, что О1 не объясняет действие? Да, оно ложно, но в целом рационализацию оно дает, а именно это является одной из функций оснований. Во-вторых, как Дэвидсон может гарантировать нам знание О2? Как мы выше уже отметили, помимо того, что истинные мотивы скрыты от внешнего наблюдателя, сам субъект действия порой может ошибаться в отношении собственных оснований. Начнем с первого вопроса. Он может быть переформулирован следующим образом: всегда ли рационализация предполагает поиск причинно-следственных связей? Кажется, что ответ отрицательный. Возьмем для примера случай, описываемый Э. Энском в книге «Намерение». Представим человека, который забивает в стену гвоздь. Мы можем спросить: для чего ты забиваешь гвоздь в стену? И если ответом будет «чтобы приготовить обед», мы не поймем сути действия, потому что это не вписывается в стандартный контекст приготовления обеда. Если же ответом будет «чтобы повесить картину», мы будем удовлетворены ответом, поскольку действие при таком описании будет выглядеть осмысленным. Однако предположим, что у нашего субъекта действия есть ритуал – он вбивает гвоздь перед тем, как приготовить обед. Допустим на секунду, что он член религиозной секты, где перед обедом нужно воздавать хвалу божеству, забивая гвоздь. Это и есть реальная причина, по которой он взял в руки молоток.

В таком случае у нас есть знание причины, но для нас такой вариант не выглядит как основание, поскольку для нас этот контекст чужд, и данная причина не дает нам рационализации действия. Иначе говоря, причинность далеко не всегда идет рука об руку с рационализацией, на чем, кажется, настаивал Дэвидсон. Но самым трудным возражением будет следующее: если мы вслед за Дэвидсоном согласимся, что знание причины гарантирует объяснение действия, мы можем попасть в такую ситуацию, когда у нас есть это знание оснований и есть действие, которое прекрасно описывается и объясняется этим знанием, но тем не менее это объяснение ложно. Сам Дэвидсон привел пример случая альпиниста, в котором показал, что иногда связь резонов и действий случайна, хотя причинность имеется в наличии.

В более поздней работе Дэвидсон приводит пример: «Альпинист может захотеть избавиться от тяжести и опасности удерживания другого человека на веревке, и он может знать, что, ослабив хватку за веревку, он сможет избавиться от тяжести и опасности. Это убеждение и желание могли бы настолько расстроить его, что заставили его ослабить хватку, но, тем не менее, вполне возможно, что он никогда не выбирал ослабить хватку и не делал этого намеренно» [Davidson, 2001, p. 73]. В данном примере основания для действия стали реальной причиной совершения этого действия, но мы не можем сказать, что это описание беспроblemно объясняет действие. Дж. Уилсон полагает, что пример с альпинистом приводит нас к выводу, что «каузальный анализ, в конечном итоге, кажется, *не делает ничего*, чтобы отметить разницу между, с одной стороны, простым поведенческим эффектом пары желание-убеждение, которая удовлетворяет обозначенному содержанию по чистой случайности, и с другой стороны, часть поведения, которая действительно предназначена его агентом для достижения или содействия достижению цели» [Wilson, 1985, p. 39].

Заключение

Мы рассмотрели «главный аргумент» Дэвидсона в пользу того, что объяснения действий через основания являются причинным объяснением. Суть аргумента сводится к тому, что мы не можем объяснить действие до тех пор, пока не примем в расчет причинную связь между основаниями и действиями, которые эти основания порождают. Как отмечает Дэвидсон, у агента может быть несколько оснований, но только исходя из определенных он в итоге действует, и только эти «причинные» или «производящие» основания могут объяснить действие. Аргумент соединяет в себе два уровня: интенциональный и реальный, настаивая на том, что нельзя замыкаться на одном из них. На первый взгляд кажется, что антикаузалистам противопоставить нечего и приходится сдавать позиции. Однако, как мы увидели, «главный аргумент» Дэвидсона был встречен контраргументами. Прежде всего вызывает сомнения возможность перехода с уровня ментального на уровень физический, а именно это происходит, когда мы от разговора об основаниях переходим к разговору о причинности. Концепция аномального монизма, которой Дэвидсон постулирует тождество ментальных и физических событий, и в то же время пытается отстоять автономию сознания, мало что проясняет, но скорее порождает новые вопросы. Оппоненты Дэвидсона настаивают на необходимости выбора: либо мы остаемся на уровне

дискурса об основаниях и тогда причинность оставляем в мире физическом, либо мы низводим основания до уровня нейронных процессов в мозге. Но даже если закрыть глаза на эту дилемму, остается еще вопрос о причинности как таковой. Аргумент Дэвидсона предполагает, что существует такая теория причинности, которая способна различить эффективные причины от потенциальных причин, но проблема в том, что такой теории нет. Помимо этого отмечается, что рационализация не всегда идет рука об руку с причинностью, точнее причинность далеко не всегда предоставляет нам ясную и понятную картину действия, хотя именно на этом настаивает Дэвидсон.

Список литературы / References

Аристотель. (2016). О движении животных. Пер. Е. В. Афонасина. *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 10. № 2. С. 737-753. DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2971.

Aristotle. (2016). On the Motion of Animals. Afonasin, E. V. (transl.). *Schole. A Journal of the Centre for Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. Vol. 10. No. 2. Pp. 737-753. DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2971. (In Russ.)

Витгенштейн, Л. (1994). *Философские работы. Часть I*. Пер. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Изд-во «Гнозис». 612 с.

Wittgenstein, L. (1994). *Philosophical Works. Part I*. Kozlova, M. S., Aseev, Yu. A. (transl.). Moscow. 612 p. (In Russ.)

Прист, С. (2000). *Теории сознания*. Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги. 288 с.

Priest, S. (2000). *Theories of the Mind*. Grjaznov, A. F. (transl.). Moscow. 288 p. (In Russ.)

Райл, Г. (1999). *Понятие сознания*. Под ред. В. П. Филатова. М.: Идея-Пресс. 408 с.

Ryle, G. (1999). *The Concept of Mind*. Filatov, V. P. (ed.). Moscow. 408 p. (In Russ.)

Сёрль, Дж. (2004). *Рациональность в действии*. Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция. 336 с.

Searl, J. (2004). *Rationality in Action*. Kolodiy, A., Rumyantseva, E. (transl.). Moscow. 336 p. (In Russ.)

Anscombe, G. E. M. (1957). *Intention*. Cambridge. Harvard University Press. 106 p.

Dancy, J. (2000). *Practical Reality*. Oxford University Press. 181 p.

Davidson, D. (1963). Actions, Reasons, and Causes. *The Journal of Philosophy*. Vol. 60. N 23. Pp. 685-700.

Davidson, D. (2001). *Essays on Actions and Events*. Oxford. 323 p.

Hieronimi, P. (2011). Reasons for Action. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Pt. 3. Pp. 407-427.

Hornsby, J. (2010). Trying to Act. In O'Connor, T., Sandis, C. (eds.). *A Companion to the Philosophy of Action*. Wiley-Blackwell. Pp. 18-25.

Kietzmann, C. (2023). Anscombe's and von Wright's Non-causalist Response to Davidson's Challenge. *Philosophical Investigations*. № 46 (2). Pp. 240-263.

Moore, M. S. (2010). Renewed Questions about the Causal Theory of Action. In Aguilar, J. H., Buckareff, A. A. (eds.). *Causing Human Actions. New Perspectives on the Causal Theory of Action*. The MIT Press. Pp. 28-43.

Sehon, S. R. (2000). An Argument against the Causal Theory of Action Explanation. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 60. № 1. Pp. 67-85.

Wilson, G. (1985). Davidson on Intentional Action. In LePore, E., McLaughlin, B. (eds.). *Actions and Events: Essays on the Philosophy of Donald Davidson*. Basil Blackwell. Pp. 29-43.

Wilson, G., Shpall, S. (2022). Action. [Online]. In Zalta, E. N., Nodelman, U. (eds.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/action/> (Accessed: 10 October 2024).

Информация об авторе / Information about the author

Санжеников Александр Афанасьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 26.11.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Sanzhenakov Alexander – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 26.11.2024

Accepted for publication: 02.12.2024

УДК 1(091)

«ОЧЕРК СИВИЛЛЫ О БРАКЕ» И. Г. ГАМАНА: ТЕКСТ И КОММЕНТАРИЙ

А. М. Стрельцов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
streltsov@mail.ru

Аннотация. В «Очерке Сивиллы о браке» (Versuch einer Sibylle über die Ehe) 1775 г. И. Г. Гамана, перевод и краткий комментарий которого представлены в данной работе, рассматривается строго бинарное понимание человеческой сексуальности, неразрывно связанной по мысли Гамана с божественным творением и христологией и проявляющейся в сотрудничестве человека с Богом в деле творения новых людей. Гаман отказывается от конвенциональной для эпохи Просвещения интерпретации брака как общественного договора и обращает особое внимание на его физический аспект. Придерживаясь теологическо-философской позиции, воспринятой им еще в начале его творческой карьеры, Гаман не считает половое влечение постыдным или греховным, но рассматривает союз мужчины и женщины в рамках разработанной им ранее сократической эпистемологии самопознания, как приводящий к реализации человеком собственной сексуальности в акте познания другим.

Ключевые слова: Гаман, Сивилла, сексуальность, эпистемология, гендер.

Для цитирования: Стрельцов, А. М. (2024). «Очерк Сивиллы о браке» И. Г. Гамана: текст и комментарий. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 52-64. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.52-64

“ESSAY OF A SIBYL ON MARRIAGE” BY J. GAMANN: TEXT AND COMMENTARY

A. M. Streltsov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
streltsov@mail.ru

Abstract. In a 1775 “Essay of Sybil on Marriage” (Versuch einer Sibylle über die Ehe), translation and succinct commentary of which is presented in a current paper, J. G. Hamann holds to strictly binary approach to human sexuality. According to Hamann, sexuality is connected to the doctrines of divine creation and Christology, and as such it transpires by means of man’s coworking with God in the matter of creating new people through the marital embrace. In this sense Hamann discards conventional Enlightenment interpretation of marriage as a social contract and rather places an emphasis on its physicality in view of his Incarnational theology. Holding to a theological-philosophical position that he adopted early in his literary career, Hamann does not consider sexual desire to be shameful or sinful but rather views the union of a man and a woman in terms of his previously developed Socratic epistemology of self-knowledge, which results in realization of one’s own sexuality in the act of being known by another.

Keywords: Hamann, Sybil, Socrates, sexuality, epistemology, gender.

For citation: Streltsov, A. M. (2024). “Essay of a Sibyl on Marriage” by J. G. Hamann: Text and Commentary. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 52-64. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.52-64

Небольшая работа кенигсбергского литератора второй половины XVIII в. Иоганна Георга Гамана (1730–1788) под названием «Очерк Сивиллы о браке» в ставшем уже классическом издании его сочинений середины XX столетия фигурирует в рубрике

«Мистерии» [Hamann, 1951 a]. Отчасти это связано с более эзотерическим характером сочинений этого раздела, отчасти с тем, что издатель Гамана Йозеф Надлер интерпретировал Гамана, в том числе в использовании им сивиллической темы, в гностическом ключе [Nadler, 1949, p. 249]. В настоящее время прочтение Гамана как гностика в основном не пользуется поддержкой исследователей [Alexander, 1979, pp. 85-86; Dickson, 1995, p. 258]. В очерке Гаман обращается от имени мистической Сивиллы как женщины, повествующей об открытии своей сексуальности в союзе с мужчиной. Загадочность изложения вполне соответствует общему стилю Гамана, для которого (за исключением лондонских трудов раннего периода, не предназначенных для широкой публики) характерна завуалированность, намеренная шифровка текста, чтобы скрыть действительный контент за эпатажной либо тривиальной оболочкой (*sub contrario*). Читателю нужно было затратить значительное усилие, чтобы понять то, что Гаман действительно хотел сказать: правомерность такого подхода со своей стороны Гаман обосновал еще в дебютной работе «Сократические достопамятности» 1759 г. При этом если Гаман говорил о сексуальности, он не имел в виду какие-то более высокие материи, аллегорически изложенные языком мифа, как это было, например, в случае гностиков-карпократов; он имел в виду именно сексуальность. В конце концов, Гердеру Гаман писал, что «скорее стремился познать и различить *inferna* торса, чем *superna* бюста» [Hamann, 1956, p. 415]. Надлер в своей монографии о нем высказывает соображение, что «сексуальный язык (*die Sprache des Geschlechts*) был техническим языком его философии» [Nadler, 1949, p. 246].

Написание трактата, как в случае практически всех других опусов Гамана, было обусловлено конкретными обстоятельствами. По форме это произведение – наставление или речь, своего рода проповедь, обращенная к новобрачным. Женился его приятель И. Ф. Харткнох – рижский издатель трудов Канта, Гердера и самого Гамана. 4 декабря Гаман в очередной раз пишет Харткноху, отмечает, что очерк почти готов, характеризуя его как «маленький кульминационный монумент моего 45-летия» [Hamann, 1957, p. 128]. Прекрасно понимая интимный и неоднозначный характер сочинения, Гаман предупреждает Харткноха: «Сможете ли Вы напечатать его без ущемления совести, насчет этого я ожидаю вашего искреннего признания, но сообщаю заранее, что все дело в том, что оно должно стать скандалом для нашего морального века. И если оно сможет оказать такое воздействие, то значит я достиг своей цели» [Ibid.].

Можно ли рассматривать в описании Гаманом брачных отношений аллюзию на его личную жизнь? По возвращении в 1758 г. из провальной для него в деловом отношении поездки в Лондон молодой Гаман, тогда полностью банкрот, осмелился просить руки и сердца Катарини Беренс (1727–1805) у ее брата Кристофа Беренса, рижского коммерсанта и владельца семейной компании, его бывшего университетского друга и тогдашнего работодателя [Hamann, 1993, pp. 434-435]. Беренс ответил ему решительным отказом, потому что его социальное положение и особенности его характера и мировоззрения не позволяли считать его сколько-нибудь хорошей партией. Однако, любовь к Катарине Гаман пронес через всю жизнь, и она навсегда осталась дамой его сердца. Так, за год до составления очерка Сивиллы Гаман пишет Ф. К. фон Мозеру: «Слух о моем обновлении дойдет до границ Европы и ушей моей злой Катин, которая не перестала быть еще Аспазией, Ментенон и Севиньи моей души. Разве она не первая и единственная девушка в мире, у которой было

достаточно сердца, чтобы любить Волхва и надеяться на одно из самых богатых наследств? Да, только она заслуживает быть матерью моих дорогих, дорогих непослушных детей» [Hamann, 1957, p. 69].

С другой стороны, Гаман реализовал собственную сексуальность в отношениях со служанкой своего отца, простой крестьянской девушкой Анной Региной Шумахер (1736-1789), с которой он прожил всю жизнь в «браке по совести» и которая родила ему четверых детей. Гаман признавался в письме к Гердеру, что заключение официального брака с ней могло бы сделать ее несчастной, а возможно, и детей тоже [Hamann, 1957, p. 263].

Подразумевает ли Гаман в этом очерке Катарину Беренс (такова позиция комментатора классической «разъяснительной» серии гамановских текстов Э. Я. Шунхофена [Hamann, 1962, pp. 239-240]), Анну Регину Шумахер [Dickson, 1995, pp. 248-250; Гильманов, 2003, с. 379], либо же никого из них конкретно [Baue, 1988, p. 205]? Я склоняюсь к третьей точке зрения. Гаман, обращаясь к новобрачным Иоганну Фридриху Харткноху и Альбертине Туссан, ставит целью укрепить их союз, попутно выразив свое понимание телесности и сексуальности. Он пишет не догматический или этический трактат о браке общего характера, не составляет автобиографию, но обращается к конкретным людям.

При этом практически все свои сочинения Гаман составляет как полемику, отклик на внешние раздражители. Так и в этом очерке о браке по своему обыкновению Гаман развивает собственную позицию на контрасте с конвенциональными взглядами его времени, вступает в мировоззренческий конфликт с политико-философской и социокультурной парадигмой эпохи. Поэтому для понимания трактата крайне важно знать, что именно у него на уме во время его написания, какие тексты он имеет в виду, против чего выступает. По счастью, в этот раз Гаман не оставляет читателя без указаний на свои источники.

Во-первых, это принятый тогда же Фридрихом Великим закон о браке (Codex iuris Fridericiani), который, несмотря на более щадящий в этом отношении режим в Пруссии по сравнению с другими европейскими странами, доставлял определенные неудобства Гаману с его «браком по совести»: «Человеконенавистнический дух нашего века сильнее всего проявляется в законах насчет брака».

Во-вторых, это выпущенное анонимно под тем же названием сочинение о браке (Über die Ehe, 1774) Теодора Готлиба фон Гиппеля, ставшего впоследствии бургомистром Кенигсберга. В этом очерке Гиппель, сам, кстати, так и не заведший семью, рассматривает брак как общественный договор и бремя (Last) и призывает к эмансипации женщин.

В-третьих, «Очерк о женщине» (An Essay on Woman) Джона Уилкса, размещенный в 45-м номере издаваемого им анонимно еженедельника «Северный британец» (The North Briton). Эта нарушающая мораль поэма представляла собой пародию на «Очерк о человеке (Essay on Man) Александра Попа. В начале 1764 г. Уилкс был за этот трактат изгнан из английского Парламента, посчитавшего поэму непристойной и богохульной.

В-четвертых, Гаман выступает против сантиментов противоположного лагеря, а именно кенигсбергских пиетистов, которые создали, а точнее восприняли от Николая Людвиг фон Цинцендорфа и Моравских братьев своеобразную сексуальную этику, в рамках которой жена во время интимной близости со своим мужем могла рассматривать его только как доверенное лицо Христа и таким образом направлять свои чувства не к мужу, но только (в сублимированном виде) к Христу как Господу общины. В более общем смысле здесь

подразумевается любой отход от вложенной в человека сексуальности, «одухотворение» как попытка замещения природного влечения к противоположному полу на религиозную экзальтацию. Мистики разных эпох нередко использовали «сексуально нагруженный» язык для того, чтобы передать посредством его исключительно спиритуалистические реалии.

Дальнейшие комментарии по тексту трактата представлены в Примечаниях. Постраничные сноски – текст самого Гамана (Гаман собственноручно приписал эти ссылки в пилотном издании очерка [Hamann, 1775]). В Примечаниях помимо разъяснения отдельных моментов для понимания контекста я делаю упор на философскую составляющую предлагаемого текста.

ОЧЕРК СИВИЛЛЫ О БРАКЕ

Прихожу к тебе как дух,
Так что не бойся меня¹.

– – Primo auolso non defuit alter
Aureus, & simili frondescit virga metallo
Ergo alte vestige oculis & rite repertum
Carpe^{II} manu -----^{III}

Не закрывайте уши, блаженные новобрачные! Разверзните слух для волшебства гармонии¹, чтобы слышать голос Сивиллы, которая может прекрасно предсказывать будущее^{IV}. Да будет мое обучение чудесно как любовь и сокровенно как брак!

Вижу в ваших нежных, интимных взглядах маленького задумчивого бога любви, который держал с собой совет насчет шедевра своего дела, в котором он выполняет все проекты, завоевания и слепые авантюры, и который сводится к этому: Да сотворим человека, образ, который нам подобен^V.

Мир мелочей, которые, однако, не таковы в глазах влюбленных, всегда является их достоянием заранее, еще до того, как приходит к осуществлению эта божественная импровизация, которая удаётся лишь немногим, как и первая исконная попытка такого рода^{VI}.

Человек – прежде всего Бог земли, благодаря своему призванию быть творцом, хранителем и постоянно приумножающимся *semper-Augustus*^{VII} своего рода. Верно, что это божество вложено в полностью видимое хозяйство^{VIII}, и от начала проговорено развитие благословения; тем не менее ни один из братьев наших меньших не сотворен для сознательного и добровольного решения или соглашения и общественного договора: точно так же, как никто не способен к большему обучению и не нуждается в нем больше, чем человек^{IX}.

Откуда же нам стыдно за то² равенство Богу как за воровство или грабеж^X? Разве этот стыд не является тайным позорным клеймом нашей природы и в то же время молчаливым укором ее величественного, единомудрого и высокохвального Творца? –

¹ Пс. 58:56 [скорее всего ссылка на Пс. 57:5 – А.С.].

² Фил. 2:6.

Это не врожденный всеобщий инстинкт, как видно на примере детей, дикарей и кинической школы^{XI}, но унаследованный обычай, и все обычаи и манеры – важные знаки и метки для сохранения задокументированных событий и распространения общепринятых мнений.

Таким образом, брак – это союз, заключенный по доброй воле и основанный на разуме и верности. Поэтому благоразумно и честно «по настоящей нужде»³ даже не думать о таком волеизъявлении и союзе^{XII}. Менее всего это стоит того в государстве, где кодекс – золотой колосс⁴ шестидесяти локтей в высоту и шести локтей в ширину, причем *sanctio* всех законов – печь огненная, раскаленная в семь раз сильнее для подлинных душ, в которых нет лукавства⁵.

Поскольку брачное состояние есть драгоценное основание и краеугольный камень всего общества, то человеконенавистнический дух нашего века сильнее всего проявляется в законах насчет брака⁶ XIII. Но если законодатель проявил милосердие⁷ к упорству человеческого сердца, отдавая предпочтение публичным грехам и порокам, то высшая справедливость со стороны судьи – предать осквернителей его величия парафизическому^{XIV} злоупотреблению собственным телом⁸.

Разумеется, не было бы! для человеческого рода и гражданского общества ничего благотворнее стремления к тому идеалу святости брачного уклада, который великий исполнитель закона Моисеева и пророков восстановил и проповедовал как царский закон неба и новой земли на той горе блаженств: «Всякий, кто смотрит на женщину⁹ с вожделением, и кто разводится с женою своею, и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует», – Моисей даже «заповедал побивать таких камнями»¹⁰, и его закон не мог быть нарушен подобно устройству нашей современной морали с ее суетными проповедниками, но должен был быть исполнен как вернейшее пророческое слово¹¹. –

«Тайна сия велика¹²! – Муж есть образ и слава Божия, а жена есть слава мужа» – это означает: муж соотносится с Богом, как жена с мужем, и где эти трое – одно, «женщина спасется через чадородие¹³, а муж – спаситель тела»^{XV}.

Таким образом, все мистерии Гименея^{XVI} – это темные сны¹⁴, относящиеся к тому глубокому сну^{XVII}, в котором первая женщина пришла в мир, как красноречивый образ матери всех живущих.

³ 1 Кор. 7:26.

⁴ Дан. 3:1, 19.

⁵ Ин. 1:47.

⁶ *Fecunda culpa secula nuptias
Primum inquinavere, et genus et domos:
Nos fonte derivata clades
In patriam populumque fluxit.* (Hor. III. Od. 6.)

⁷ Мф. 19:7.

⁸ Рим. 1:26; Фес 1:26.

⁹ Мф. 5:28, 32.

¹⁰ Ин. 8:5, 10:34-35; Мф 5:17.

¹¹ 2 Пет. 1:19.

¹² Еф. 5:32; 1 Кор 11:7.

¹³ 1 Тим. 2:15; Еф. 5:23.

¹⁴ *ως μη μεδ' ημεραν τα μυστικα της φυσεως εκτελεισθαι οργια.* Clem. Alex. Paedag. II. P. 194.

Но мой очерк не должен подражать тем, которые тот северный британец¹⁵ с призрачным числом¹⁶ XVIII написал о моем поле, и забавный ученый филин своего отечества¹⁷ XIX написал о моей теме. Я так же мало посвященная весталка, как мне нравится быть ведьмой Баубо¹⁸ XX, ни à la Grécourt^{XXI}, ни à l'enseigne de Barby^{XXII}. –

Что все плодородие груди и лона вашей матери всего сущего¹⁹, о души, рожденные и проклятые на наслаждение ее плодами и ее прахом! Что есть пустое удовольствие²⁰ ваших вкусов и громкое почесывание вашего остроумия? – Завуалированная печаль и отчаяние²¹, и все ваши заявки становятся добычей черного, богатого бога ада, как повествует остроумная басня Цереры и ее дочери^{XXIII}.

Возможно, вам так же стоит послушать, блаженные новобрачные! короткую мифическую сказку о моем собственном случае и о том, как я обязана тайной мудростью сивиллы одному из тысячи, обладающему голубиной простотой и змеиной мудростью. Его первая уловка заключалась в том, чтобы выставить себя отвратительным в моих глазах, и в этом он преуспел так хорошо, что вскоре он и весь его пол показались мне презренными и отвратительными^{XXIV}.

Но как я была наказана за свое неблагодарное тщеславие и дерзкое заносчивое ликование от того, что за счет моего соблазителя стала развитой не по годам, по мере того как зеркало его искренности нашло отражение в моем собственном сердце, и в нем я начала познавать полушарие своего пола *in naturalibus*^{XXV}. Посредством этого огненного луча самопознания все красивые эпитеты стали черны как уголь и погасли, словно впитавшиеся в ночь цвета. – Убежденный, что разумное животное, по аналогии со всем животным царством, не должно забывать по праву носить грубую сторону своей шкуры, я теперь принимала всех добропорядочных, томящихся, очарованных воздыхателей за оборотней, пресмыкающихся противников и духовных чудовищ, которые на кончике языка держат молоко и мед, а в сокровищницах²² сердца – яд и желчь.

Эта катастрофа всего моего способа мышления стала основанием симпатии, которая быстро поднялась к тождеству со своим объектом. Вся сила мужской души, казалось, перешла в мою; тем временем, посредством ответного действия моей страсти душа его, казалось, дышала только по-детски наивным и женственным сладострастием^{XXVI}.

Мертвая и бесплодная благопристойность, лицемерные фарисеи нашего века! Ваши моральные и обывательские предрассудки и высокие вкусы или финтифлюшки их заслуг есть не что иное, как икра Левиафана^{XXVII}, господствующего в воздухе²³ на вершине волн, а краска стыда вашей девственности, о прелестные духи! – галликанский макияж, мел и желток из насекомых, но не благородный врожденный румянец здоровой плоти и крови, данной и оживотворенной небесами.

¹⁵ Уилкс.

¹⁶ 45.

¹⁷ «О браке».

¹⁸ Ouid. Metam. – vertit Baubo artes et quem serio non quibat allicere, ludibriorum statuit exhilarare miraculis – publi affigit oculos Diua et inauditi specie solaminis pascitur. Arnobius adu. Gentes Lib. V. Pp. 174-175.

¹⁹ Horat. Lib I. Ep. 2.

²⁰ Еккл. 2:2.

²¹ Ин. 16:20-22; 2 Кор 7:10; Лк. 6:25; 2 Пет. 1:16.

²² Мф. 12:35.

²³ Еф. 2:2.

Без жертвоприношения невинности драгоценность и святилище целомудрия остается непознанным и вход в эту небесную добродетель непроницаемым –

Посреди наполненного благовониями забвения увидела я то ребро и вскричала, полная восторженного жадного присвоения: «Это кость от кости моей²⁴ и плоть от плоти моей».

Как вставшее^{25XXXIX} соединяется со своим источником, он вошел туда, откуда однажды вышел как спаситель тела, и как верный творец в добром деле, закрыл полость плотью, чтобы заполнить далее древнейший *maculatur* человеческого рода^{XXXI}.

Да, обещаю вам через год в этот день, зевающие мечтательно новобрачные! Конец моей сказки, не скрывая, однако, посредством поздравительного постскриптума²⁶ отличительный признак своего пола. Вы, должно быть, хорошо угадаете *à priori*, что весь мой очерк есть не что иное как суждение блуждающих огоньков, выловленное из затхлой канавы моих окрестных лугов^{XXXII}.

Когда показной суд выловленных блуждающих огоньков, танцующих подобно вечерним звездочкам, будет усвоен и переварен как *galimafrée*^{27XXXIII}, тогда муза моя не будет уже Сивиллой, посвящающей свой образ Медузы лону Минервы!

– *ni docta comes tenuis sine corpore vitas*
Admoneat volitare cava sub imagine formae^{XXXIV}.

Примечания

^I Шунхофен [Hamann, 1962, p. 139] видит здесь посвящение Катарине Беренс: отношения Гамана с ней теперь исключительно «платонические», поэтому она не должна бояться, даже если темой трактата будет сексуальность. Диксон предлагает другие интерпретации, отождествляя духа с Богом как любовником и творцом, а адресата с возлюбленной, либо понимая под этим прорицания Сивиллы в Эннеаде, цитаты из которой даются в начале и конце очерка [Dickson, 1995, p. 512]. Я полагаю, что первое объяснение Диксона можно слегка скорректировать: Гаман намекает здесь на то, что в сексуальных отношениях участвуют не двое, но трое, есть вовлеченность Бога («как дух»), поэтому не надо бояться, но, в конце концов, довериться и раскрепоститься. Эту мысль далее Гаман разовьет в трактате.

^{II} Хотя, как отмечает Диксон [Dickson, 1995, p. 512], глагол *carpo* значит не только рвать, но также наслаждаться, усматривание такого второго смысла здесь необязательно. Скорее это повторение на другой лад предыдущего эпитафия: не надо бояться того, кто приходит к тебе с ликом сильного. См. далее использование *communicatio idiomatum* (общения свойств) в сказке Сивиллы.

^{III} – Вместо сорванной вмиг вырастает другая,
Золотом тем же на ней горят звенящие листья.
Взглядом кроны деревьев обыщи и ветвь золотую
Рви безоружной рукой ---- (Вергилий, Эннеада 6, 143-147)

²⁴ Перевод Михаэлиса^{XXVIII}.

²⁵ Ин. 3:31; Еккл. 1:7; 3:20; Ин. 8:14; 1 Пет. 4:19. Михаэлис и Лютер^{XXX}.

²⁶ См.: «О браке».

²⁷ Напечатанная здесь пьеса из сходной свадьбы Хинца.

^{IV} Трактат написан от лица Сивиллы. Во-первых, здесь важна гендерная составляющая, потому что для Гамана важно, что познание осуществляется через познанность, т. е. познание другим. Во-вторых, «апроприация» образа Сивиллы популярной христианской мыслью первых веков хорошо известна: достаточно вспомнить Книгу 8 Сивилловых пророчеств. В этом смысле Гаман не был первопроходцем, но опирался на давнюю традицию. В-третьих, существенно то, что повествование ведется от имени пророчицы классической эпохи. Итальянский комментатор А. Пупи упоминает сократическую иронию в связи с сокрытостью и таинственностью, свойственными Гаману [Pupi, 2002, p. 75]. В-четвертых, Гаман показывает, что теме сексуальных отношений присуща таинственность, загадочность; чрезмерная рационализация брачных отношений составляет предмет его критики.

^V Слияние языческих и иудеохристианских мотивов – в данном случае образа Купидона из античной популярной религии и повествования о сотворении человека в Быт. 1:26 – характерно для Гамана, начиная с его дебютного произведения «Сократические достопамятности» 1759 г.

^{VI} Здесь указание на то, что первая попытка людей произвести человека привела к рождению Каина, который стал братоубийцей (Быт. 4:1, 8). За несколько лет до написания очерка Гаман выучил древнееврейский, поэтому, опираясь на выкладки Михаэлиса, он хорошо понимает, что на иврите глагол «знать» означает не только когнитивное знание, но и сексуальное познание. Знать что-то или кого-то значит иметь связь, вступать в интимные отношения с объектом познания. Темы сексуального познания (Адам познал (יָדָעַ) Еву в соитии с ней), рождения и вызванного грехопадением смерти здесь пересекаются, что в некотором смысле предвосхищает проблематику антагонизма Эроса и Танатоса во фрейдизме. Что же касается подхода самого Гамана, триада «самопознание – незнание – познанность», выпукло показанная еще в дебютном сочинении «Сократические достопамятности», многочисленные аллюзии на которую имеются и в настоящем труде, позволяет утверждать, что именно характер сексуального познания был основополагающим для эпистемологии Гамана. Ср. замечание Бетца: «Истинное познание необходимо включает творческий, эротический либо экстатический компонент, и без него никакая эпистемология, метафизика или эстетика не может быть плодоносной» [Betz, 2009, p. 182].

^{VII} Здесь игра слов в связи с тем, что было сказано ранее: человек – бог (Август), в то же время глагольная форма *augeo* значит приумножать, оплодотворять, увеличиваться, что еще более явно проступает в немецкой версии формулы *semper Augustus* “*allzeit Mehrer des Reiches*”, которая использовалась в Священной Римской Империи. Бог – творец, поэтому человек им создан для того, чтобы «плодиться и размножаться», т. е. осуществлять акт божественного творения посредством сексуальных отношений.

^{VIII} Один из типичных случаев гамановской иронии и своеобразного использования им принципа *coincidentia oppositorum*, имевшего ключевое значение для Гамана. В текстах Гамана сакральное соседствует с профанным, возвышенное – с тривиальным. Божество – видимое хозяйство: здесь имеется в виду как изначальное пребывание человека в нагом и первозданном виде, так и последующее воплощение.

^{IX} Здесь явные отсылки к очерку Гиппеля с одноименным названием. Гиппель называл брак «консенсуальным договором» (*consensueller Contract*).

^X ἄρπαγμός (грабеж) – важнейшее понятие для Гамана в этом трактате. В самом христологическом тексте (Фил. 2:6) о Христе сказано, что «он, будучи образом Божиим, не почитал хищением (ἄρπαγμόν) быть равным Богу». В отличие от совершенного Христа,

совершивший грехопадение Адам (и любой его потомок кроме самого Христа) совершил именно «грабеж», попытавшись поставить себя на место Бога, но вместо этого обокрав себя самого. Последствием грехопадения явился стыд, о котором Гаман говорит в следующем предложении. В отличие от распространенной точки зрения, Гаман понимает грехопадение не как телесное соитие, но как попытку уйти от предназначенных Богом для человека изначально сексуальных отношений, как желание реализовать себя, свою сексуальность каким-то альтернативным способом, стремление преодолеть вложенные в человеческую природу страсти и выйти в сферу чистого разума. В этом смысле для Гамана как Кант, так и пиетисты, несмотря на то, что стояли на, казалось бы, противоположных позициях, попадали в один лагерь, в котором во главу угла ставился чистый разум или чистый дух, а чувственновоспринимаемое полагалось ущербным. Уместно в этой связи замечание Диксона: «Напрагмос, выраженный в идее грехопадения и первородного греха, представляет собой желание уподобиться Богу “классического философского теизма”: всемогущему, одинокому, обладающему безучастностью, бестелесному, лишенному страстей» [Dickson, 1995, p. 270].

^{XI} Эти три группы не испытывают стыда перед наготой. Возможно, здесь присутствуют отголоски «благородного дикаря» Руссо, неиспорченного цивилизацией. Руссо наряду с Гаманом стоял у истоков литературного движения «Буря и натиск» (Sturm und Drang), отказавшегося от выхолощенного рационализма Просвещения.

^{XII} Здесь апологетика выбора Гамана: он представляет свой «брак по совести» как вызов буржуазной морали, далеко ушедшей от христианского идеала.

^{XIII} Злодейства полный, век осквернил сперва

Святыню брака, род и семью; затем,

Отсюда исходя, потоком

Хлынули беды в отчизну римлян (Гораций, Оды III.6)

^{XIV} Так у Гамана, который сознательно оставил кальку с греческого языка, не переводя слово из Рим. 1:26 на идиоматический немецкий: «Предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным». Американский гамановед второй половины XX в. В. М. Александер полагает, что для Гамана сексуальность – это именно отношения между мужчиной и женщиной, а любое другое удовлетворение сексуального желания скорее «парасексуальность» (в трактовке Александера) [Alexander, 1979, p. 91]. «Естественная разница между полами есть *verum signaculum Creatoris*», – говорит Гаман [Hamann 1951 b, p. 212]. «Гендерная» претензия Гамана к просветителям прослеживается с самого начала его литературной деятельности. Согласно его представлению, их абстрактный разум бесплоден, потому что отказывается быть оплодотворенным божественным откровением, но вместо этого сразу пытается присвоить себе мужскую творящую роль, совершая тот самый ἀρπαγμός – хищение.

^{XV} В этой ссылке на Еф. 5:23 Гаман подчеркивает творящую роль супружеских отношений. Проводя аналогию между мужем и Христом, он показывает, что в союзе и единении с мужем женщина раскрывает собственную природу и предназначение, которое заключается в том, чтобы породить новую жизнь.

^{XVI} Бог и покровитель брака в древнегреческой мифологии. Функциональное отождествление Гименея и Яхве вызывает в памяти аналогию Эрота (Купидона) и Бога (Быт. 1:26) в начале очерка: смысл в том, что Гаман рассматривает Бога как творца, осуществляющего акт творения через человеческие сексуальные отношения.

^{xvii} Быт. 2:21. В оригинале, на котором Гаман читал Библию, использовано необычное слово *הַמְדָּרָה* (в LXX – *ἕκστασις*), что можно понять как пребывание в состоянии транса или экстаза («глубокий сон» в синодальном переводе). Гаман ссылается на то, что происхождение секса связано с подсознательной жизнью человека. Страсти внерациональны и не подлежат суду разума.

^{xviii} «Очерк о женщине» Уилкса был напечатан в «Северном британце» под номером 45; именно таков был возраст Гамана в момент написания его теста.

^{xix} Гиппель.

^{xx} Женский образ древнегреческой мифологии, связанный с элевсинскими мистериями. Баубо изображалась как персонификация вульвы и олицетворяла женскую сексуальность.

^{xxi} Жан-Батист Жозеф Виллар Грекут (1683–1743) – французский поэт, снискавший славу как автор бурлесков, эпиграмм, фривольных стихов.

^{xxii} Барби – городок на Эльбе. Гернгутеры основали здесь колонию в 1749 г. и открыли там училище для распространения своих идей. Гаман ссылается здесь на их сексуальную этику, которая подразумевала сублимацию сексуального чувства, перенос его в духовную сферу.

^{xxiii} Церера – богиня плодородия. Бог подземного царства Плутон («богатый») похитил ее дочь Прозерпину и на ней женился, Церера поселилась у входа в Тартар, чтобы иметь возможность с ней видаться. В последнем абзаце Гаман показывает, что попытка реализации сексуальности вне теологического аспекта приводит к отчаянию: в рамках гамановской триады «самопознание – незнание – познанность», раскрытой в его «Сократических достопамятностях» 1759 г., здесь именно вторая часть; познание невозможно вне третьей и заключительной части – познанности другим.

^{xxiv} Часть теологическо-философской концепции Гамана о том, как Бог действует *sub contrario* (через противоположное): тема секса здесь как нельзя лучше иллюстрирует данное положение. Вещи не таковы, какими кажутся. Любовник на расстоянии выглядит чужим и пугает: акт познания (в данном случае сексуального познания) невозможен без отношений с ним.

^{xxv} Согласно Гаману, развитие сексуальных отношений не лишено некоторого кризиса. «В нем я начала познавать полушарие своего пола *in naturalibus*»: одно из центральных утверждений очерка. Здесь это аналогично тому, что в других текстах Гаман обозначает как спускание в сократический «ад» самопознания. Сивилла открывает в себе собственную сексуальность, это происходит даже помимо ее воли и вопреки ее первоначальным насмешкам, но на этом этапе такое открытие приносит скорее мучение. При этом для Гамана, как уже было отмечено, само по себе познание есть в первую очередь познание именно сексуальное. Как он пишет Гердеру: «*Pudenda* поражает меня как единственная связь между творением и Творцом» (Hamann, 1958, p. 113).

^{xxvi} «Кризис, вызванный сексуальным «самопознанием», знаменует собой поворотный момент, который, следуя знаменитому изречению Канта, можно охарактеризовать как выход из самореференции. Через болезненное осознание телесного и в то же время экзистенциального несовершенства ощущается освобождающий эффект взаимного потворства своим слабостям, который искупает это несовершенство, причем следует отметить, что Гаман рассказывает об этом опыте в контексте истории соблазнения и стилизует это соответственно» [Fritsch, 1999, p. 287]. В данном отрывке мы также видим

типичный пример гамановского подхода к *communicatio idiomatum*, в рамках которого темы христологии и человеческой сексуальности сводятся воедино. Внешне мужчина груб («грубая сторона ... шкуры»), но внутри нежен. Вещи не таковы, какими кажутся на первый взгляд.

^{xxvii} Едкая критика политического государственного института Пруссии и семейного кодекса Фридриха II. Сам Фридрих, женившийся в раннем возрасте помимо своей воли, жил с законной супругой порознь (в Сан-Суси даже не было спальни королевы, а только комнаты для гостей) и не имел наследников. Однако Гаман не противопоставляет иррациональный эротизм правовой системе отношений как таковой, как следовало бы из трактовки Исайи Берлина, скорее он расставляет приоритеты таким образом, что любовь (и сексуальные отношения как устроенные Богом) оказывается на более высоком уровне, чем буржуазные социальные условности [см. также: Sparling, 2011, pp. 201-207].

^{xxviii} Эрегированный фаллос. Игра слов: эрекция необходима, чтобы «восстал», т. е., родился новый человек. Согласно интерпретации Диксона [Dickson, 1995, p. 266], эрекция в представлении Гамана – не признак грехопадения как бунт против Бога и разума (как считал Августин), но способ вхождения в Троицу, в которой не только двое, но трое суть одно. Еще в программном сочинении 1962 г. *Aesthetica in nuce* Гаман реабилитировал страсти: «Если страсти (*Leidenschaften*) являются орудием бесчестья и неправды, то почему они не перестают быть орудиями детопроизводства» [Hamann, 1950, p. 208]. Ср. трактовку Августина в *De Genesi ad litteram* 11.31: «Как только они нарушили заповедь, ... они впились глазами в собственные члены и страстно возжелали их с движением, которого не знали прежде (*eaque motu eo quem non poverant, concupiverunt*)».

^{xxix} Имеется в виду востоковед и теолог Иоганн Давид Михаэлис (1717–1791), переводчик и толкователь Ветхого Завета, ординарный профессор Гёттингенского университета и знаменитый в Европе преподаватель семитских языков. Гаман использует его перевод Быт. 2:23.

^{xxx} Гаман опирается на переводы Библии Лютера и Михаэлиса, создавая сложную полисемантическую конструкцию. «Вставшее» в основном тексте переводит *Gemächte*. В приводимых в заметках Гамана ссылках подразумевается пришествие с небес и восшествие на небеса Бога Сына, цикл рождения и смерти, круговорот веществ в природе, но также соучастие человека с Богом в деле творения людей. См. также следующее примечание.

^{xxxi} Точная интерпретация слова *maculatur* затруднительна; Шунхофен и Диксон предлагают разные варианты (на данный момент я не могу склониться к определенной точке зрения). Но общий смысл все же ясен. Гаман связывает происхождение секса и сексуальных отношений с изначальным актом творения Бога. Полость, образованная на месте ребра (ребро здесь – фаллический образ) требует дальнейшего заполнения, что приводит к «приумножению человеческого рода», в рамках чего человек уподобляется Богу в том, что творит человека из человека же. Не меньшее место здесь занимает и образ вагины («источник», «туда, откуда вышел»). Наряду с этим здесь явная отсылка к боговоплощению, а также к отождествлению любовника с Христом («спаситель тела») что, очевидно, скандализировало отдельных благочестивых читателей Гамана.

^{xxxii} Гаман ссылается здесь на конкретную канаву, что была у его дома. Такие неожиданные экскурсы в самые бытовые нюансы повседневной жизни – часть его стиля (и еще один случай принципа *coincidentia oppositorum* в его изводе). Тем не менее, здесь может быть еще указание на то, что сам человек в терминах «ягвистского» нарратива сотворен из праха или пыли (а не только словом, как все остальные творения).

^{xxxiii} Галимафре – сваренное с водой, солью и перцем рагу из остатков белого либо тёмного мяса. В переносном смысле фр. *galimafrée* означает путаницу, сбивчивую речь. Гаман ссылается здесь на сборник стихов о браке, изданных его приятелем Хинцем, который также издавал его французские сочинения [Hamann, 1962, p. 162].

^{xxxiv} – не напомни ему многомудрая дева, что этот

Рой бестелесных теней сохраняет лишь видимость жизни.

(Вергилий, Энеида 6, 292-293)

Список литературы / References

Гильманов, В. Х. (2003). *Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение*. Калининград.

Gilmanov, V. Kh. (2003). *J. G. Hamann's Hermeneutics of the «Type» and the Enlightenment*. Kaliningrad. (In Russ.)

Alexander, W. M. (1979). Gnosticism and Hamann's Interpretation of Human Sexuality. In *Johann Georg Hamann. Acta des Internationalen Hamann-Colloquiums in Lüneburg 1976*. Frankfurt am Mein. Pp. 85-92.

Bayer, O. (1988). *Zeitgenosse im Widerspruch. Johann Georg Hamann als radikaler Aufklärer*. München, Zürich.

Betz, J. (2009). *After Enlightenment: The Post-Secular Vision of J.G. Hamann*. Oxford.

Dickson, G. G. (1995). *Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism*. Berlin, New York.

Fritsch, F. (1999). *Communicatio idiomatum: zur Bedeutung einer christologischen Bestimmung für das Denken Johann Georg Hamanns*. Berlin.

Hamann, J. G. (1775). Versuch einer Sibylle über die Ehe. [Online]. *Universität Münster*. Available at: <https://sammlungen.ulb.uni-muenster.de/hd/content/pageview/4603205> (Accessed: 20 May 2020).

Hamann, J. G. (1950). Aesthetica in nuce. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Bd. 2. Schriften über Philosophie, Philologie, Kritik: 1758-1763*, 2.195-217. Wien. Pp. 195-217.

Hamann, J. G. (1951 a). Versuch einer Sibylle über die Ehe. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritischen Ausgabe von J. Nadler. Bd. 3. Schriften über Sprache, Mysterien, Vernunft: 1772-1788*. Wien. Pp. 197-203.

Hamann, J. G. (1951 b). Schürze von Feigenblättern. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritischen Ausgabe von J. Nadler. Bd. 3. Schriften über Sprache, Mysterien, Vernunft: 1772-1788*. Wien. Pp. 205-213.

Hamann, J. G. (1955). *Briefwechsel. Bd. 1.* Ziesemer, W. und Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden. Insel.

Hamann, J. G. (1956). *Briefwechsel. Bd. 2.* Ziesemer, W. und Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden. Insel.

Hamann, J. G. (1957). *Briefwechsel. Bd. 3.* Ziesemer, W. und Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden. Insel.

Hamann, J. G. (1958). *Briefwechsel. Bd. 4.* Ziesemer, W. und Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden. Insel.

Hamann, J. G. (1962). *Johann Georg Hamanns Hauptschriften Erklärt. Bd. 5. Mysterienschriften* (Erklärt von Evert Jansen Schoonhoven). Gütersloh.

Hamann, J. G. (1993). *Londoner schriften.* Bayer, O. und Weissendorn, B. (hrsg.). München.

Nadler, J. (1949). *Johann Georg Hamann 1730-1788: Der Zeuge des Corpus mysticum.* Salzburg.

Pupi, A. (2002). *Johann Georg Hamann. Vol. 4. Origines 1774-1779.* Milano.

Sparling, R. A. (2011). *Johann Georg Hamann and the Enlightenment Project.* Toronto.

Сведения об авторе / Information about the author

Стрельцов Алексей Михайлович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 25.11.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Streltsov Alexey – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 25.11.2024

Accepted for publication: 02.12.2024

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.74

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И КИТАЕ*

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
ablazhey63@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой попытку сравнительного анализа национальных систем оценки эффективности научной деятельности в России и Китае. Показано, что в силу перехода на сложившиеся в мировой науке принципы и методы оценки в функционировании таких систем накопился целый ряд серьезных противоречий. Среди них – формализация процесса оценки, упор на наукометрические методы, отказ от внутрицеховой экспертизы, явное или неявное стремление заменить реальный научный поиск его технологичной имитацией. В то же время в последние годы и та, и другая страна предпринимают серьезные усилия по реформированию систем оценки, стремясь сделать их более содержательными и ориентированными в первую очередь на задачи национального научного и технологического прогресса. В Китае предпринятые усилия свелись к декларациям, реальных шагов по изменению сложившейся системы почти нет. В России, напротив, удалось создать успешно функционирующую систему профессиональной научной экспертизы, действующую под эгидой Российской академии наук.

Ключевые слова: наука, оценка эффективности, публикации, журналы, база данных, западнцентризм, реформирование.

Для цитирования: Аблажей, А. М. (2024). Сравнительный анализ систем оценки эффективности научной деятельности в России и Китае. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 65-74. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.65-74

COMPARATIVE ANALYSIS OF EVALUATION SYSTEMS THE EFFECTIVENESS OF SCIENTIFIC ACTIVITY IN RUSSIA AND CHINA*

A. M. Ablazhey

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
ablazhey63@gmail.com

Abstract. The article is an attempt to conduct a comparative analysis of national systems for assessing the effectiveness of scientific activity in Russia and China. It is shown that due to the transition to the principles and methods of assessment established in world science, a number of serious contradictions have accumulated in the

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного на круглом столе «Российско-китайское сотрудничество в области образования: новые возможности и перспективы» (НГТУ, 11 ноября 2023 г.).

* The article is based on report presented at the round table “Russian-Chinese cooperation in education: new opportunities and prospects” (NSTU, November 11, 2023).

functioning of such systems. Among them are the formalization of the assessment process, emphasis on scientometric methods, the rejection of internal workshop expertise, an explicit or implicit desire to replace real scientific research with its technological imitation. At the same time, in recent years, both countries have made serious efforts to reform the assessment systems, striving to make them more meaningful and focused primarily on the tasks of national scientific and technological progress. In China, the efforts taken have been reduced to declarations; there are almost no real steps to change the existing system. In Russia, on the contrary, it was possible to create a successfully functioning system of professional scientific expertise, operating under the auspices of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: science, performance evaluation, publications, journals, database, Western centrism, reform.

For citation: Ablazhey, A. M. (2024). Comparative Analysis of Assessment Systems the Effectiveness of Scientific Activity in Russia and China. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 65-74. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.65-74

В условиях роста объемов научной продукции, сопровождаемого усилением тенденции к коммерциализации науки, наблюдается обострение проблемы адекватной оценки результатов исследовательского труда. Вынужденно покинув «башню из слоновой кости», науке приходится если не отказаться, то максимально далеко отойти от бэконовского идеала взаимоотношений науки и общества. Теперь именно внешние акторы, в первую очередь государство, взяли на себя труд определять значимость полученного в рамках науки знания и, исходя из этого, расставлять приоритеты дальнейших исследований. Для академической (читай – фундаментальной) науки, тем более российской, финансируемой более чем на 90 % государством, подобное утверждение тем более справедливо. Проблема заключается в том, что зачастую крайне сложно (если вообще возможно) совместить присущие науке как социальному институту специфические способы и методы оценки эффективности проделанной работы, с одной стороны, и требования бюрократически организованной государственной научной политики, исходящей при таком роде оценке прежде всего из сугубо прагматических соображений и использующей формализованные количественные методы, – с другой.

В данной статье будет сделана попытка проведения сравнительного анализа указанной выше проблемы на примере российской и китайской науки. Для этого есть несколько веских оснований. Во-первых, схожая история становления – и та, и другая длительное время существовали при социалистическом общественном строе, где как место, которое занимала наука среди социальных институтов, так и методы управления ею, были достаточно специфичны, а их влияние сказывается до сих пор. Во-вторых, они претерпели схожие трансформации при переходе к рыночным принципам финансирования и управления. Наконец, опыт развития всей системы научной деятельности в Китае за последние 30 лет, безусловно, заслуживает самого внимательного анализа и адекватного использования, поскольку сегодня эта страна занимает передовые позиции на научной карте мира. В 2017 г. Китай обогнал США и стал крупнейшей страной-источником по количеству научных работ, а его расходы на НИОКР практически сравнялись с расходами США (543 против 582 млрд долларов). Науке, технологиям и образованию уделяется приоритетное внимание в национальных планах развития.

Для китайской науки проблема адекватной оценки эффективности научной деятельности сегодня является крайне актуальной. Наиболее спорные моменты касаются, во-первых, соотношения формальных (количественных) и неформальных (экспертных)

способов подобной оценки, во-вторых, степени интеграции исследователей в мировую науку, что выражается в данном случае в количестве публикаций в международных и национальных журналах. Активно продвигаемый с конца 1980-х гг. подход, нацеленный на увеличение представленности китайских ученых на международном уровне, привел к тому, что наличие публикаций, сделанных в рамках Индекса научного цитирования (Science Citation Index, SCI, основанный на базах данных Web of Science и Scopus), стало обязательным требованием для получения докторской степени, при найме и продвижении по службе университетских преподавателей, при подаче заявок на грантовое финансирование, активно используется при подсчете рейтингов университетов (что прямо влияет на объем их финансирования государством). Как результат, в 2019 г. китайские исследователи впервые опубликовали больше статей на международном, чем на национальном уровне [подробней см.: Лакизо, Гуськов, 2023, с. 331 и др.].

Следует подчеркнуть то важное обстоятельство, что первоначально в Китае использовалась преимущественно экспертная система оценки. Однако от нее достаточно быстро отказались, поскольку выяснилось, что характерный для китайского менталитета феномен «гуаньси» (система личных отношений, в т. ч. почитание старших, преклонение перед авторитетами) оказывает слишком сильное негативное влияние (проявление кумовства и пр.) на мнение экспертов, которые неизбежно становились слишком ангажированными. Пришедшие ей на смену, в связи с «переходом к конкурентному распределению финансирования и появлением доступа к международным библиографическим базам» [Лакизо, Гуськов, 2023, с. 332], гораздо более формализованные количественные методы также не лишены недостатков: с ростом количества международных публикаций в Китае увеличивается количество академических нарушений, таких как плагиат, появление фабрик по производству публикаций, практика фальшивых рецензий и т. д., что серьезно влияет на академическую репутацию Китая. К концу 2010-х гг. стало понятно, что система нуждается в серьезном реформировании.

Важнейшей предпосылкой старта реформы системы оценки эффективности научной деятельности, основанной на использовании показателей SCI, стала вспышка пандемии COVID-19. В конце 2019 г. группа китайских исследователей фактически скрыла от общественности и государственной санитарной службы важные сведения, связанные с распространением инфекции, ожидая публикации результатов о новом коронавирусе в ведущем международном журнале. Публикация статьи за рубежом вызвала гнев не только общественности, но и высшего руководства страны, авторов обвинили в задержке контроля над пандемией. Как следствие, профильные министерства науки и технологий, и образования выпустили в феврале 2020 г. два официальных документа, направленных на изменение системы оценки научных исследований в Китае [далее излагается по: China's Research Evaluation Reform ..., pp. 330-331]. В них четко заявлялось, что «показатели, основанные на SCI, не могут быть напрямую применимы к оценке профессиональных качеств исследователей при продлении контракта, выплате денежных премий и других подобных ситуациях». Одновременно предлагалось вновь уделить самое пристальное внимание процедурам экспертной оценки полученных результатов, позиционируя ее в качестве не менее надежного инструмента, чем наукометрические индикаторы.

Процедуры подсчета такого рода индикаторов также планировалось существенно изменить. Вместо общего количества публикаций при оценке исследований предлагалось учитывать только так называемые «репрезентативные» работы (они же – «высококачественные публикации»), при этом 1/3 таких работ должна быть опубликована в национальных журналах. Развитию сети последних в февральских постановлениях уделялось особое внимание, в лучших национальных традициях предлагалось разработать и принять «План действий по улучшению китайских научно-технических журналов». Он должен включать в себя учреждение новых журналов на английском языке, издающихся в Китае, улучшение английских рефератов китайских журналов, создание национального индекса научного цитирования, наконец, поощрение публикации оплачиваемых авторами статей в журналах на родине. Другими словами, ни о какой научной автаркии речи не шло, напротив, предлагалось развивать сеть национальных научных журналов и повышать их глобальные рейтинги путем максимально возможной интеграции в мировое публикационное пространство.

Тема взаимодействия национальной и мировой науки вообще крайне актуальна и болезненна для Китая. С одной стороны, страна не хочет замыкаться в своих границах, стремясь максимально эффективно использовать те возможности, которые предоставляет международное сотрудничество в сфере науки. С другой – много говорится о том, что для глобальной науки характерен западнцентризм (особенно в социальных науках), когда темы исследований, методология, парадигмы, оценка качества результатов формулируются в западных странах через их контроль над международными научными коммуникациями, а также через процесс рецензирования. Некоторые ученые даже утверждают, что западные страны используют научное общение для распространения западной культуры, ценностей и идеологии в политических целях. Стремясь к увеличению доли в мировом публикационном потоке, китайские ученые пытаются изменить свою роль в глобальной науке и перейти из участников в лидеры. Обретение власти академического дискурса считается при этом необходимым условием.

Наконец, отдельным пунктом государство предписывало максимально ограничить практику публикации статей китайских авторов в журналах с открытым доступом (Open Access Publishing). С этой целью планировалось составить черный список журналов, готовых опубликовать любые наукообразные тексты за деньги. Кроме того, авансировалось принятие мер с целью не допустить использования средств, выделенных государством на проведение исследований, для оплаты публикаций в журналах открытого доступа. Исключение было сделано только для высококачественных публикаций.

Подчеркнем, что все перечисленные меры носили декларативный характер. Никаких конкретных шагов, предполагающих принятие базовых документов, описывающих процедуры, регламенты и пр., предпринято не было. Министерства рассчитывали на то, что новые правила начнут действовать сначала на местном уровне, но региональные органы управления наукой и высшим образованием ничего не хотят делать без команды «сверху». Без четко прописанной на самом высоком уровне конкретной программы действий добиться улучшения ситуации в области оценки качества исследований будет крайне сложно. Так, китайские ученые указывают на невозможность найти в краткосрочной перспективе альтернативу сложившейся практике учета наукометрических показателей, учитывая, что система оценки исследований на основе SCI имеет на сегодняшний день глубокие корни

в стране. В то время как профильные министерства подчеркивают, что будущее системы оценки исследований лежит в сфере профессиональной экспертизы, сами ученые уверены, что в процессе ее внедрения предстоит решить целый ряд крайне сложных проблем, принимая во внимание сильное влияние гуаньси. Кроме того, учитывая трудоемкость и ресурсоемкость проводимых сегодня исследований, будет крайне сложно выполнить большой объем оценок исследований посредством исключительно экспертизы.

Большинство описанных выше трудностей и проблем идентичны и для современной российской науки, также пережившей переход от социалистических к неолиберальным методам управления наукой. Следует иметь в виду, что в отличие от Китая, являющегося, по факту, лидером в производстве научных публикаций, чье влияние на состояние мировой науки, включая международную научную коммуникацию и публикационное пространство, крайне велико, российская наука не имеет такого козыря. Согласно последним данным, Китай производит более 24 % всех научных публикаций (речь в данном случае идет о тех авторах, которые указали свою аффилиацию с национальными китайскими исследовательскими и образовательными учреждениями), тогда как Россия – лишь около 3 %. Несравнимы и научные бюджеты наших стран. Таким образом, нам стоит, с одной стороны, внимательно смотреть за тем, как китайские коллеги решают проблему гармоничного соединения международных и национальных показателей и критериев научной продуктивности, с другой – учитывать существенную разницу в начальных условиях проводимой реформы. По мнению российских и зарубежных экспертов, возможности развития сотрудничества двух стран ограничены тем, что «для Китая Россия не входит в число приоритетных стран для научного сотрудничества. По данным за 2022 г. Россия находилась на 20-м месте по масштабам (а потому и по значимости) кооперации ..., основные партнеры (Китай) входят в число недружественных для России стран, поэтому может возникнуть эффект перестраховки из-за опасений вторичных санкций» [Дежина, 2023, с. 143].

Проблемы, связанные с публикацией научных статей в журналах с открытым доступом, носят в целом схожий характер для ученых как Китая, так и России. Коммерциализация исследовательской деятельности приобретает в данном случае, как показывает практика, извращенный характер: «По мере распространения модели открытого доступа (автор платит за публикацию, а читатель имеет к статье бесплатный доступ) развивается самое злокачественное явление – журналы, созданные для извлечения прибыли за счет желающих опубликоваться авторов» [Иностранные хищные журналы..., 2020, с. 5]. Основная причина, по которой ученые выбирают журналы открытого доступа, зачастую заключается не в исследовательском влиянии или глобальном охвате, а в том, индексируется ли журнал в WoS или Scopus. Коммерческие издатели воспользовались сложившейся ситуацией и разработали технологии создания журналов низкого качества с номинальным рецензированием или вовсе без него, а также быстрыми сроками прохождения статей через редакцию. В исследовательском обиходе появился термин «хищнические журналы», к которым относят «всеядные, готовые напечатать за плату (обычно ниже среднерыночной)

фактически любой наукообразный текст»¹ [см. также: Губа, 2022, с. 62 и др.]. В 2020 г. Комиссия РАН по противодействию фальсификации научных исследований вынуждена была подготовить специальный доклад, посвященный такого рода журналам и соответствующим негативным практикам, сложившимся в связи с их появлением в российской науке [Иностранные хищные журналы ..., 2020]. С другой стороны, проведенное на примере статей по медиа и коммуникациям исследование показало, что «открытая публикация из экзотической формы размещения статьи становится обыденным инструментом, чему, безусловно, способствует политика ряда зарубежных стран и трансформационные соглашения с издательствами, в соответствии с которыми университеты вместе с подпиской получают возможность открыто публиковать свои статьи» [Трищенко, Макеенко, 2024, с. 1610].

Возвращаясь к ситуации в китайской науке, отметим, что на данный момент самые важные мероприятия реформы системы оценки научных исследований остаются просто декларациями, никаких реальных шагов пока не предпринимается. В 2020 и 2021 гг. министерство образования выпустило два документа, касающихся оценки исследований в области социальных и гуманитарных наук и критериев карьеры в университете. Ничего нового они не содержали, а просто повторяли меры, объявленные в феврале 2020 г. Региональные органы управления наукой и высшим образованием также не спешат проявлять инициативу, и ситуация находится в «подвешенном» состоянии.

Как признают эксперты, многие негативные последствия проистекают не из природы показателей, основанных на SCI, а в силу административной цели при оценке исследований, которая стремится к демонстрации «красивых» цифр с точки зрения количества публикаций и рейтингов, но не показывает реального развития знаний. По мнению иностранных экспертов, научная администрация Китая должна осознавать тот факт, что успешная система оценки исследований должна, во-первых, полностью основываться на заслугах, и, во-вторых, реформу необходимо начинать сверху.

Что касается ситуации в российской науке, то на протяжении целого ряда лет она формировалась и развивалась в контексте формальных количественных методов, что неизбежно привело к тем же проблемам, что и в Китае. Публикационные требования оказались слишком сильно привязаны к системе вознаграждений (доплаты, продвижение в должности, наем), стремление к механическому увеличению числа публикаций породило множество негативных стратегий ускорения этого процесса. Самым тяжелым следствием, помимо падения качества публикаций, стало «размывание этических стандартов». Так, согласно данным мониторинга НИУ ВШЭ, только 54,3 % преподавателей вузов относились положительно к практике лишения научной степени за плагиат, а остальные считали плагиат нормой, за которую не следует наказывать» [Дежина, 2023, с. 140].

¹ Академическая этика и система научной аттестации в России: основные проблемы и предложения по их решению. Обзорный доклад. (2018), с. 42. [Электронный ресурс]. Диссернет. URL: https://www.dissersnet.org/analytics/akademicheskaya_etika_i_sistema_nauchnoy_attestatsii_v_rossii_osnovnyye_problemy_i_predlozheniya_po_i_khresh (дата обращения: 06.09.2024).

Ситуация резко изменилась в силу известных драматических обстоятельств в начале 2022 г. Из важных мер, предпринятых в области оценки научных исследований, следует упомянуть постановление правительства об отмене (сначала до 31 декабря 2022 г., затем оно продлевалось до 31 декабря 2023 и 2024 гг.) требования учета публикаций, проиндексированных в международных базах данных (WoS, Scopus), при оценке результативности деятельности научных и образовательных организаций, проведении грантовых процедур. В то же время предпринятые меры носили половинчатый характер: несмотря на формальную отмену, ориентация на базы данных WoS и Scopus, по факту, сохранилась. Так, в письме экспертов РНФ, обнародованном весной 2022 г., говорилось, что фонд «отказался от использования показателей, привязанных к конкретным базам данных, и усилил роль экспертной оценки публикаций. Сейчас экспертным советам предстоит не только самостоятельно давать содержательную оценку научным результатам, но и оценивать качество публикаций и уровень научных изданий, в которых эти результаты обнародованы». При этом уровень журналов «должен быть не ниже изданий, индексируемых в базах данных “Сеть науки” (Web of Science Core Collection) и “Скопус” (Scopus), а также Russian Science Citation Index (RSCI)». Другими словами, было принято компромиссное решение. И это в целом повторяет китайский подход: «... базовая идея состоит в переориентации на собственную систему ранжированных научных журналов при одновременном снятии требования публиковаться в изданиях, индексируемых в зарубежных базах» [Дежина, 2023, с. 142]. Те же принципы применены при формировании «Белого списка» журналов, в который наряду с ведущими российскими журналами из списка RSCI вошли международные научные издания из баз данных WoS и Scopus.

Самым, пожалуй, существенным моментом, отличающим ситуацию в российской науке от китайской, является наличие эффективной системы экспертной оценки научной деятельности, созданной и функционирующей в системе Российской академии наук, являющейся, согласно своему статусу, главной экспертной организацией страны. По нашему мнению, принципы формирования и функционирования данной системы оценивания в гораздо большей степени, нежели формальные количественные показатели, отвечают специфике науки как социального института, поскольку эксперты исходят из таких критериев, как актуальность тематики, новизна полученных результатов и возможности их практического применения.

Для кандидатов в эксперты РАН установлены достаточно жесткие критерии и требования отбора. Согласно принятому в 2020 г. положению, кандидаты должны удовлетворять следующим требованиям: «руководствоваться в своей деятельности принципами научной этики и иметь безупречную репутацию среди профессионального научного сообщества, которая характеризует его как объективного и беспристрастного»; «иметь признание профессионального научного сообщества по данному научному направлению»; «иметь степень доктора наук»; «иметь научные труды в виде публикаций или иных результатов интеллектуальной деятельности»; для «узких областей научных знаний» при наличии развернутой рекомендации отделения по областям наук или регионального отделения РАН возможно рассмотрение кандидатуры ученого, имеющего ученую степень кандидата наук или PhD².

² Распоряжение РАН от 23 октября 2020 г. № 10110-970 «О критериях и требованиях, предъявляемых к кандидатам в эксперты РАН». (2020). [Электронный ресурс]. *Российская Академия наук*. URL: <https://new.ras.ru/upload/iblock/a9b/911osyd4aeg90o3mwzn0f8jaw2b0re6m.pdf?ysclid=m3cq7m894a417659182> (дата обращения: 06.09.2024).

На середину 2023 г. корпус экспертов РАН насчитывал около 5300 чел, подавляющее большинство из которых – почти 4200 чел. – имели ученую степень доктора наук. В число экспертов входят также целый ряд академиков и членов-корреспондентов Академии наук. В течение 2022 г. эксперты РАН провели более 36 тыс. экспертиз³ проектов научных тем и отчетов по реализуемым научным проектам. В случае, если проект получает отрицательное заключение, он отправляется на доработку. Один аспект стоит подчеркнуть особо – экспертиза касается лишь оценки научных проектов. Деятельность отдельного ученого, равно как и научной организации (НИИ или университета), оценивается по-прежнему наукометрическими методами⁴.

Таким образом, проведенный нами сравнительный анализ сложившихся в российской и китайской науке принципов и механизмов оценки научной деятельности позволяет сделать вывод о том, что и та, и другая пытаются реализовать компромиссный вариант ее реформирования. С одной стороны, налицо стремление максимально усилить национальные научные журналы с целью получения дополнительного преимущества в конкурентной борьбе за знания и технологии и максимального продвижения на международный уровень национального научного дискурса. С другой – нежелание отказываться от возможности публикаций в самых престижных международных (по преимуществу европейских и американских) научных журналах.

Еще одно направление реформирования сложившихся в обеих системах процедур оценки – стремление сделать их более диверсифицированными, совместив преимущества внутри-профессионального и наукометрического подходов. Здесь явное преимущество у российской науки, сумевшей в течение последнего десятилетия сформировать под эгидой Российской академии наук успешно функционирующую систему научной экспертизы. Китайские коллеги дальше деклараций здесь пока не пошли.

Список литературы / References

Академическая этика и система научной аттестации в России: основные проблемы и предложения по их решению. Обзорный доклад. (2018). [Электронный ресурс]. *Диссернет*. URL: https://www.dissernet.org/analytics/akademicheskaya_etika_i_sistema_nauchnoy_attestatsii_v_rossii_osnovnyye_problemy_i_predlozheniya_po_ikh_resheniyu (дата обращения: 06.09.2024).

Academic Ethics and the System of Scientific Certification in Russia: Main Problems and Proposals for Their Solution. Overview Report. (2018). [Online]. Available at: <http://>

³ Емельяненко, А. (2023). Научные советы РАН подвергнут экспертизе дорожные карты по 10 государственным высокотехнологичным проектам. [Электронный ресурс]. *RGRU*. 23 мая. URL: <https://rg.ru/2023/05/23/nauchnye-sovety-ran-podvergnut-ekspertize-dorozhnye-karty-po-10-gosudarstvennym-vysokotekhnologichnym-proektam.html> (дата обращения: 06.09.2024).

⁴ См., например: Методика расчета качественного показателя государственного задания «Комплексный балл публикационной результативности» для научных организаций, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, на 2020 г. (2020). [Электронный ресурс]. *Министерство науки и высшего образования Российской Федерации*. URL: https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=24754 (дата обращения: 06.09.2024).

https://www.dissernet.org/analytics/akademicheskaya_etika_i_sistema_nauchnoy_attestatsii_v_rossii_osnovnyye_problemy_i_predlozheniya_po_ikhresh (Accessed: 06 September 2024). (In Russ.)

Губа, К. С. (2022). Наукометрические показатели в оценке российских университетов: обзор исследований. *Мир России*. Т. 31. № 1. С. 49-73. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-49-73.

Guba, K. S. (2022). Scientometric Indicators in the Evaluation of Russian Universities: A Literature Review. *Mir Rossii*. Vol. 31. No. 1. Pp. 49-73. (In Russ.)

Дежина, И. Г. (2023). Научная политика в России в 2018–2022 гг.: противоречивые сигналы. *Социологический журнал*. Т. 29. № 2. С. 132-149. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.10.

Dezhina, I. G. (2023). Science policy in Russia in 2018–2022: contradictory signals. *Sociological Journal*. Vol. 29. No. 2. Pp. 132-149. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.10. (In Russ.)

Иностранные хищные журналы в Scopus и WoS: переводной плагиат и российские недобросовестные авторы. (2020). Комиссия РАН по противодействию фальсификации научных исследований (при участии А. А. Абалкиной, А. С. Касьяна, Л. Г. Мелиховой). М. 64 с.

Foreign Predatory Journals in Scopus and WoS: Translation Plagiarism and Russian Unscrupulous Authors. (2020). RAS Commission on Combating the Falsification of Scientific Research (with the participation of A. A. Abalkina, A. S. Kasyan, L. G. Melikhova). Moscow. 64 p. (In Russ.)

Лакизо, И. Г., Гуськов, А. Е. Эволюция оценки научной результативности в Китае. (2023). *Вестник Российской академии наук*. Т. 93. № 4. С. 329-341. DOI: 10.31857/S0869587323040047.

Lakizo, I. G., Guskov, A. Y. (2023). The evolution of scientific evaluation in China. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. Vol. 93. No. 4. Pp. 329-341. DOI: 10.31857/S0869587323040047. (In Russ.)

Трищенко, Н. Д., Макеенко, М. И. (2024). Влияние открытого доступа на показатели цитируемости и альтернативных метрик статей в ведущих международных журналах по медиа и коммуникации. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. № 17 (8). С. 1602-1611. EDN: UNUQEI

Trishchenko, N. D., Makeenko, M. I. (2024). The Impact of Open Access on Citation Counts and Alternative Metrics of Articles in Leading International Scientific Journals on Media and Communication. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. No. 17 (8). Pp. 1602-1611. (In Russ.)

China's Research Evaluation Reform: What are the Consequences for Global Science. (2022). *Minerva*. No. 60. Pp. 329-347. <https://doi.org/10.1007/s11024-022-09468-7>.

Сведения об авторе / Information about the author

Аблажей Анатолий Михайлович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: ablazhey63@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 10.10.2024

После доработки: 05.11.2024

Принята к публикации: 12.11.2024

Ablazhey Anatoly – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: ablazhey63@gmail.com.

The paper was submitted: 10.10.2024

Received after reworking: 05.11.2024

Accepted for publication: 12.11.2024

УДК 316.75+316.485

АНТИРОССИЙСКАЯ СЕПАРАТИСТСКАЯ РИТОРИКА: АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Е. М. Арутюнова

Институт социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва)
981504@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу дискурса, содержащего антироссийские сепаратистские идеи, и претендующего на репрезентацию российских народов и регионов. Используя метод критических дискурсивных исследований, автор анализирует русскоязычный сегмент платформы Телеграмм^{*1}, посвященный изучаемой тематике. В результате анализа выделены ключевые нарративы этого дискурсивного пространства. Среди них провозглашаются идеи: неизбежности распада России и независимости отдельных регионов (как республик, так и отдельных областей, и краев); необходимости деколонизации российского государства, российского массового общественного сознания; ущерба народам России как исторического, так и якобы происходящего в настоящий момент. Выявлены основные характеристики изучаемого дискурса, среди которых активное использование языка вражды, выстраивание психологической и культурной дистанции между «Москвой» и регионами, русскими и другими народами, дегуманизация российской власти, ее сторонников, русского народа, апелляции к истории.

Ключевые слова: антироссийская риторика, сепаратизм, дискурс, российские регионы.

Для цитирования: Арутюнова, Е. М. (2024). Антироссийская сепаратистская риторика: анализ дискурсивного пространства. *Respublica Literaria*. Т. 5. №. 4. С. 75-85. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.75-85

ANTI-RUSSIAN SEPARATIST RHETORIC: ANALYSIS OF THE DISCURSIVE SPACE

E. M. Arutyunova

Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow)
981504@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the discourse containing anti-Russian separatist ideas and claiming to represent Russian peoples and regions. Using the method of critical discourse studies, the author analyzes the Russian-language segment of the Telegram^{*} (Roskomnadzor: Foreign owner of resource violates Russian law²) platform

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания по реализации Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.) (руководитель – академик РАН В. А. Тишков).

¹ The article was written as part of the governmental assignment for the realization of the Program on scientific research devoted to the exploration of the ethnic and cultural diversity of Russian society, with the goal of fostering of Russian identity throughout the country (2023–2025), under the supervision of Academician V. A. Tishkov, a member of the Russian Academy of Sciences.

¹ В соответствии с ч. 1 ст. 11 ФЗ от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации», Роскомнадзором принято решение об информировании пользователей t.me, что иностранное лицо, владеющее информационным ресурсом, является нарушителем законодательства Российской Федерации.

² In accordance with Part 1 of Article 11 of Federal Law No. 236-FZ dated 07/01/2021 "On the activities of Foreign Persons in the Internet Information and Telecommunications Network on the territory of the Russian

dedicated to the topic under study. As a result of the analysis, the key narratives of this discursive space are identified. Among them are the idea of the inevitability of the collapse of Russia and the independence of individual regions (both republics and individual regions and territories), the idea of the need for decolonization of the Russian state, Russian mass public consciousness; ideas of damage to the peoples of Russia - both historical and allegedly happening at the moment. The main characteristics of the discourse under study are revealed, including the active use of hate speech, the construction of a psychological and cultural distance between "Moscow" and the regions, Russians and other peoples, the dehumanization of the Russian government, its supporters, the Russian people, appeals to history.

Key words: anti-Russian rhetoric, separatism, discourse, Russian regions.

For citation: Arutyunova, E. M. (2024). Anti-Russian Separatist Rhetoric: Analysis of the Discursive Space. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 75-85. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.75-85

Актуальность. В контексте продолжающейся специальной военной операции, которую проводит Россия на территории Украины, особое внимание исследователей привлекают методы и влияние информационных войн. С началом СВО существенно активизировались антироссийские нарративы в риторике стран Запада. Сошлемся здесь на разносторонний и последовательный анализ политических технологий в массовой коммуникации, используемых отдельными государствами Запада и военным блоком НАТО для средств антироссийской пропаганды [Грачев и др., 2024]. Авторы с использованием методики А. Морелли [Morelli, 2001], разработанной ею на базе идей А. Понсонби [Ponsonby, 1928], убедительно показывают, что в дискурсе стран НАТО против России используются те же десять основных пропагандистских принципов, которые использовались западными СМИ против Ирака, Югославии и в ходе других военных интервенций США и НАТО. Это следующие принципы: отрицание собственной ответственности, демонизация лидера противника, декларирование благородных целей ведения войны, приписывание противнику чрезмерной жестокости, преувеличение потерь противника и сокрытие своих потерь, привлечение творческой интеллигенции на свою сторону, апелляция к сакральному, критика сомневающихся. Исследователи дискурсивного пространства отчетливо фиксируют, что и до начала СВО в условиях информационной войны воздействующая функция СМИ в западных дискурсах заметно усиливается в сравнении с функцией информирования, а формы воздействия сменяются от открытого убеждения к скрытому манипулированию и затем к открытой агрессии [Озюменко, 2017].

К антироссийским нарративам мы отнесем и специфические для российского контекста комплексы идей, связанные с использованием темы сепаратизма российских регионов, в связи с чем представляется важным анализ соответствующего сегмента дискурсивного пространства русскоязычного интернета. Существенная активизация этого сегмента стала отчетливо заметной также после начала специальной военной операции в феврале 2022 г.

Теоретическая рамка. Важные для нас в этой работе теоретические основы связаны с трактовкой дискурсивного пространства как формирующего социальное поведение индивидов и групп – так понимает его подход социального конструкционизма [Иссерс, 2015, с. 11-12]. Мы не придерживаемся методик непосредственно дискурс-анализа, предпочитая термин «критические дискурсивные исследования» вслед за Т. ван Дейком, описывающим

Federation", Roskomnadzor decided to notify users of the Telegram messenger that the foreign person responsible for this resource violates the legislation of the Russian Federation.

широкий спектр методов, которые можно применить для анализа дискурса – соответственно цели исследования [Дейк, 2015, с. 19-20], или более широко – дискурсивные исследования. Дискурсы, используя эмоционально заряженные идеологемы, опирающиеся на ощущение ущемленности и на представления об исторической, социальной, экономической несправедливости, эксплуатирующие этнические обиды, могут формировать сепаратистские и экстремистские настроения в отдельных частях общества. Мониторинг этих дискурсов в сочетании с анализом факторов уязвимости общественного сознания важен для предотвращения рисков дезинтеграции.

Цифровая реальность диктует нам новые условия – язык вражды становится инструментом информационного воздействия, происходит «цифровая инструментализация ненависти» с широким вовлечением эмоциональной сферы людей [Колотаев, 2022, с. 521] или «аффективная поляризация» [Yuengar et al., 2012]. Очевидно, что использование языка вражды – не новое явление в общественно-политической риторике, но Ю. Колотаев справедливо указывает, что в будущем, учитывая развитие искусственного интеллекта, вполне возможен сценарий, который подразумевает автоматизацию создания, персонализации и распространения контента, формирующего эмоциональный контекст, подталкивающий людей к вражде. Масштабы рисков такого развития событий и в целом, и в приложении к дискурсу этничности, религии, безусловно, требуют максимального разностороннего внимания.

Эмпирика. На протяжении 2022–2024 гг. автор последовательно анализировала дискурсивное пространство русскоязычного сегмента интернета в мессенджере Телеграмм* (РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ³), за указанный период предметом анализа стали ключевые комплексы идеологем и направления развития сепаратистских идей в этом медиапространстве. Анализ дискурсивного пространства не подразумевает статистических методов сбора и анализа данных, мы не пытаемся оценить число упоминаний тех или иных идеологем, охваты аудиторий, влияние конкретных медиасредств (кроме числа подписчиков канала, числа просмотров того или иного поста, числа и характера реакций и комментариев, если они открыты). Для анализа использованы содержание каналов (название, описание, посты) и содержание комментариев.

ТГ-каналы, содержащие антироссийскую и сепаратистскую риторiku: попытка типизации. Количество каналов, попадающих в поле зрения по интересующей нас тематике, исчисляется десятками, охват регионов и этнических общностей, на причастность к которым медиасредства претендуют, очень широк. Не пытаясь создать исчерпывающий список, приведем условную типизацию каналов с самыми яркими примерами (в ходе исследования проанализировано приблизительно в два раза больше каналов):

Каналы, представляющие объединения, организации, базирующиеся за рубежом, до определенной степени институционализированные, в том числе проводящие офлайн-мероприятия:

³ В соответствии с ч.1 ст.11 ФЗ от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации», Роскомнадзором принято решение об информировании пользователей t.me, что иностранное лицо, владеющее информационным ресурсом, является нарушителем законодательства Российской Федерации.

• «Free Nations PostRussia Forum»* (входит в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ⁴), Польша. Описание канала: «Площадка коммуникации и платформа поиска лучших решений для Деколонизации и Реконструкции ПостРоссии», позднее «Площадка коммуникации и платформа поиска лучших решений для ускорения финального этапа Деколонизации так называемой “роССийской федерации” (имперской Московии) + полной 100 % независимости для 41 государства построссийских пространств»;

• «Лига Свободных Наций / Free Nations League»* (входит в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ⁵), Литва. Описание канала: «Мы боремся за реализацию народами и территориями РФ права на самоопределение»;

• «Свободный Идель-Урал»* (входит в Перечень террористов и экстремистов⁶).

Каналы, посвященные преимущественно пропаганде консолидации отдельных этнических групп, сепаратизма отдельных республик, территорий, регионов:

• «Эрхэтэн / Erkhетен Бурятия» (канал ассоциирован с организацией «Демократическое движение буряад-монгол Эрхэтэн»)* (входит в Перечень террористов и экстремистов⁷). Описание канала: «Мы стремимся к построению независимой демократической Бурятии с единой политической нацией, включающей все народы, проживающие в нашей республике. Бурятский язык должен иметь особый статус. В группе приветствуются идеи и проекты с данными целями»;

• «Фонд Свободная Бурятия»* (входит в Перечень террористов и экстремистов, Реестр иноагентов и Перечень нежелательных организаций⁸), США. Описание канала: «Буряты против войны!»;

• «Вольный Улус» (анализ содержания позволяет предположить, что канал ассоциирован с организацией «Общественное объединение Конгресс ойрат-калмыцкого народа»* (входит в Перечень террористов и экстремистов⁹). Описание канала: «Ойрат-калмыцкий национальный информационный канал»;

⁴ Организация входит в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>

⁵ Там же.

⁶ Организация внесена Росфинмониторингом в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list>

⁷ Там же.

⁸ Организация внесена Росфинмониторингом в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list>; организация входит в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>; организация включена в Реестр иностранных агентов, URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-18102024.pdf>

⁹ Организация внесена Росфинмониторингом в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list>

• «БЭЙСЕЗ ТАТАРСТАН ХӨКҮМӘТЕ/ ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕЗАВИСИМОГО ТАТАРСТАНА»* (входит в Перечень террористов и экстремистов¹⁰). Описание канала: «Бэйсез Татарстан Хөкүмәте эшенә кагыла торган барлык мәгълүмат. Инфо о работе Правительства Независимого Татарстана»;

• «Ингрия будет свободной» (описание канала: «Ингрия будет свободной! Санкт-Петербург – это Европа! Смерть империи! Канал координатора Гражданского Движения «Свободная Ингрия»* (входит в Перечень террористов и экстремистов¹¹), иноагента Павла Мезерина»* (признан иноагентом на территории РФ¹²);

• «Stop the occupation of Karelia», канал организации “Stop the occupation of Karelia”* (входит в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ¹³), Эстония;

• «Комитет Башкирского национального движения за рубежом»* (входит в Перечень террористов и экстремистов¹⁴);

• «BashkortizationReloaded» (анализ содержания позволяет предположить, что канал ассоциирован с организацией «Башкирская общественная организация Башкорт»* (входит в Перечень террористов и экстремистов¹⁵), либо с организацией «Комитет башкирского национального движения зарубежом, Общественное движение Свободный Идель-Урал»* (также внесенной в перечень террористов и экстремистов);

• «Республика Йорто» (описание канала «Рассказываем только эксклюзивную информацию о жизни в Республике Башкортостан. Наши уши на всех этажах Белого дома») (информации об ассоциированности данного канала отыскать не удалось);

• «Свободный Ногайстан / Free Nogaistan» (описание канала: «Международная организация “Свободный Ногайстан”») (входит в Перечень террористов и экстремистов¹⁶);

• «Ногайская Республика (Астрахань)». Описание канала: «Мы выступаем за независимость некогда захваченной московскими оккупантами Ногайского государства» (орфография сохранена – прим. автора, информации об ассоциированности данного канала отыскать не удалось);

• «Движение за независимость саха «Соппротивление», “Independent Sakha Movement” (канал организации «Движение за независимость Республики Саха»* (входит в Перечень террористов и экстремистов¹⁷). Описание канала: «Мы за независимость Саха и против войны!»);

¹⁰ Организация внесена Росфинмониторингом в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list>

¹¹ Там же.

¹² Включен в Реестр иностранных агентов. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-18102024.pdf>

¹³ Организация входит в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>

¹⁴ Организация внесена Росфинмониторингом в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list>

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Организация внесена Росфинмониторингом в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list>

- «Free Yakutia Foundation»* (входит в Перечень террористов и экстремистов¹⁸);
- «НЕАЙСИН». Описание канала: «Антология слухов. Приют казанских сирот. Достоверный кумыс и влажный өчпочмак» (ассоциацию канала с какой-либо организацией обнаружить не удалось);
- «Смоленская Республика». Описание канала: «Смаленская Рэспубліка», позднее «канал Смоленского Республиканского Центра»* (входит в Перечень террористов и экстремистов¹⁹);
- «Рядовой деколонизатор» (подпись всех постов на канале «Деколонизация и распад – лучшее, что может случиться с Россией», ассоциацию канала с какой-либо организацией обнаружить не удалось).

Каналы, претендующие быть площадкой консолидации культурно родственных народов:

- «@asiansofrussia». Описание канала: «Независимое медиа азиатских народов России» (анализ содержания позволяет предположить, что канал ассоциирован с организацией «Фонд Азии России»* (входит в Перечень террористов и экстремистов²⁰));
- «NEONOMAD». Описание канала: «Канал единства Кочевников Великой степи. НЕОНОМАДЫ: древнее содержание – новые формы!» (ассоциацию канала с какой-либо организацией обнаружить не удалось);
- «Записки горца». Описание канала: «Субъективный взгляд кавказца на события на Кавказе, России и мире. Я против российского колониализма, войны и путинизма» (ассоциацию канала с какой-либо организацией обнаружить не удалось);

Каналы отдельных активистов, публицистов, в том числе, ассоциированных с упомянутыми выше организациями и движениями:

- «Тот самый из Башкорт» (Руслан Габбасов* (признан иноагентом на территории РФ²¹) (канал был перезапущен после удаления);
- «Rizvan Kubakaev». Описание канала: «Ногайский общественный и политический деятель, публицист»;
- «Степной новиоп». Описание канала: «журналист «радио свобода@idelrealii»* (Организация признана иноагентом на территории РФ²²), в основном известен под псевдонимом тодар бактемир, астрахань – ереван – тель-авив, пишу о регионализме, языках, идентичностях и правах меньшинств. В постах личное мнение, а не позиция редакции.» (орфография сохранена – прим. автора);

¹⁸ Организация внесена Росфинмониторингом в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list>

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Включен в Реестр иностранных агентов URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-18102024.pdf>

²² Там же.

- ТатПолит (Айсин Р.)* (признан иноагентом на территории РФ²³). Описание канала: «Там, где у всех информация, у нас концепты и смыслы. Движение за свободу “ТатПолит”»;
- «Даавр Доржин | Davur Dordzhiev». Описание канала: “Хальмг Таңһч, колоньчллас эңжрлт, улс-төр шинжлт болн түүкн дурсмж. The Oirad-Kalmyk People's Congress” («Общественное объединение Конгресс ойрат-калмыцкого народа»* входит в Перечень террористов и экстремистов²⁴);
- «дерашизация недуклеризация». Описание канала: «Рашисты приведут Землю к ядерной катастрофе, экологической катастрофе и многомиллионным жертвам. Их надо остановить» (ассоциацию канала с какой-либо организацией обнаружить не удалось).

Ключевые идеи и направления изучаемого дискурсивного пространства можно обобщить следующим образом:

Идея неизбежности распада России, которую в этом дискурсивном пространстве называют империей. Как следствие появляются и пропагандируются идеи о новых форматах дальнейшего развития России (например, «ПостРоссия»). В этом направлении высказывания варьируются от однозначных лозунгов до попыток, опираясь на исторический опыт и претендуя на создание консолидирующих смыслов, предсказать будущее, как это делает Р. Айсин* (признан иноагентом на территории РФ²⁵): *«Кажется, что с каждым днем все хуже и мрачнее. Москва хочет извести нас в пыль и нет никакой силы, что может остановить ее ... Но это ложное впечатление, навевающее пессимизм и провоцирующее безволие. Как известно, темнее всего перед рассветом. Все тирании и империи неизбежно обрушивались внутрь себя»* (Канал «ТатПолит»). Изучаемое дискурсивное пространство активно освещает деятельность регулярных мероприятий так называемого Форума свободных народов постРоссии* (входит в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ²⁶), проходящего в разных странах на разных площадках и организуемого с участием Европарламента, для примера, один из Форумов (31.01.2023) был назван «Имперская Россия: завоевание, колонизация и геноцид. Перспективы деимпериализации и деколонизации».

Идея необходимости (и неизбежности) независимости отдельных регионов, формирования в них политических наций (как моно-, так и полиэтнических).

Идея необходимости деколонизации государства (преимущественно дискурсы, связанные с академической сферой, отражающие широко распространенный в последние десятилетия в западной гуманитарной сфере дискурс деколонизации и прав меньшинств).

²³ Включен в Реестр иностранных агентов. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-18102024.pdf>

²⁴ Организация внесена Росфинмониторингом в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list>

²⁵ Включен в Реестр иностранных агентов. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-18102024.pdf>

²⁶ Организация входит в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>

Основные фокусы – колониальный характер отношения центра к регионам, в частности к республикам, несправедливость распределения ресурсов (например, *«центр выкачивает ресурсы из регионов»*, *«Россия тотально грабит Якутию»* и др.).

Идея *«Российское государство проводит насильственную русификацию народов РФ / этноцид / лингвоцид»*. Идея в значительной мере сформировалась и укрепилась в контексте языкового конфликта 2017–2018 гг., заметно расширение деятельности языкового активизма в поле этнического и / или регионалистского вплоть до сепаратистских призывов. (Пример: реакция на инициативу депутата С.Хамзаева о том, чтобы назвать всех граждан РФ русскими: *«Добро пожаловать в открытую политику этногеноцида»* (канал «Неайсин»); *«Утвержден план исчезновения башкирского языка»* (канал «Республика Йорто».)

Идея *«компенсаций народам России за многовековой геноцид имперскими властями»* (канал *BashkortizationReloaded* пишет о таком вопросе башкирского националиста Руслана Габбасова* (признан иноагентом на территории РФ²⁷) представителям российской либеральной оппозиции).

Идея необходимости деколонизации массового сознания строится на создании образа колониально и ксенофобно мыслящего большинства (зачастую приравнивается к русским).

Противопоставление народов России русским, государству, как проводящему интересы русских / Москвы, акцентирование *«коренных народов»* с противопоставлением якобы *«пришлым»* русским в отдельных республиках.

Основные характеристики изучаемого дискурсивного пространства, в той или иной мере наблюдаемые в риторике изучаемых медиа:

- Использование языка вражды в отношении российского государства, россиян, русских (*«рашка»*, *«русня»*, *«руснявый»*, *«рузкий»*, *«руzzкий мир»* и другие).

- Противопоставление *«мы – они»*, выстраивание психологической и культурной дистанции. В категорию *«чужих»* попадают и так называемые манкурты, например: *«... больше всего поразило, как манкурты наперегонки пытаются подлизываться к ружким. Один из них некий депутат из Калмыкии и обладатель различных ружких рабских регалий ...»* (канал *Neopomad*). Сюда же отнесем и декларирование символического права на владение территорией, например: *«Русские нацисты указывают татарам, когда, сколько раз, о чем и где татары должны молиться, а также решают, когда будут татар разгонять. В столице Татарстана. На татарской земле. В день молитвы о памяти защитников Казани. Для этого они Казань и захватывали. Чтобы управлять татарами, чтобы татары были их рабами»* (канал *«Свободный Идель-Урал»*)* (входит в Перечень террористов и экстремистов²⁸).

- Претензии на чрезмерное обобщение, на представительство целых этнических групп – характерны для большинства рассмотренных каналов.

²⁷ Включен в Реестр иностранных агентов. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-18102024.pdf>

²⁸ Организация внесена Росфинмониторингом в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list>

• Дегуманизация, расчеловечивание «противника» (пример: *«не нужно ненавидеть русских, они жалкие – пожалейте их. Они ненавидят нас и себя из-за трусости и слабости, нами же движет любовь к своему народу, культуре и вере»* (канал «Тюрьма народов», не действует свыше 5 месяцев), (пример: *«быть «русским» с каждым днем становится все более постыдным и токсичным»* с дальнейшим продвижением идеи неизбежности возрождения некогда русифицированных этнических общностей (канал «Форум Свободных государств ПостРоссии»* (входит в Перечень террористов и экстремистов²⁹)).

• Обозначение позитивной перспективы, поддержание надежд лояльной аудитории, в частности периодическое освещение в постах акций и одиночных пикетов активистов в других странах (например, *«Башкирское национальное движение продолжает расти и набирать силу. Одним из доказательств этого стала акция протеста, проведенная 11 октября (2024 г. – прим. автора) ко Дню Республики Башкортостан. ... включая такие города как Страсбург, Лос-Анджелес, Сакраменто, Вильнюс, Анталия, Астана»* (канал «Республика Йорто»)). На нескольких опубликованных фотографиях запечатлены одиночные пикеты или малые группы – максимум 6 человек.

• Стремление избежать маргинального образа, апелляции к авторитетным научным мнениям, актуальным концептам, особенно если учесть, что многие активисты – ученые, работающие за рубежом (пример: *«При всех минусах и недостатках, независимая Калмыкия будет жить лучше, чем живет сейчас в составе Российской Федерации. Больше того, Мария Очир уверена, что аналогичные выводы можно сделать и в отношении всех остальных новых государств ПостРоссии»*).

• Апелляции к истории в широком смысле: к несправедливостям в ходе исторического развития в отношении отдельных народов, к необходимости пересмотра истории с «более объективным» взглядом.

• Активное использование темы СВО («*буряты против войны»*, «*Москва посылает инородцев умирать»*, «*это не наша война»* и т. д.), в целом освещение темы СВО в однозначном ключе поддержки Украины, в отдельных случаях – поддержка и / или пропаганда вступления в ряды ВСУ, а также информация о том, как избежать мобилизации в России.

• Активный взаимный перепост материалов.

Анализ представляемых указанными медиасредствами образов, их содержания и форматов коммуникации с аудиторией демонстрирует, что этот дискурс во многом использует те же самые пропагандистские приемы коллективного Запада, выявленные А. Морелли: декларирование благородных целей организаций, движений и каналов, привлечение лидеров общественного мнения (в данном случае в этнической среде), демонизация руководства страны сопровождается расчеловечиванием целых социальных общностей, формированием образа врага (россиян, поддерживающих власть, и русских в целом), апелляции к истории и сакральному в этнокультурных идентичностях.

²⁹ Организация внесена Росфинмониторингом в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list>

Заключение. Значительная часть проанализированного дискурса представлена зарубежными организациями и лицами, внесенными РФ в перечни террористов и экстремистов, нежелательных лиц или организаций, иностранных агентов. Однако свою деятельность они осуществляют на русском языке, таким образом, претендуя на охват русскоязычной аудитории непосредственно в нашей стране. Влияние изучаемого дискурсивного пространства на данный момент скорее ограничено, опрошенные нами в ходе исследования эксперты в Башкортостане и Астрахани оценивают его как незначимое. Однако не учитывать потенциал такого влияния ни в коем случае нельзя. В региональных сообществах есть запрос на образ будущего, и в случае вакуума или недостаточных усилий в формировании позитивного образа будущего со стороны государства и общества влияние сепаратистов может проявиться. Наиболее уязвимые сегменты общества (молодежь, социально незащищенные слои, особенно в удаленных от центра регионах) могут испытывать такое влияние в случае ухудшения социально-экономической обстановки, ослабления федеральной власти. С другой стороны, развитие интеллектуальными этническими элитами направлений дискурса, связанных с ущербом, с ущемленным этническим достоинством может быть значимым, провоцирующим уязвленные этнические чувства. Развитие содержательного компонента российской идентичности, чувства сопричастности к большой истории и великой культуре, расширение оснований для солидаризации с российским обществом наряду с поддержанием чувства стабильности и безопасности могут быть существенными факторами противодействия рискам дезинтеграции в этническом и региональном контекстах.

Список литературы / References

Грачев, М. Н., Лебедев, С. В., Кибардин, К. А. (2024). Психологические операции в современной информационной войне: анализ ключевых антироссийских нарративов. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. Вып. 2. С. 3-17. DOI: 10.24412/2071-6141-2024-2-3-17.

Grachev, M. N., Lebedev, S. V., Kibardin, K. A. (2024). Psychological operations in modern information warfare: an analysis of key anti-Russian narratives. *Izvestiya Tula State University. Humanities*. Iss. 2. Pp. 3-17. DOI: 10.24412/2071-6141-2024-2-3-17. (In Russ.)

Дейк, Т. А. ван. (2015). *Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 352 с.

Dijk, T. A. van. (2015). *Discourse and Power: the Representation of Dominance in Language and Communication*. 2 th ed. Moscow. (In Russ.)

Иссерс, О. С. (2015). *Дискурсивные практики нашего времени*. Изд. 2-е, испр. М.: ЛЕНАНД. 272 с.

Issers, O. S. (2015). *Discursive Practices of our Time*. 2 nd ed. Moscow. 272 p. (In Russ.)

Колотаев, Ю. Ю. (2022). Политические последствия цифровизации риторики ненависти в эпоху постправды: влияние на эмоциональные режимы в ходе цифровых конфликтов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. Т. 24. № 3. С. 517-529. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-517-529.

Kolotaev, Yu. Yu. (2022). Political Implications of Hate Speech Digitalization in a Post-Truth Era: Impact on Emotional Regimes in Digital Conflicts. *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 24. No. 3. Pp. 517-529. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-517-529. (In Russ.)

Озюменко, В. И. (2017). Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. Т. 21. № 1. С. 203-220. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220.

Ozyumenko, V. I. (2017). Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression. *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 21. No. 1. Pp. 203-220. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220. (In Russ.)

Iyengar, S., Sood, G., Lelkes, Y. (2012). Affect, Not Ideology: Social Identity Perspective on Polarization. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 76. No. 3. Pp. 405–431. <https://doi.org/10.1093/poq/nfs038>.

Morelli, A. (2001). *Principes Élémentaires de Propagande de Guerre: Utilisables en cas de Guerre Froide, Chaude ou Tiède*. Bruxelles. Labor. 93 p.

Ponsonby, A. (1928). *Falsehood in War-Time: Containing an Assortment of Lies Circulated Throughout the Nations During the Great War*. London. Garland Publishing Company. 193 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Арутюнова Екатерина Михайловна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, e-mail: 981504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9002-1491>

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 05.11.2024

Принята к публикации: 11.11.2024

Ekaterina Arutyunova – Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, e-mail: 981504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9002-1491>

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 05.11.2024

Accepted for publication: 11.11.2024

УДК 316.354 + 323.2

**МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ СОПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОС НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

zamashka@yandex.ru

Аннотация. Целью данной работы является изучение содержания и особенностей процесса сопроизводства общественных благ, производимых территориальным общественным самоуправлением (ТОС) совместно с государством в рамках грантовой деятельности. Эмпирическую базу исследования составили данные о 891 грантовом проекте, реализованном ТОСами Новосибирской области в период с 2018 по 2024 гг.

Сделан вывод о том, что существующая система грантов, с одной стороны, стимулирует ТОС к участию в процессе сопроизводства, но, с другой – накладывает на этот процесс жесткие ограничения.

Анализ основных направлений деятельности показал, что обязательным содержанием деятельности ТОСов оказывается забота о детях и организация их досуга; благоустройство дворов и придомовых территорий; решение проблем населенных пунктов в целом или крупных районов города; помимо коммунально-бытовых проблем, ТОСы активно занимаются сохранением культурной и исторической памяти.

Важным результатом исследования стал обнаруженный «эффект увеличения благополучателей», когда относительно небольшая по численности группа создает общественное благо, которым будет пользоваться все сообщество, значительно превышающее ее по численности.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, ТОС, самоорганизация, местные сообщества, сопроизводство, общественные блага, грант, Новосибирская область.

Для цитирования: Зазулина, М. Р. (2024). Местные сообщества в условиях сопроизводства общественных благ (на примере деятельности ТОС Новосибирской области). *Respublica Literaria*. Т. 5. №. 4. С. 86-100. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.86-100

**LOCAL COMMUNITIES
IN THE CONTEXT OF CO-PRODUCTION OF PUBLIC GOODS
(USING THE EXAMPLE OF TPSG ACTIVITIES IN THE NOVOSIBIRSK REGION)**

M. R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

zamashka@yandex.ru

Abstract. The purpose of this work is to study the content and features of the process of co-production of public goods produced by the territorial public self-government (TPSG) together with the state within the framework of grant activities. The empirical basis of the study was data on 891 grant projects implemented by the TPSG of the Novosibirsk region in the period from 2018 to 2024.

It is concluded that the existing grant system, on the one hand, encourages TPSG to participate in the process of co-production, but, on the other hand, imposes strict restrictions on this process.

The analysis of the main areas of activity showed that the mandatory content of TPSG activities is the care of children and the organization of their leisure; landscaping of courtyards and house territories; solving problems of settlements in general or large areas of the city; in addition to communal problems, TPSG is actively engaged in preserving cultural and historical memory.

An important result of the study was the discovered “effect of increasing beneficiaries”, when a relatively small group creates a public good that will be enjoyed by the entire community, significantly exceeding its size.

Keywords: territorial public self-government, TPSG, self-organization, local communities, co-production, public goods, grant, Novosibirsk region.

For citation: Zazulina, M. R. (2024). Local Communities in the Context of Co-production of Public Goods (Using the Example of TPSG Activities in the Novosibirsk Region). *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 86-100. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.86-100

Введение

Местное самоуправление в России – это важный уровень власти, в сферу полномочий которого входит решение вопросов местного значения. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» выделяет ряд институтов, которые являются формами непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления¹. Эти институты носят дополнительный по отношению к местному самоуправлению характер, и в последние годы их развитие оказывается предметом пристального внимания со стороны государства. Территориальное общественное самоуправление (ТОС) – один из таких институтов, получающий поддержку на всех уровнях власти.

Особый интерес представляет содержание деятельности, осуществляемой ТОСами. С точки зрения экономической теории ТОСы занимаются производством общественных благ, причем делают это совместно с государством, которое оказывает организационную и финансовую поддержку, в том числе через систему грантов. В результате такой кооперации деятельность ТОСов, ее содержание и организация приобретают специфические черты.

Целью данной работы является изучение содержания и особенностей процесса сопроизводства общественных благ, производимых ТОСами в рамках их грантовой деятельности.

Для этого предполагается решить две задачи:

1) изучить принципы устройства системы грантов для ТОСов и выявить ее особенности;

2) рассмотреть и проанализировать содержание проектов, которые ТОСы реализуют при поддержке системы грантов.

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (2003). [Электронный ресурс]. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/20035> (дата обращения: 20.09.2024).

Теоретическая рамка исследования

Процесс производства общественных благ традиционно связывается с ведущей ролью государства. Участие индивидов и их групп в этом процессе называют совместным производством или сопроизводством (co-production). Понятие сопроизводства было впервые введено Э. Остром при описании феномена взаимной выгоды от сотрудничества государства и граждан [Ostrom et al., 1978; Ostrom 1996]. Участие граждан в процессе сопроизводства особенно полезно в тех случаях, когда государство по различным причинам не справляется со своими функциями.

Исследователи выделяют положительные и отрицательные эффекты от участия сообществ в процессе производства общественных благ. С одной стороны, такое участие повышает общую активность населения, доверие к властям и в конечном счете стимулирует проявление опции «голос». С другой стороны, исследования показывают, что допуск граждан к сопроизводству общественных благ как практике ограничен. Оно считается важным лишь постольку, поскольку восполняет провалы государственного управления, сокращает государственные расходы и ответственность [Ackerman, 2004; Gurgur, 2016].

В России включенными в процесс сопроизводства общественных благ оказываются те структуры гражданского общества, которые пользуются поддержкой государства. Территориальное общественное самоуправление является одним из таких институтов. Таким образом, самоорганизация граждан в ТОСы позволяет им (при соблюдении некоторых условий) быть включенными с процесс сопроизводства общественных благ и получать поддержку от государства для решения проблем местного значения.

Существует большое количество научных работ, посвященных деятельности ТОСов, которые позволяют получить представление о различных аспектах деятельности этого института [Гордиенко, 2005; Шомина, 2015, Медведева и др., 2021] и о его специфике в различных регионах РФ [Березутский и Митрофанов, 2023; Бреславский и Скворцова, 2021; Чекрыга, 2023].

Первым и пока единственным исследованием, изучающим ТОСы в точки зрения теории сопроизводства, является работа Шагалова [Шагалов, 2019]. Он показывает, что российские ТОСы достаточно активно вовлечены в процесс сопроизводства социальной инфраструктуры. При этом эффекты от участия ТОСов в сопроизводстве общественных благ оказываются разнонаправленными: кроме того, что решаются проблемы местного значения и государство восполняет за счет граждан дефицит бюджетных средств, участие населения в ТОСах приводит к росту лояльности по отношению к власти. Таким образом, государство оказывается в однозначном выигрыше.

В русле описанных исследований, мы в своей работе также рассматриваем территориальное общественное самоуправление в рамках теории сопроизводства общественных благ. Полноценное участие в сопроизводстве общественных благ подразумевает, что ТОСы получают финансовую поддержку. Ее источниками могут выступать как государство, так и частные организации. На современном этапе большая часть поддержки исходит от государства и осуществляется в виде конкурсов и грантов. Система грантов сегодня является наиболее доступным механизмом для вхождения сообществ и их различных объединений в процесс сопроизводства общественных благ и решения проблем местного значения. Получение гранта означает, что деятельность ТОСов

оказывается формально и содержательно ограничена целым рядом условий, устанавливаемых государством. Таким образом, в фокусе нашего внимания одновременно оказываются: 1) механизмы, через которые ТОСы могут получить доступ к участию в сопроизводстве; 2) конкретное содержание деятельности ТОС по сопроизводству; 3) эффекты от этой деятельности.

Методология и общая стратегия исследования

Поскольку основной формой включения сообществ в процесс сопроизводства общественных благ сегодня является система грантов, то общая стратегия нашего исследования предполагает анализ проектов, выполненных ТОСами в рамках их грантовой деятельности. Эмпирическую часть исследования составили количественные данные по грантам, которые получают ТОСы Новосибирской области.

Для получения грантов существуют различные конкурсы, в которых ТОСы могут принять участие. В своем исследовании мы использовали данные, относящиеся к «Конкурсу социально значимых проектов на предоставление грантов в форме субсидий из бюджета муниципального образования в целях поддержки общественных инициатив территориальных общественных самоуправлений данного муниципального образования» (Конкурс). Данный конкурс является наиболее распространенным и доступным для органов ТОС. Этому способствуют несколько факторов. Он проводится на постоянной основе и является ежегодным (существуют ежегодные субсидии на проведение этого конкурса в бюджеты муниципальных образований из регионального бюджета). Конкурс муниципального уровня, т. е. в нем конкурируют между собой ТОСы одного городского округа или муниципального района. Наконец, он проводится только среди ТОСов, таким образом, они не должны конкурировать с другими социально ориентированными некоммерческими организациями (СОНКО). Среди ТОСов этот конкурс является самым доступным и популярным.

Мы собрали всю доступную информацию об участии ТОСов Новосибирской области в Конкурсе и выигранных грантах в период с 2018 по 2024 гг. За исследуемый нами семилетний период в 35 муниципальных образованиях Новосибирской области прошло 245 конкурсов. Поиск интересующей нас информации осуществлялся на электронных ресурсах муниципальных администраций (официальные сайты, страницы в соцсетях и мессенджерах), а также местных СМИ². Полнота информации, выложенная в доступе по интересующему нас вопросу, значительно различалась от муниципалитета к муниципалитету.

На данный момент в Новосибирской области осуществляют свою деятельность чуть более тысячи территориальных общественных самоуправлений. Число ТОСов во всех муниципальных образованиях различно (и колеблется от 2 до 147). Также в каждом муниципалитете различна доля ТОСов, принимающих участие в Конкурсе, и доля ТОСов, получающих гранты. Во многом эти параметры зависят от активности самих тосовцев и от политики местных властей.

² В том числе нашей задачей была оценка того, в каком объеме и виде представлена информация о территориальном общественном самоуправлении и насколько она доступна. Но обсуждение данной проблемы мы оставляем за рамками статьи.

В результате проделанной работы в нашу выборку попали 115 конкурсов, в которых 552 ТОСа получили 891 грант, т. е. был проанализирован 891 проект, реализованный ТОСами при поддержке муниципалитетов и региона.

Мы полагаем, что полученная выборка способна в полной мере дать представление об особенностях деятельности ТОСов Новосибирской области по сопроизводству общественных благ.

Как устроена система грантовой поддержки ТОС

Как мы уже отметили, для получения ТОСами грантов существуют различные конкурсы. Они могут различаться:

- по уровню: муниципальные, региональные, федеральные (т. н. президентские);
- по источникам финансирования: частные и государственные;
- по типу грантозаявителя: существуют конкурсы только для ТОСов, и конкурсы в которых ТОСы участвуют наряду с другими СОНКО.

Можно выделить несколько существенных принципов, лежащих в основе системы конкурсов и грантов определяющих условия для участия ТОСов в процессе сопроизводства общественных благ. Эти принципы в той или иной степени присущи любому из конкурсов, которые существуют для СОНКО и для ТОС, но в рассматриваемом нами Конкурсе они проявляются максимально.

Софинансирование. Гранты, выдаваемые в рамках Конкурса, предоставляются в виде субсидии, т. е. безвозмездной выдачи денег. Структура бюджета конкурса включает в различных пропорциях региональную, муниципальную и тосовскую составляющие. Соответствующая статья расходов заложена в бюджеты области и всех муниципальных образований. Важным и обязательным условием для участия ТОСов в Конкурсе и дальнейшего получения ими гранта является их финансовое участие. ТОС в обязательном порядке должны софинансировать проект и доля такого софинансирования должна составлять не менее 10 % от суммы гранта. Но на практике софинансирование со стороны ТОСов составляет чуть большую долю в общем бюджете реализуемых проектов. Например, среди ТОСов г. Бердска доля софинансирования составляет в среднем 20 %.

Включенность в единый законодательный и организационный контекст. Конкурс проводится в рамках стандартизированной муниципальной программы, принятой в каждом муниципальном образовании верхнего уровня³. На уровне субъекта Федерации существует соответствующая областная программа⁴. Условия, цели, объем и порядок предоставления

³ См., например: Муниципальная программа «Бердск – территория гражданской ответственности: поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций, органов территориального общественного самоуправления, инициативных групп граждан, действующих на территории города Бердска», утвержденная Постановлением администрации города Бердска от 01.12.2023 № 5640/65, и рассчитанная на 2024–2027 гг. (2023). [Электронный ресурс]. *Официальный сайт администрации города Бердска Новосибирской области*. URL: <https://berdsk.nso.ru/page/1990> (дата обращения: 20.09.2024).

⁴ См., например: Постановление Правительства Новосибирской области от 26.12.2018 № 570-п «Об утверждении государственной программы Новосибирской области “Развитие институтов региональной политики и гражданского общества в Новосибирской области”». (2018). [Электронный ресурс]. *Официальный*

грантов для ТОСов установлены специальным нормативно-правовым актом муниципального образования⁵, на который опираются ежегодные Положения о Конкурсе.

Таким образом, система грантов сопровождается поддержкой всех уровней власти и является частью единой логично выстроенной системы по поддержке гражданских инициатив. Эта поддержка включает финансовую, правовую и организационную составляющие.

Целевое назначение. Гранты, предоставляемые ТОСам, имеют целевое назначение и могут использоваться только на выполнение мероприятий по конкретным направлениям. Особенности выделения различных направлений мы рассмотрим ниже. Здесь для нас важно подчеркнуть именно целевой характер использования средств.

Выделенные три принципа в совокупности определяют возможности и ограничения участия ТОСов в процессах сопроизводства общественных благ. Софинансирование снижает финансовую нагрузку, причем как на население, так и на органы власти. Власть получает возможность сэкономить не менее 10 % бюджетных средств. Жители получают возможность получить необходимые общественные блага, вкладывая всего 10 % от необходимой суммы, т. е. экономя до 90 % средств. Единый организационно-правовой контекст гарантирует непротиворечивость процедур и действий властей на всех уровнях. Целевой характер гарантирует, что поддержку получают только те проекты, которые одновременно представляют интерес для государства и для населения в лице ТОСов (удовлетворяют запросам обеих сторон).

При этом в целом существующая конкурсная система одновременно стимулирует ТОСы к участию в процессах сопроизводства общественных благ и регламентирует их участие в этом процессе, ограничивая деятельность строго определенными рамками.

Содержание деятельности ТОСов в рамках системы грантов

Гранты, предоставляемые ТОСам, имеют целевое назначение и могут использоваться только на выполнение мероприятий по конкретным направлениям. Проведенный анализ конкурсных документов различных муниципалитетов показал, что не существует единого общепринятого перечня выделяемых направлений. Муниципалитеты выделяют различное количество направлений грантовой деятельности и используют различные формулировки. Кроме этого, формулировки, используемые одним муниципалитетом, могут изменяться с принятием новых программ развития. В рассмотренных нами документах выделялось от двух направлений до отсылки к перечню вопросов в сфере развития общественной инфраструктуры, предусмотренных отдельными пунктами Ч. 1. Ст. 14. Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

интернет-портал правовой информации. Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5400201812280022> (дата обращения: 20.09.2024).

⁵ См., например: Порядок предоставления грантов в форме субсидий из бюджета города Бердска в целях поддержки общественных инициатив территориальных общественных самоуправлений, утвержденный постановлением администрации города Бердска от 24.03.2020 № 790. (2020). [Электронный ресурс]. Официальный сайт администрации города Бердска Новосибирской области. URL: <https://berdsk.nso.ru/page/1989> (дата обращения: 20.09.2024).

Также отметим, что нередко встречаются проекты, которые могут быть отнесены к нескольким направлениям деятельности (например, закупка оборудования для сцены с последующим проведением праздника, конкурсов для жителей и награждением их призами или строительство сквера, предполагающее строительство дорожек, установку скамеек, урн и озеленение).

Например, в Новосибирске выделяются следующие четыре направления⁶:

- содействие деятельности, направленной на благоустройство и облагораживание объектов и территорий, имеющих социальное, оздоровительное, историческое, культурное, досуговое, природное значение по месту жительства;
- поддержка общественной деятельности и активизация гражданского участия жителей территории в сфере добровольчества, благотворительности и помощи по-соседски;
- популяризация и развитие массового спорта, здорового и экологичного образа жизни, правильного питания, сбережения здоровья, организация досуга, культурных и творческих инициатив по месту жительства;
- поддержка деятельности, направленной на духовно-нравственное и патриотическое воспитание жителей территории, помощь участникам специальной военной операции и их семей, профилактика противоправных и экстремистских проявлений в подростковой и молодежной среде.

В Бердске указано пять направлений⁷:

- 1) организация благоустройства территории в границах ТОС;
- 2) проведение физкультурно-оздоровительных, спортивных и культурных мероприятий по месту жительства граждан, в том числе патриотических;
- 3) обеспечение условий для развития физической культуры и массового спорта;
- 4) создание условий и организация обустройства мест для массового отдыха жителей;
- 5) обеспечение деятельности ТОС (делопроизводство, проведение заседаний советов ТОС, собраний / конференций жителей в границах ТОС, приема жителей, участие в организационных мероприятиях), привлечение жителей в границах ТОС к мероприятиям ТОС.

Встречаются муниципалитеты, которые выделяют три направления, беря за основу различные сферы реализации деятельности ТОСов: 1) сохранение природы, озеленение и благоустройство территории; 2) пропаганда здорового образа жизни, развитие физкультуры и спорта на территории ТОС; 3) культура, воспитание подрастающего поколения. Наконец есть муниципалитеты, делящие всю деятельность ТОСов на две части: проведение мероприятий и организация работ по благоустройству территорий, понимаемых предельно широко.

⁶ Порядок предоставления субсидий на реализацию общественных инициатив территориальных общественных самоуправлений по развитию территории. Приложение к Постановлению мэрии города Новосибирска от 06.02.2024 № 612. (2024). [Электронный ресурс]. URL: <https://nskpravo.info/upload/iblock/f78/2024%20612.pdf> (дата обращения: 20.09.2024)

⁷ Порядок предоставления грантов в форме субсидий из бюджета города Бердска в целях поддержки общественных инициатив территориальных общественных самоуправлений. Приложение № 1 к Постановлению администрации города Бердска от 24.03.2020 № 790. [Электронный ресурс]. Официальный сайт администрации города Бердска Новосибирской области. URL: <https://berdsk.nso.ru/page/1989> (дата обращения: 20.09.2024).

В связи с этим подчеркнем два момента. Во-первых, как мы уже отметили, проекты, реализуемые ТОСами, нередко имеют комплексный характер, и заявки на грант могут быть составлены таким образом, что попадают под несколько грантовых направлений.

Во-вторых, несмотря на разницу формулировок, общее содержание деятельности, допустимой для ТОСов, в достаточной степени определено и интуитивно понятно. Выделение в этой деятельности различных направлений имеет инструментальный характер и призвано структурировать весь объем подаваемых заявок и одновременно создать представление о разноплановости деятельности ТОСов.

Для дальнейшего анализа мы разделили все гранты ТОСов, попавшие в нашу выборку, на три категории:

1. Проекты по организации и проведению мероприятий (спортивные, праздничные, патриотические, экологические и др.), которые активизируют и сплачивают жителей.

2. Коммунально-бытовые проекты. Сюда мы отнесли решение серьезных задач, связанных с решением значимых коммунально-бытовых проблем, таких как установка и ремонт уличного освещения, газификация, водоотведение, щебенение и асфальтирование дорог.

3. Проекты, направленные на благоустройство территории, важной для жителей и предназначенной для их досуга в самом широком понимании. К этой категории мы отнесли разнообразный перечень практик от озеленения и установки детских площадок до обустройства территорий скамейками, беседками, ремонта ступеней, обустройства береговой линии или центральной площади, ремонт дома культуры.

Соотношение указанных категорий проектов представлено на Диаграмме 1.

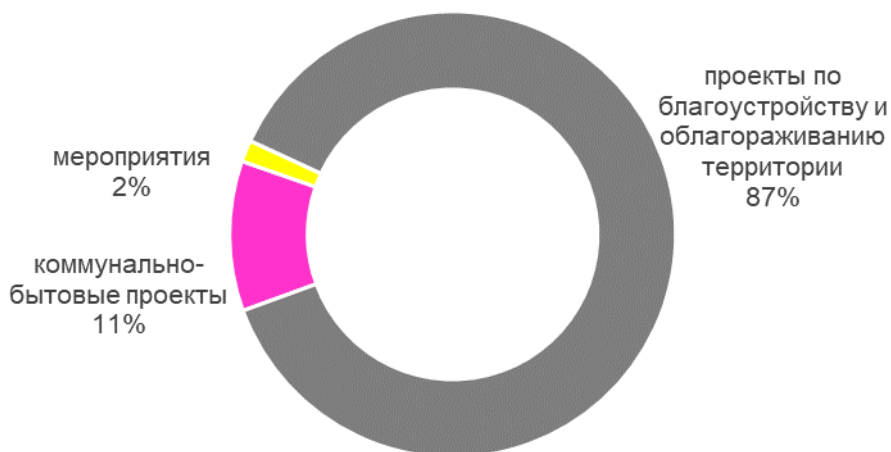

Диаграмма 1. Направления грантовой деятельности ТОС Новосибирской области. Первый этап анализа

Тот факт, что основная категория оказалась такой несоизмеримо большой, составив 87 %, связан прежде всего с тем, что относящиеся к ней проекты часто носят комплексный характер и предполагают целый спектр различных работ. Для сравнения, если речь идет о коммунально-бытовых проектах, то они направлены исключительно на решение коммунальных проблем, имеющих первоочередной характер. Они требуют значительного вложения средств, ресурсов и не сопровождаются никакими другими работами.

Ничтожно малый процент проектов, связанных с организацией мероприятий, объясняется тем, что такая деятельность не считается первоочередной и насущной и финансируется лишь в исключительных случаях. Во всех остальных же считается, что население способно организовать мероприятия полностью своими силами.

Среди огромного количества проектов по благоустройству можно отметить два особых типа проектов, которые выделяются среди всех остальных. Это проекты по установке и обновлению детских и спортивных⁸ площадок и их отдельных элементов. Среди всех проектов по благоустройству доля детских и спортивных площадок в совокупности составляет чуть больше трети (Диаграмма 2).

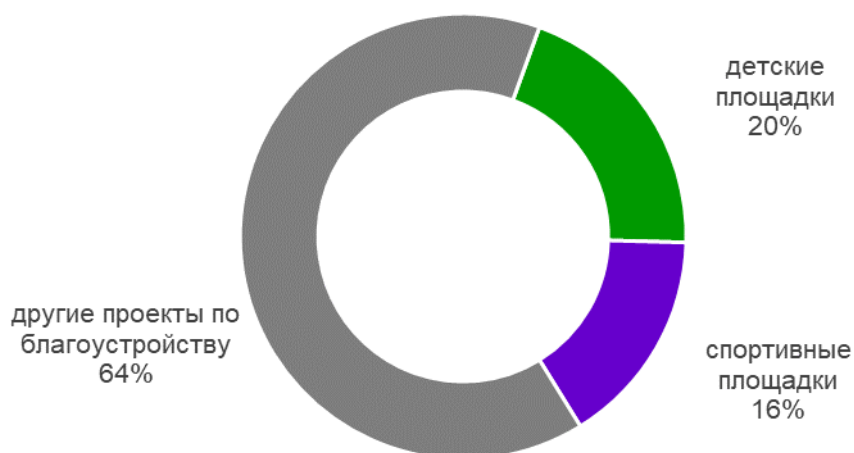

Диаграмма 2. Проекты по благоустройству и облагораживанию территории

Можно предположить, что забота о детях и о здоровье всегда однозначно связывается с положительными эмоциями, а ее воплощение в виде детских и спортивных площадок имеет вполне понятный и конкретный характер. Именно в этом связана популярность таких проектов.

Итого у нас остался массив из 502 проектов, которые мы отнесли к категории «Другие проекты по благоустройству». Эта категория, как мы уже отмечали, оказалась и самой значительной по объему, занимая 56 % от общей совокупности проектов, и самой разнородной по содержанию. Однако анализ проектов, относящихся к этому направлению, дал наиболее интересные результаты.

Мы заметили, что эти проекты можно достаточно точно классифицировать по территории их реализации. Есть проекты, которые реализуются непосредственно на территории проживания членов ТОСа. Это благоустройство дворов и придомовых территорий, установка там беседок, скамеек, разбивка клумб, ремонт различных элементов домов, подъездов и т. д. Такие проекты имеют микро-локальное значение, а есть проекты,

⁸ В эту категорию мы включили как типовые площадки с тренажерами или турниками, футбольные и волейбольные поля, площадки для воркаута, детские спортивные станции и оборудование для настольного тенниса, так и спортивные раздевалки.

реализация которых имеет значение для всего населенного пункта (если речь идет о сельских районах) или для крупного района города (если речь идет о мегаполисе). Это благоустройство кладбищ, береговых зон, аллей, парков, скверов, площадей, вокзалов, домов культуры, памятников и памятных мест. В эту же категорию мы отнесли приобретение оборудования, которое, очевидно, будет использоваться не только членами ТОСа и не только для них: радиоузел для проведения мероприятий, музыкальное оборудование, снегоуборочная техника и мотокультиваторы для уборки травы. Во всех этих случаях, реализуя проект, члены ТОСа выходят за пределы придомовой территории и благоустраивают муниципальные пространства общего пользования.

Сравнивая эти две группы проектов, можно заметить, что речь идет о том, кто же оказывается получателем общественных благ, производимых ТОСами. В одном случае благополучатели – это прежде всего сами члены ТОСов. В другом случае благополучателями оказываются гораздо более крупные группы населения, речь идет о жителях целых населенных пунктов сельских территорий и городских районов. ТОСы производят блага не «для себя», а «для всех». Если в некоторых проектах это не слишком очевидно, то другие напрямую транслируют именно эту идею. Например, установка знака на въезде в село, благоустройство памятников, кладбищ, парков и скверов, клубов, вокзалов. Такие пространства имеют повышенную значимость для общества, и являются концентрацией активности групп населения, гораздо больших по численности, чем члены ТОСа.

Наше исследование показало, что среди всей массы проектов по благоустройству (исключая детские и спортивные площадки), доля проектов, которые ориентированы на создание благ для больших групп населения, значительно преобладает и составляет до двух третей всех проектов (Диаграмма 3).

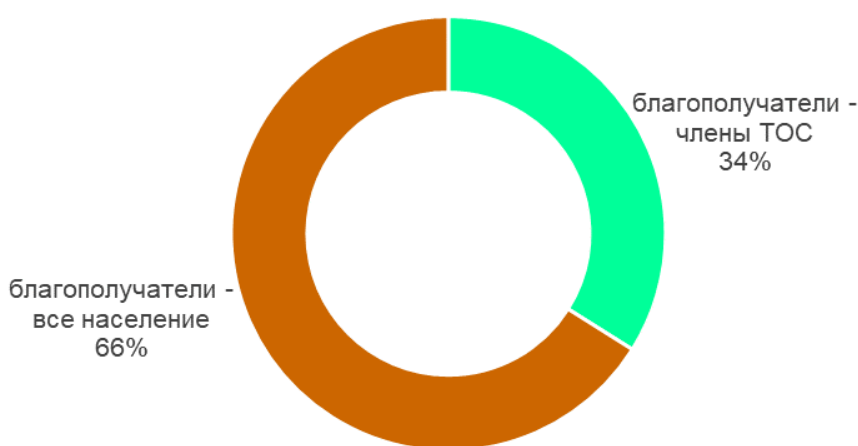

Диаграмма 3. Распределение проектов ТОС по благоустройству по получателям производимых ими благ (не включая детские и спортивные площадки)

Отметим, что названия, которые члены ТОСов дают своим проектам, в данном случае помогают лучше понять, как работает логика жителей. Происходит перенос понятий с «моя территория» в смысле «мой дом» на более широкий контекст. В результате подобные проекты часто носят название типа «Мое село – моя забота»⁹.

Данный эффект можно назвать «эффектом увеличения благополучателей». Этот эффект чаще всего наблюдается в сельских населенных пунктах. Можно предположить, что это связано с тем, что в селах, небольших по численности населения, локальная идентичность структурирована четче, и социальные связи выстроены с большим количеством соседей (односельчан), чем в городских сообществах.

Среди всех проектов по благоустройству, реализуемых ТОСами, часть посвящена сохранению культурного, исторического наследия и патриотическому воспитанию молодежи. В эту категорию вошли проекты по восстановлению и обновлению аллей памяти, обелисков, памятников, установлению памятных стендов и знаков, а также сохранению мест, имеющих историческое и культурное значение типа родников, рощ, колодцев и т. д. За редким исключением все эти проекты относятся к проектам по благоустройству, ориентированным на большое количество благополучателей. И в этой категории указанные проекты составляют 30 % (Диаграмма 4), т. е. каждый третий проект среди проектов с «эффектом увеличения благополучателей» – это проект, связанный с сохранением коллективной исторической памяти. Таким образом, можно утверждать, что эта тема оказывается важной и для властей, и для населения.

Диаграмма 4. Доля проектов, связанных с сохранением исторической и культурной, среди проектов с «эффектом увеличения благополучателей»

Если применить проведенный нами анализ, к первоначальной схеме, показывающей распределение грантов ТОСов по различным направлениям, то мы получим Диаграмму 5. Она дает наглядное представление о том, каково содержание деятельности ТОСов, осуществляемой в рамках грантовой поддержки.

⁹ Это названия реальных проектов, которые использовали члены ТОСов в нескольких муниципальных образованиях независимо друг от друга.

Диаграмма 5. Направления грантовой деятельности ТОС Новосибирской области.
Заключительный этап анализа

Распределение деятельности ТОСов по направлениям дает представление о реальном содержании процесса сопроизводства общественных благ, в который включены ТОС. Это одновременно перечень и ранжирование проблем, которые волнуют население, ну или, по крайней мере, самую активную его часть, и те точки соприкосновения, в которых спрос и предложение государства и общества совпадают. Ожидаемо значимой для общества оказывается забота о подрастающем поколении: строительство детских и спортивных площадок составляет почти треть от всех проектов. ТОСы решают коммунально-бытовые проблемы своих территорий, но также занимаются сохранением культурной и исторической памяти, причем доли проектов, реализующих данные направления деятельности, практически равны. Деятельность по благоустройству локальных территорий, таких как дворы, сочетается с деятельностью по благоустройству целых населенных пунктов или крупных районов города.

Результаты и дискуссии

Проведенное исследование позволило на материалах Новосибирской области изучить содержание проектов, которые ТОСы реализуют при грантовой поддержке государства, и сделать несколько выводов относительно условий протекания этого процесса и эффектов, возникающих при участии ТОС в процессе сопроизводства общественных благ.

Сама существующая система грантов, с одной стороны, стимулирует ТОСы к участию в процессе сопроизводства общественных благ, но, с другой – накладывает на этот процесс жесткие ограничения. Стимулирование происходит за счет упрощения общей процедуры участия в конкурсах, включенной в единый организационно-правовой контекст. Ограничения связаны с целевым использованием средств и выделением конкретных направлений возможной деятельности ТОСов. В результате весь процесс оказывается регламентирован со стороны государства. Общая стратегия государства в регламентации

сопроизводства сталкивается с тактиками властей на местах. Муниципалитет сам решает, какую долю ТОСов, подавших заявки, поддержать, и какого типа проекты поддержать, и в каком объеме их финансировать.

Распределение деятельности ТОСов по направлениям дает представление о реальном содержании процесса сопроизводства общественных благ, в который включены ТОСы. Значимой сферой деятельности оказывается забота о детях и организация их досуга, что проявляется в повсеместном строительстве детских и спортивных площадок. Также обязательным содержанием деятельности, помимо решения коммунально-бытовых проблем, оказывается сохранение культурной и исторической памяти. Наряду с благоустройством дворов и придомовых территорий ТОСы реализуют проекты, значимые для целых населенных пунктов или крупных районов города.

Еще одним результатом исследования стал обнаруженный эффект, который можно назвать «эффект увеличения благополучателей», когда относительно небольшая по численности группа создает общественное благо, которым будет пользоваться все сообщество, значительно превышающее ее по численности. В нашем исследовании доля таких проектов составила 66 % от направленных на благоустройство местных территорий и 37 % от всех проектов, реализуемых ТОСами.

Кроме того, оказалось, что 13 % от всех проектов, реализуемых ТОСами, занимают проекты, связанные с сохранением коллективной памяти, а значит, результатом деятельности ТОСов оказывается усиление общегражданской идентичности, в основе которой лежит чувство патриотизма.

Обнаруженные эффекты позволяют заключить, что выигрыш государства от включения ТОС в процесс сопроизводства общественных благ оказывается еще больше, чем фиксируют предыдущие исследования [Шагалов, 2019]. Помимо экономии средств и повышения лояльности населения, можно говорить об усилении локальной и гражданской идентичности сообществ как эффекте, возникающем в результате деятельности ТОСов. Выигрыш ТОСов также вполне очевиден и заключается в реализации потребностей в гражданской активности, получении обратной связи от властей, прежде всего местных, и решении проблем местного значения, связанных с благоустройством территории проживания.

Список литературы / References

Березутский, Ю. В., Митрофанов, Д. В. (2023). Территориальное общественное самоуправление как инструмент вовлечения населения в решение вопросов местного значения (на примере г. Хабаровска). *Власть и управление на Востоке России*. № 4 (105). С. 138-150. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-138-150.

Berezutskiy, Yu. V, Mitrofanov, D. V. (2023). Territorial Public Self-government as a Tool for Involving the Population in Solving Issues of Local Importance (on the example of Khabarovsk). *The Power and Administration in the East of Russia*. No. 4(105). Pp. 138-150. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-138-150. (In Russ.)

Бреславский, А. С., Скворцова, Ю. П. (2021). *Территориальное общественное самоуправление в Республике Бурятия: опыт реализации гражданских инициатив в 2010-е годы*. Улан-Удэ: Изд-во «Оттиск».

Breslavsky, A. S., Skvortsova, Yu. P. (2021). *Territorial Public Self-government in the Republic of Buryatia: the Experience of Implementing Civil initiatives in the 2010s*. Ulan-Ude. (In Russ.)

Гордиенко, А. А. (2005). *Территориальное общественное самоуправление в местном сообществе*. Новосибирск.

Gordienko, A. A. (2005). *Territorial Public Self-government in the Local Community*. Novosibirsk (In Russ.).

Медведева, Н. В., Фролова, Е. В., Рогач, О. В. (2021). Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью. *Социологические исследования*. № 10. С. 72-82. DOI: 10.31857/S013216250015275-5.

Medvedeva, N. V., Frolova, E. V., Rogach, O. V. (2021). Territorial Public Self-government and Local Government: Problems of Interaction and Prospects for Constructive Partnership. *Sociological Research*. No. 10. Pp. 72-82. DOI: 10.31857/S013216250015275-5. (In Russ.)

Чекрыга, М. А. (2023). Территориальное общественное самоуправление в муниципальных образованиях субъектов Российской Федерации Сибирского федерального округа. *Актуальные проблемы российского права*. Т. 18. № 9 (154). С. 21-37. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.021-037.

Chekry`ga, M. A. (2023). Territorial Public Self-government in Municipal Entities of the Constituent Entities of the Siberian Federal District. *Actual Problems of Russian Law*. Vol. 18. No. 9(154). Pp. 21-37. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.021-037. (In Russ.)

Шагалов, И. Л. (2019). Эффекты сопроизводства социальной инфраструктуры местными сообществами в России. *ЭКО*. № 4 (538). С. 153-172. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-153-172.

Shagalov, I. L. (2019). The Effects of Co-production of the Social Infrastructure in Russia. *ECO*. No. 4 (538). Pp. 153-172. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-153-172. (In Russ.)

Шомина, Е. С. (2015). Соседские центры как элемент инфраструктуры соседского сообщества *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. № 4 (8). С. 95-104.

Shomina, E. S. (2015). Community Centers as Element of Neighboring Community Infrastructure. *Economic and Social Research*. No. 4 (8). Pp. 95-104. (In Russ.)

Ackerman, J. (2004). Co-Governance for Accountability: Beyond “Exit” and “Voice”. *World Development*. Vol. 32. No. 3. Pp. 447-463.

Gurgur, T. (2016). Voice, exit and local capture in public provision of private goods. *Economics of Governance*. No. 17. Iss. 4. Pp. 397-424.

Ostrom, E., Parks, R. B. & Whitaker, G. P. (1978). *Patterns of Metropolitan Policing*. Cambridge, MA: Ballinger Publishing Co.

Ostrom, E. (1996). Crossing the great divide: Coproduction, synergy, and development. *World Development*. Vol. 24. No. 6. Pp. 1073-1087.

Сведения об авторе / Information about the author

Зазулина Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: zamashka@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8984-1129>

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 18.11.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Zazulina Maria – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: zamashka@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8984-1129>

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 18.11.2024

Accepted for publication: 02.12.2024

УДК 316.732

**ПАТРИОТИЗМ КАК ИНТЕГРАЦИОННЫЙ РЕСУРС:
ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))***

Е. Г. Маклашова

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск)
maklashova@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается проанализировать интеграционный ресурс патриотизма в условиях полиэтничности, который формирует ценность этнокультурной самобытности народов России. В таких социокультурных условиях просматриваются особенности взаимосвязи феномена патриотизма и этнокультурной дифференциации. На основе социологического исследования в Республике Саха (Якутия) автор выявляет динамику установок среди населения относительно этнокультурной дифференциации в современном обществе. Главным акцентом становится выявление аффективных и деятельностных проявлений патриотизма в рамках функционирования этнокультурных типов. Делается вывод, что патриотизм и позитивный национализм (этнический) на современном этапе – взаимодополняющие элементы национального развития страны.

Ключевые слова: патриотизм, полиэтничность, этнокультурные типы, типы этнической идентичности, аккультурационные стратегии.

Для цитирования: Маклашова, Е. Г. (2024). Патриотизм как интеграционный ресурс: особенности фиксации в условиях полиэтничности (на материалах Республики Саха (Якутия)). *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 101-111. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.101-111

**PATRIOTISM AS AN INTEGRATION RESOURCE:
FEATURES OF FIXATION IN CONDITIONS OF MULTI-ETHNICITY
(BASED ON MATERIALS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))***

E. G. Maklashova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS (Yakutsk)
maklashova@mail.ru

* Работа выполнена по проекту «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки», реализуемого в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. (поручение Президента Российской Федерации № Пр-71 от 16.01.2020 г.), руководитель – акад. РАН В. А. Тишков.

* The work was carried out under the project “Patriotism of the peoples of North-East Russia: big and small homeland in the narratives of residents of Yakutia and Chukotka”, implemented within the framework of the Program for Scientific Research on the Ethnocultural Diversity of Russian Society and aimed at strengthening Russian identity, 2023–2025. (Order of the President of the Russian Federation No. Pr-71 dated January 16, 2020), head – Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Tishkov.

Abstract. The article proposes to analyze the integration resource of patriotism in the conditions of polyethnicity, which form the value of the ethnocultural identity of the peoples of Russia. In such sociocultural conditions, the features of the relationship between the phenomenon of patriotism and ethnocultural differentiation are visible. Based on a sociological study in the Republic of Sakha (Yakutia), the author identifies the dynamics of attitudes towards ethnocultural differentiation, thereby tracing changes in the ethnosocial process in Yakutia. The main emphasis is on identifying affective and active manifestations of patriotism within the framework of the functioning of ethnocultural types. It is concluded that patriotism and positive nationalism (ethnic) at the present stage are complementary elements of the country's national development.

Keywords: patriotism, polyethnicity, ethnocultural types, types of ethnic identity, acculturation strategies.

For citation: Maklashova, E. G. (2024). Patriotism as an Integration Resource: Features of Fixation in Conditions of Multi-ethnicity (Based on Materials of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 101-111. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.101-111

Актуальность и разработанность темы. Сегодня мир находится в кризисном состоянии, проявляющемся не только в экономической и политической сфере, но и на уровне глубинных оснований формирования государственных (национальных) и социальных систем. Происходит трансформация всей капиталистической системы, как наиболее рациональной и оптимальной, поглотившей практически все страны мира.

Россия, безусловно, вовлеченная в глобальный процесс, вынуждена применять адекватные ответные меры на имеющиеся большие вызовы.

На фоне «разоблачения», обесценивания, несоответствия реалиям, изживания идей космополитизма, глобализма, универсализма и даже индивидуализма, актуализируется, как никогда, вопрос укрепления коллективных идентичностей, сохранения самобытности и уникальности в контексте государственной и общественной безопасности, укрепления суверенитета страны и его народа. В этой связи актуализирована патриотическая повестка с выработкой и усилением ее опорных основ.

В России как многонациональном государстве вопрос патриотизма остро соседствует с вопросом национализма (этнического национализма). В целом задача соотношения этнической повестки и единства российского пространства всегда оставалась значимой и находилась в поле внимания ученых, аналитиков, управленцев и политиков в России.

Исследования в области патриотизма исходят из его понимания как ценности, чувства, идеи, социальной установки и практики, фактора консолидации и единения. Понимание сущности патриотизма в теоретическом плане включает следующие основные положения: во-первых, это одно из высших духовно-нравственных и лично-социальных чувств; во-вторых, это одна из высших ценностей общества, государства, личности; в-третьих, это один из основополагающих принципов жизнедеятельности личности, общества, государства; в-четвертых, это определяющий мотив любой социально значимой деятельности в любой сфере нашей жизни; в-пятых, это важнейшее условие, основа, атрибут жизни и деятельности личности, общества, семьи, любой социальной группы, общности, государства со всеми его институтами, их существования и развития [Лутовинов, 2013]. В этой связи исследователи чаще анализируют патриотизм как социальную ценность, обеспечивающую социокультурное единство общества, как социальную установку на интеграцию, как совокупность правил и норм поведения, определяющих отношения между индивидом и государством; в-третьих, как результат конструктивистских воздействий и инструмент социально-политического управления; в-четвертых, как компонент

гражданской культуры и гражданской идентичности. Так, например, в статье А. В. Репринцева практически полностью раскрывается суть патриотизма как ценности – ценности многоаспектной: любовь, деятельность, личная сопричастность, социальность [Репринцев, 2009]. Сущностное ядро патриотизма как социального феномена раскрывается в статье А. Н. Малинкина [Малинкин, 1999], где анализируется аффективный и этологический патриотизм.

Собственно, патриотизм являет собой сложное и многогранное явление и представляется как научная проблема и как явление российской действительности. В этой связи при наличии разных научно-теоретических обоснований патриотизма в рамках укрепления суверенитета России в большей степени актуализируются основы, связанные с любовью к своей стране, государству, укрепляющему единство населения и его приверженность своей стране, т. е. государственный патриотизм становится движущим типом развития государства и общества.

Но и многонациональность, полиэтничность остаются фундаментальной основой развития России как демократического, правового, светского государства.

В общественных науках развитие сложносоставных обществ характеризуется весьма антагонистично: или как устойчивое, или как неустойчивое в силу их сегментированности, дифференциации (по экономическому, культурному и иному / иным факторам). Однородность (или разнородность) (в зависимости от подхода) рассматривается драйвером развития. На основе социологических / этносоциологических исследований в России с учетом изучения этнокультурной политики российского государства доминирующим призван концепт позитивности поликультурности и многоязычия и перспективности развития многонационального российского общества, основанного на принципе «единства в многообразии». Как пишет А. В. Головнев: «Российское народовластие этнично: именно голоса и интересы народов служат главным противовесом политическому централизму» [Головнев, 2018, с. 33]. В исследовании С. В. Рыжовой сделаны выводы об особенностях функционирования российского полиэтничного сообщества, проявляющихся в соединении высокого уровня актуализации этнических с позитивными межэтническими установками и ценности сплоченности на основе культуры, этнического разнообразия. «Этничность обладает большим потенциалом общественной солидарности. Взгляд на нее только как на фактор, осложняющий социальные отношения, непродуктивен ... Востребованность в обществе этнической идентичности свидетельствует о том, что в условиях социальных, политических трансформаций культура берет на себя функции регулирования общественных отношений и ценностного единства, в чем проявляется ее высокая адаптивная роль как хранилища ценностей и жизненных стратегий» [Рыжова, 2020, с. 178]. А. А. Скоробогатая также отмечает наличие связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью: позитивная этническая идентичность способствует формированию этнической толерантности, тогда как негативная этническая идентичность – интолерантности [Скоробогатая, 2008].

Функционирование этнокультурных феноменов в России рассматривается с разных аспектов: взаимоотношение с мигрантами, межэтнические отношения, матрица идентичностей, народонаселение и т. д. Актуальными считаются разработки Дж. Берри в отношении определения интеграции мигрантов (стратегия межкультурного взаимодействия); Л. М. Дробижевой в отношении выявления взаимосвязи коллективных идентичностей в контексте функционирования этнической идентичности (актуализация этнической идентичности, этническая солидаризация, межэтническая солидарность)

[Дробижева, 2018]; Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой по вопросу изучения уровня этнической солидаризации с определением типов этнической идентичности: 1) этнонигилизм; 2) этническая индифферентность; 3) позитивная этническая идентичность (норма); 4) этноэгоизм; 5) этноизоляция; 6) этнофанатизм [Солдатова, Рыжова, 2008]. Исследователями ИФПР СО РАН М. А. Абрамовой, Г. С. Гончаровой проведена типологизация аккультурационных стратегий молодежи Якутии (саха, русские, коренные малочисленные народы Севера, прочие народы) в зависимости от этнической и гражданской самоидентификации. В ходе исследования выделены типы стратегий: 1) интеграция; 2) сепарация; 3) ассимиляция; 4) маргинализация [Абрамова, Гончарова, 2009]. Сотрудником ИГиПМНС СО РАН О. В. Васильевой (Осиповой) на основе группирования ориентации людей на собственную этническую группу (предпочтение сохранять свое культурное наследие и идентичность) и на другие группы (предпочтение контактировать с более широким обществом и принимать в нем участие наряду с другими этнокультурными группами) выделены четыре типа стратегии аккультурации: 1) сепарационная; 2) интеграционная; 3) ассимиляционная; 4) маргинальная [Осипова, 2014].

Взаимодействие и проявление принципов единства и многообразия в сложносоставных обществах остаются актуальными и для научного познания, и для практики. В этой связи в рамках сложносоставных обществ мы сталкиваемся с вопросом взаимодействия двух тенденций: этнокультурной дифференциации и идеологической унификации. Изучение восприятия и проявлений патриотизма как одного из ресурсов принципа единства и этнокультурного многообразия остается архиважной задачей этносоциологии, фиксирующей особенности протекания этнических и социальных процессов под воздействием быстро сменяющихся внешних и внутренних угроз (сепаратизм, экстремизм, экономический кризис, культурная трансформация, цифровизация и виртуализация общественных связей и жизни и т. д.) Научная значимость остается и в отслеживании динамики развития этнического ресурса в его взаимосвязи с идеей единства.

Сегодня на фоне политических событий наблюдается всплеск патриотических чувств среди населения страны и фактическое деление на два лагеря: патриоты и не-патриоты.

По данным ВЦИОМ большая часть россиян, девять из десяти, называют себя патриотами (91 %), безусловными патриотами называют себя 52 % – каждый второй. При этом за годы с 2022 к 2024 гг. процент безусловных патриотов растет (табл. 1).

Таблица 1

Как бы Вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет? (в %)¹

Варианты ответов	Год опроса		
	2024	2022	2020
Да, безусловно	62	54	46
Скорее да	32	38	43
Скорее нет	2	4	6
Безусловно, нет	1	1	2
Затрудняюсь ответить	3	3	3

¹ Данные опросов (2024). ВЦИОМ – Навигатор. URL: <https://bd.wciom.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

Одно из очевидных объяснений всплеска патриотизма в российском обществе – воссоединение Крыма с Россией. Начало специальной военной операции 2022 г. Все это ознаменовалось приростом «безусловных» патриотов и вплоть до сегодняшнего дня².

В этих условиях изменяется и «насыщаемость», акценты, значимые элементы патриотизма, проявляющиеся в наполнении иррациональных чувств (любовь прежде всего) поведенческими формами проявления любви (табл. 2).

Таблица 2

**Что, по-Вашему, значит быть патриотом?
(закрытый вопрос, не более 3-х вариантов ответа) (в %)³**

Варианты ответов	Год опроса	
	2022	2018
Любить свою страну	50	58
Считать, что твоя страна лучше, чем другие страны	11	14
Считать, что у твоей страны нет недостатков	3	4
Защищать свою страну от любых нападков и обвинений	36	28
Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была	26	20
Работать / действовать во благо / для процветания страны	43	36
Стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее	26	36
Другое (запишите)	7	3
Затрудняюсь ответить	3	3

Методика исследования и эмпирическая база.

На основе использования методики по определению аффилиации со своим народом и уровня этнической солидаризации сотрудниками отдела этносоциологии ИГиПМНС СО РАН выделены четыре группы сообществ, сгруппированных по принятию культурной дифференциации как нормы организации общества. Два полярных типа:

1) этнофоры, среди которых преобладает чувство осознания своей этнической идентичности и важности этнической групповости. Эта группа должна обеспечивать сохранность норм принятия высокой значимости этнической уникальности и полиэтничности в обществе и их ценность;

2) этнонигилисты – группа, основанная на отрицании значимости этнической групповости, а значит в большей степени обладающая разным уровнем этнической интолерантности.

Два промежуточных типа отражают неопределенность в принятии и разделении культуры своей и других как нормы, фактора социального структурирования, социального взаимодействия:

3) этноутрачивающие – группа, характеризующаяся выраженной аффилиацией со своей этнической группой, но не признающая стратификацию по культурным основаниям

² О современном российском патриотизме. (2024). ВЦИОМ Новости. 29 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Данные опросов (2024). ВЦИОМ – Навигатор. URL: <https://bd.wciom.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

и предпочитающая иные формы структурирования, а значит допускающая возможный отказ от этнического самоотождествления, причисление себя к более широким наднациональным общностям [см., например: Науменко, 1997].

4) этноиндифферентные – группа, лояльная к этнической дифференции, солидаризации по культурным основаниям, но не ощущающая причастность к своему народу, где возможны как признание множественной идентичности, так и смена идентичности или полная ассимиляция.

В данной работе представлены результаты исследований:

1. Проект «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки» (рук. Васильева О. В.), реализуемого в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. (поручение Президента Российской Федерации № Пр-71 от 16.01.2020 г.), руководитель – акад. РАН В. А. Тишков. Методика исследования в Республике Саха (Якутия) представляет собой социологический анкетный опрос населения по квотной половозрастной выборке, репрезентативной для генеральной совокупности населения Якутии. Погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 3 %. Опрос охватывал 1066 единиц наблюдения. 47,9 % опрошенных составляют мужчины, 52,1 % – женщины. Возрастные характеристики опрошенного населения: 18–22 года – 9,3 %, от 23–34 лет – 24,3 %, от 35–44 лет – 21,6 %, от 45 до 54 лет – 16,4 %, от 55–64 лет – 16 %, старше 65 лет – 12,3 %. Уровни реализации опроса: 58,1 % населения городов, 10,1 % население поселков городского типа, 31,9 % население сельской местности. Первичные данные были обработаны с помощью программного обеспечения SPSS, результаты представлены методами описательной статистики; проведен углубленный анализ эмпирической информации методом аналитической статистики – критерий значимости χ^2 .

2. Проект «Этносоциальные процессы в Республике Саха (Якутия)» (ответ. испол. Е. Г. Маклашова, О. В. Осипова). География исследования: гг. Нерюнгри (n=199), Якутск (n=296), Олекминск (n=152); районы РС(Я): Аллаиховский (n=107), Анабарский (n=112), Усть-Янский (n=102) (2013–2014 гг., n = 968). Выборка квотная, половозрастная, районированная от 18 лет и старше; распределение по полу: 46,8 % – мужчины, 53,2 % – женщины; по возрасту: 13,6 % – от 18 до 22 лет, 28,5 % – от 23 до 34 лет, 19,5 % – от 35 до 44 лет, 12,6 % – от 55 до 64 лет, 6,3 % – от 65 лет и старше. Цель: определение значения этнокультурных ресурсов среди населения Якутии.

Результаты исследования. Как же патриотизм совмещается и отражается в сознании населения национального региона?

Динамика изменения этнокультурных типов среди населения РС(Я) показывает небольшие сокращения в переходных группах, рост этнофоров и снижение кардинально настроенных против этнокультурной дифференциации (табл. 3). Можно сделать вывод, что сохраняется высокий уровень актуализации этнических оснований единения, и растет запрос на сохранение культурной уникальности и этнического разнообразия.

Таблица 3

Динамики изменения этнокультурных типов в РС(Я) (в %)

Этнокультурные типы	Год опроса	
	2024 (n= 1066)	2014 (n=968)
Этнофоры	57,8	44,8
Этнонигилисты	21,7	29,6
Этноутрачивающие	12,2	15,9
Этноиндифферентные	8,3	9,7

На практике Якутии как полиэтничного региона можно отметить, что патриотизм присущ населению, ценящему идею культурного разнообразия. Причем социологические данные показывают, что чем в большей степени люди разделяют необходимость этнокультурного разнообразия и актуализируют свою личную этническую идентичность, тем с большей вероятностью они относят себя к патриотам России (табл. 4). Наиболее близка к среднероссийским показателям уровня патриотизма группа этнонигилистов, тогда как другие группы показывают уровень приверженности выше, чем по данным ВЦИОМ.

Таблица 4

Считаете ли Вы себя патриотом России? (в %)

Этнокультурные группы	Да, я – патриот России
Этнофоры	81,4
Этнонигилисты	60,5
Этноутрачивающие	72,7
Этноиндифферентные	73,9

Исходя из понимания интеграционного ресурса патриотизма, связанного с его нацеленностью на единение и активную включенность в общественные процессы, рассмотрим, как эти элементы отражаются через призму восприятия этнокультурной дифференциации.

Значимой основой единения населения, независимо от культурных и иных социальных и политических дифференциаций, является гражданская идентичность. Социологическое исследование показало, что в полиэтничном регионе наиболее высокий уровень гражданской идентичности демонстрируют лица с активной позицией в отношении сохранения этнокультурной дифференциации и культурной уникальности (табл. 5).

Таблица 5

Насколько для Вас важно осознавать себя гражданином России (в %)

Этнокультурные группы /	Уровень значимости		
	очень важно	важно	не важно
Этнофоры	62,1	35,8	2,1
Этнонигилисты	37,9	50,9	11,2
Этноутрачивающие	42,4	56,0	1,6
Этноиндифферентные	48,3	46,0	5,7

В отношении фиксации уровня вовлеченности и общественной активности населения через призму типологизации в зависимости от отношения к этнокультурному многообразию можно наблюдать, что в целом население Якутии обладает достаточным потенциалом по участию в общественной деятельности: преобладает средний уровень активности, для которого характерно участие по мере возможности. Причем наиболее «экстремальные» результаты наблюдаются у этнонигилистов – они чаще впадают в крайность: или обладают высокой активностью (инициирую, принимаю участие в коллективных собраниях, волонтерской деятельности, помогаю нуждающимся), или низкой (почти не участвую, нет времени и желания) (табл. 6).

Таблица 6

Охарактеризуйте Вашу общественную активность (в %)

Этнокультурные группы	Уровень активности		
	высокая	средняя	низкая
Этнофоры	15,8	55,6	28,6
Этнонигилисты	22,2	42,2	35,6
Этноутрачивающие	18,8	53,1	28,1
Этноиндифферентные	13,6	56,8	29,5

Обратимся к ценностному выбору, продуцируемому условно космополитическим и национальным мировоззрением. Надо отметить, что обе указанные позиции также можно соотнести с более прагматичным и аффективным подходами. Данный срез анализируется через закрытый дихотомический вопрос с возможностью выбора одного из следующих вариантов ответа: 1) человек должен жить в той стране, где ему больше нравится; 2) Родина у человека одна и нехорошо ее покидать.

Таблица 7

Выбор ценности космополитического и национального мировоззрения в зависимости от позиции человека в отношении принятия культурной дифференциации как нормы организации общества (в %)

Этнокультурные группы /	Мировоззрение	
	Человек должен жить в той стране, где ему больше нравится	Родина у человека одна и нехорошо ее покидать
Этнофоры	45,6	54,4
Этнонигилисты	67,7	32,3
Этноутрачивающие	62,2	37,8
Этноиндифферентные	50,6	49,4

Результаты перекрестного анализа демонстрируют значительно больший процент приверженцев ценностей космополитического мировоззрения у лиц, в той или иной мере отрицающих или скептически относящихся к идее сохранения этнического многообразия (табл. 7).

Также стоит отметить, что при перекрестном анализе позиций в отношении патриотизма демонстрируется значительно больший процент приверженцев ценностей космополитического мировоззрения у лиц, не относящих себя к патриотам, а также

затруднившихся ответить. Но и среди патриотов можно также выделить группу тех, кто является так называемым безусловным патриотом и группу тех, чьи патриотические чувства формируются условиями проживания в стране (условно прагматичный патриотизм) (табл. 8).

Таблица 8

**Выбор ценности космополитического и национального мировоззрения
в зависимости от позиции человека в отношении патриотизма в РС (Я) (в %)**

Ответы на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом России?»	Человек должен жить в той стране, в которой ему больше нравится	Родина у человека одна и нехорошо ее покидать
Да	46,7	53,3
Нет	71,2	28,8
Затрудняюсь ответить	73,5	26,5
Нет ответа	41,2	58,8

Заключение. Результаты исследования в Якутии свидетельствует, что при определенных условиях, наблюдаемых сегодня на внутренней этнополитической арене, патриотизм выступает интеграционным ресурсом, объединяющим, скрепляющим сложносоставное общество, а именно полиэтничное. Мы можем заключить следующее:

- в условиях нестабильности и на фоне суверенизации страны растет запрос населения на сохранение культурной уникальности, повышается значение этнической идентичности как одного из типов системы множественной социальной (коллективной) идентичности;
- в настоящий момент не фиксируется какого-либо конфликта (противоречия) в сочетании гражданской и этнической идентичностей;
- актуализируется роль патриотизма как государственного патриотизма, сочетающего как иррациональные чувства, так и рациональные элементы;
- патриотизм выступает интеграционным ресурсом и значимой ценностью в нашем случае для солидаризирующегося по этническому признаку населения;
- сохраняется стремление к укреплению единства на основе патриотизма (чувства любви к Родине, гражданской идентичности);
- патриотизм и позитивный национализм (этнический) на современном этапе взаимодополняющие элементы национального развития страны.

Список литературы / References

Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С. (2009). Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии. *Социологические исследования*. № 3. С. 108-115.

Abramova, M. A., Goncharova, G. S. (2009). Acculturation strategies of student youth in Yakutia. *Sociological Studies*. No 3. Pp. 108-115 (In Russ.)

Дробижина, Л. М. (2018). Гражданская идентичность как потенциал межэтнического согласия в обществе. *Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты*. Отв. ред. Л. М. Дробижина. М. С. 177-216.

Drobizheva, L. M. (2018). Civic identity as the Potential for Interethnic Harmony in Society. In Drobizheva, L. M. (ed.). *Interethnic harmony in the all-Russian and regional dimensions. Sociocultural and religious contexts*. Moscow. Pp. 177-216. (In Russ.)

Головнев, А. В. (2018). Этнография в российской академической традиции. *Этнография*. № 1. С. 6-39.

Golovnev, A. V. (2018). Ethnography in the Russian Academic Tradition. *Etnografia*. No. 1. Pp. 6-39. (In Russ.)

Лутовинов, В. И. (2013). Современный Российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления. [Электронный ресурс]. *Studia Humanitatis*. № 2. URL: <https://st-hum.ru/content/lutovinov-vi-sovremennyy-rossiyskiy-patriotizm-sushchnost-osobennosti-osnovnye-napravleniya> (дата обращения: 01.11.2024).

Lutovinov, V. I. (2013) Current Russian patriotism: matter, features, main directions. [Online]. *Studia Humanitatis*. No. 2. Available at: <https://st-hum.ru/content/lutovinov-vi-sovremennyy-rossiyskiy-patriotizm-sushchnost-osobennosti-osnovnye-napravleniya> (Accessed: 01 November 2024). (In Russ.)

Малинкин, А. Н. (1999). Понятие патриотизма: эссе по социологии знания. *Социологический журнал*. № 1-2. С. 87-117.

Malinkin, A. N. (1999). The concept of Patriotism: An Essay in the Sociology of Knowledge. *Sociological Journal*. No. 1-2. Pp. 87-117 (In Russ.)

Науменко, Л. И. (1997). Этническая идентичность. Проблемы трансформации в постсоветский период. *Этническая психология и общество*. Под ред. Н. М. Лебедевой. М. С. 77-88.

Naumenko, L. I. (1997). Ethnic identity. Problems of transformation in the post-Soviet period. In Lebedeva, N. M. (ed.). *Ethnic psychology and society*. М. Pp. 77-88. (In Russ.)

Осипова, О. В. (2014). Аккультурационные стратегии молодежи Арктики. *Северо-восточный гуманитарный вестник*. № 2 (9). С. 54-59.

Osipova, O. V. (2014). Acculturation strategies for the Arctic youth. *North-Eastern Journal of Humanities*. No. 2 (9). Pp. 54-59. (In Russ.)

Репринцев, А. В. (2009). Патриотизм и гражданственность как базовые ценности Самосознания русского этноса. *Психолого-педагогический поиск*. № 10. С. 6-17.

Reprintzev, A. V. (2009). Patriotism and civic consciousness as the basic values of the Russian national morale. *Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal*. No. 10. С. 6-17. (In Russ.)

Рыжова, С. В. (2020). Этническая идентичность в общественном измерении. *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 8. № 3 (31). С. 165-181. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7497

Ryzhova, S. V. (2020). Ethnic Identity in the Social Dimension. *Sociologicheskaja nauka i social'naia praktika*. Vol. 8. No. 3 (31). Pp. 165-181. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7497 (In Russ.)

Солдатова, Г. У., Рыжова, С. В. (2008). *Психодиагностика толерантности личности*. М. 172 с.

Soldatova, G. U., Ryzhova, S. V. (2008). *Psychodiagnostics Personal Tolerance*. Moscow. 172 p. (In Russ.)

Скоробогатая, А. А. (2008). *Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие в Северной Башкирии*. М. 190 с.

Skorobogataya, A. A. (2008). *Ethnic Identity and Intercultural Interaction in Northern Bashkiriya*. М. 190 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Маклашова Елена Гавриловна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, e-mail: maklashova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5080-6473>

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 18.11.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Maklashova Elena – Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk, e-mail: maklashova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5080-6473>

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 18.11.2024

Accepted for publication: 02.12.2024

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 37.01

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Т. К. Скрипкина

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
Skripkina-BSC11@yandex.ru

Аннотация. В статье поставлена проблема возможного противоречия между перспективными направлениями применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе, изложенными в исследовательской литературе, и конкретными практиками взаимодействия с ИИ-инструментами в повседневной реальности студентов российских вузов. Представлен обзор исследовательской литературы, где отражена позиция российских ученых относительно наиболее перспективных направлений применения ИИ-технологий в образовательном процессе высшей школы, а также относительно связанных с данными процессами барьеров и рисков. Приведены данные интервью с российскими студентами, в которых показано, что хотя студенты в целом высоко оценивают перспективы применения ИИ-технологий в образовательном процессе, на практике наблюдаются некоторые расхождения между потенциалом данного вектора модернизации, описанным в научной литературе, и повседневными образовательными практиками российских студентов. Сделаны выводы о том, что на настоящий момент остается пространство для совершенствования модернизационных процессов в системе высшего образования посредством технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: образование, искусственный интеллект, высшее образование, образовательные технологии, модернизация образования.

Для цитирования: Скрипкина, Т. К. (2024). Искусственный интеллект в повседневных образовательных практиках российских студентов. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 112-124. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.112-124

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DAILY EDUCATIONAL PRACTICES OF RUSSIAN STUDENTS

T. K. Skripkina

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
Skripkina-BSC11@yandex.ru

Abstract. The article raises the problem of a possible contradiction between promising areas of application of artificial intelligence technologies in the educational process, presented in the research literature, and specific practices of interaction with AI tools in the everyday reality of students of Russian universities. A review of the research literature is presented, which reflects the position of Russian scientists regarding the most promising areas of application of AI technologies in the educational process of higher education, as well as regarding the barriers and risks associated with these processes. The data of interviews with Russian students are presented, which show that, although students generally highly appreciate the prospects for using AI technologies in the educational process, in practice there are some discrepancies between the potential of this vector of modernization, described in the scientific

literature, and the everyday educational practices of Russian students. Conclusions are made that at the moment there remains room for improving modernization processes in the system of higher education through artificial intelligence technologies.

Keywords: education, artificial intelligence, higher education, educational technologies, modernization of education.

For citation: Skripkina, T. K. (2024). Artificial Intelligence in Daily Educational Practices of Russian Students. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 112-124. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.112-124

Одна из важных задач образования как социального института, нацеленного в том числе на формирование облика будущего той социальной системы, в рамках которой он функционирует, – это своевременное реагирование на общие тренды развития различных социальных структур. В настоящее время, когда технологии искусственного интеллекта становятся не просто новым этапом цифровизации отдельных сфер жизни российского общества, но и отчасти «активными посредниками и участниками социальных взаимодействий» [Резаев, Трегубова, 2024, с. 21], развитие модернизационных процессов в образовательной среде (в частности, в системе высшего образования) представляется проблематичным без учета данного направления современных технологий. Эта необходимость продиктована не просто стремлением учитывать актуальные направления модернизации российского общества, но также социальным запросом на подготовку будущих специалистов, не только освоивших непосредственные навыки взаимодействия с ИИ-технологиями, но и адаптированных к жизни в условиях, где искусственный интеллект становится привычным элементом повседневных практик.

В качестве одного из способов ответа на данный социальный запрос сегодня предлагается использование непосредственно в рамках образовательного процесса технологий так называемого слабого искусственного интеллекта, т.е. относительно автономных самообучающихся алгоритмов, разработанных для решения некоторых конкретных узких задач [Городнова, 2022, с. 126]. Авторы таких разработок предполагают, что это будет способствовать адаптации студентов к взаимодействию с технологиями искусственного интеллекта, сделает образовательный процесс более гибким и содержательным, а также повысит интерес студентов к занятиям [Платов, Гаврилина, 2024, с. 34]. Также исследователи обращают внимание на то, что широкое распространение ИИ-технологий в различных сферах жизни общества делает их применение в образовании необходимым: «Мы убеждены, что широкое распространение технологий искусственного интеллекта неизбежно, и запреты здесь не только не способны что-то изменить, но, возможно, вредны» [Ивахненко, Никольский, 2023, с. 20].

Однако, ученые и педагоги также высказывают опасения, касающиеся того, что внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс может повлечь за собой определенные риски, связанные с ухудшением качества образования [Мантуленко, Мантуленко, 2024, с. 227], а также того, что на сегодняшний день на практике потенциал использования ИИ-технологий в образовательном процессе остается реализованным в недостаточной мере [Зажигалкин и др., 2024, с. 8]. В частности, ставится вопрос о расхождении между гипотетическими перспективами применения технологий

искусственного интеллекта в рамках модернизационных процессов, с одной стороны, и конкретными повседневными практиками взаимодействия российских студентов с ИИ-технологиями, с другой стороны. Таким образом, проблему данного исследования составляет возможное противоречие между заявленным в исследовательских работах потенциалом применения инструментов искусственного интеллекта в образовательном процессе и фактическими реалиями их использования российскими студентами.

В связи с этим в рамках данной статьи была поставлена цель – оценить степень реализации потенциала применения ИИ-технологий в учебном процессе высшей школы в повседневных образовательных практиках российских студентов. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: во-первых, определить ключевые перспективные направления применения технологий искусственного интеллекта в системе российского высшего образования и наиболее значимые барьеры, препятствующие развитию данного вектора его модернизации с точки зрения российских исследователей; во-вторых, выявить фактические реалии применения ИИ-инструментов в повседневных образовательных практиках российских студентов; и, в-третьих, на основании результатов проведенного анализа оценить реализацию потенциала применения технологий слабого искусственного интеллекта в качестве одного из возможных инструментов модернизации российского высшего образования.

Оценка применимости ИИ-технологий в образовательном процессе российскими исследователями

В исследовательской литературе последних лет проблема применения ИИ-технологий в образовательном процессе представлена достаточно широко. Ученые исследуют как теоретические основания применения искусственного интеллекта в системе высшего образования [Резаев, Трегубова, 2023, с. 21], так и конкретные технологии, уже используемые на практике в отдельных учебных заведениях [Терехова и др., 2024, с. 7]. В фокусе внимания авторов научных работ находятся потенциал использования ИИ-инструментов в образовательном процессе [Лукичев, 2024, с. 444], конкретные перспективные направления данного вектора модернизационных процессов [Платов, Гаврилина, 2024, с. 29], а также сопряженные с ним риски [Соколов, Виноградский, 2022, с. 168]. Если обратиться к наиболее перспективным задачам, для решения которых могут использоваться ИИ-технологии с точки зрения российских исследователей, то можно выделить несколько ключевых тематических блоков.

Автоматизация рутинных задач. Использование инструментов искусственного интеллекта для выполнения рутинных задач – одно из направлений, которое исследователи называют чаще всего. Как правило, речь идет об автоматической обработке больших массивов данных, связанных с образовательным процессом [Другова и др., 2022, с. 113], подготовке отчетности [Миндигулова, 2022, с. 139], оформлении студенческих работ [Шершнева, 2023, с. 137], проверке некоторых типов заданий [Ажыкулов, 2024, с. 46], а также об автоматизации ряда других рутинных процессов [Пчелинцева и др., 2023, с. 122]. Упомянется, что в данном случае ИИ-технологии призваны высвободить силы и время участников образовательного процесса для выполнения более продуктивных и творческих задач [Шобонов и др., 2023, с. 289].

Развитие цифровых компетенций. Поскольку технологии искусственного интеллекта, как уже было сказано выше, становятся неотъемлемой частью многих сфер жизни современного человека, закономерно, что исследователи обращают внимание на необходимость обучать студентов взаимодействию с данными инструментами [Алейникова, 2023, с. 18]. Предполагается, что это будет способствовать адаптации молодежи к современным реалиям, а также модернизации российского общества в целом [Лукичев, 2024, с. 443].

Индивидуализация образовательных стратегий. В данном случае предлагается задействование ИИ-технологий (например, ботов-тьюторов) для анализа ситуаций принятия решений при построении образовательных стратегий [Другова и др., 2022, с. 113], выявления приоритетных зон развития студента, а также конструирования персонализированных учебных материалов и заданий [Осипова, 2024, с. 44].

Освоение «мягких навыков» (soft skills). Помимо обучения непосредственно работе с технологиями искусственного интеллекта авторы исследований также обращают внимание на потенциал ИИ-инструментов для развития навыков самоорганизации, что позволит студенту самостоятельно работать над конструированием своей образовательной стратегии (отчасти это направление пересекается с предыдущим пунктом) [Морозевич и др., 2022, с. 23], а также о развитии навыков решения комплексных проблемно-ориентированных задач при помощи средств искусственного интеллекта [Филатова и др., 2022, с. 244].

Организация «цифрового кампуса». Это направление связано не столько непосредственно с процессом обучения, сколько с организацией университетской среды [Платов, Гаврилина, 2024, с. 34]. Предполагается, что технологии искусственного интеллекта позволят оптимизировать администрирование образовательного процесса. В частности, это касается учебно-методических направлений работы, автоматизации делопроизводства в вузах и упрощения информирования участников образовательного процесса о событиях университетской жизни, а также об инициативах, проводимых на площадке учебного заведения [Беликова, 2023, с. 223].

Наряду с перспективными направлениями использования ИИ-технологий для модернизации высшего образования авторы исследований также выделяют барьеры и риски, связанные с данными процессами. Представляется значимым обратить внимание на то, что многие из указанных аспектов пересекаются с более общими проблемами модернизации и цифровизации образовательной сферы.

Цифровой разрыв. Одним из ключевых препятствий повсеместного применения технологий искусственного интеллекта в российских вузах, по мнению исследователей, является цифровой разрыв, т. е. неравный доступ к использованию цифровых технологий у студентов и преподавателей различных образовательных организаций [Миндигулова, 2022, с. 140]. В ситуации, когда некоторые вузы оказываются лишены доступа к использованию цифровых технологий, взаимодействие с инструментами искусственного интеллекта в ходе обучения закономерно оказывается затруднено.

Нехватка квалифицированных преподавателей. Для того, чтобы обучение взаимодействию с ИИ-технологиями в российских университетах было содержательным и эффективным, необходим специально подготовленный преподавательский состав. Однако, по данным исследователей, на сегодняшний день педагоги российских вузов даже в тех случаях, когда готовы обращаться к ИИ-инструментам при обучении студентов, показывают

слабую осведомленность о возможностях ИИ-технологий [Сысоев, 2023, с. 24]. Ситуация также осложняется отсутствием на законодательном уровне рекомендаций по построению содержания дисциплин, связанных с обучением взаимодействию с ИИ-инструментами для педагогических вузов [Розов, Абрамова, 2024, с. 94].

Академическое мошенничество. У исследователей вызывает настороженность и тот факт, что широко известны случаи, когда студенты пользуются инструментами искусственного интеллекта не для повышения качества своего обучения, а для выполнения заданий, предназначенных для самостоятельной работы: например, попытки выполнения письменных работ при помощи генеративных нейросетей или подготовки докладов с опорой на ответы ChatGPT, а не на академические источники [Гаркуша, Городова, 2023, с. 9]. Это, наряду с сомнительным качеством текстов, генерируемых нейросетями, может создавать риски для содержания образовательного процесса.

Психологические барьеры. Также авторы исследований отмечают, что как среди преподавателей, так и среди студентов наблюдаются низкая мотивация к использованию ИИ-технологий в образовательном процессе, вызванная тем, что ИИ-инструменты воспринимаются преимущественно в качестве дополнительных средств, способных разнообразить практики преподавания, но не в качестве ключевых инструментов образовательного процесса [Сысоев, 2023, с. 25]. Также участники образовательного процесса выражают определенные опасения, связанные с тем, что в дальнейшем искусственный интеллект может полностью или частично вытеснить из образовательного процесса преподавателей, что приведет к снижению качества образования [Платов, Гаврилина, 2024, с. 36].

Таким образом, с точки зрения исследователей, несмотря на то, что существует ряд перспективных направлений, в рамках которых ИИ-технологии способны оказать положительное влияние на развитие российского высшего образования, перечень выявленных барьеров приводит к неполной реализации потенциала данного вектора модернизации. Для того, чтобы оценить насколько полно вышеописанные перспективы реализуются в образовательных практиках, а также насколько сильно влияние указанных рисков с точки зрения студентов, в рамках данного исследования была проведена серия интервью. Их результаты приведены в следующем разделе.

Оценка применимости ИИ-технологий в образовательном процессе российскими студентами

В рамках исследования в апреле 2024 г. было проведено 20 полуформализованных интервью со студентами, обучающимися на очных и заочных отделениях различных высших учебных заведений Российской Федерации. Среди опрошенных 10 человек проходят обучение по специальностям, связанным с информационными технологиями, и 10 человек – на специальностях гуманитарного, экономического профиля, и некоторых других направлениях, не связанных с ИТ-сферой. Респондентам было предложено три блока вопросов. Первый из них касался осведомленности студентов о централизованном применении ИИ-технологий в их образовательной организации, а также отношения опрошенных к данному явлению. Второй блок вопросов был посвящен тому, каким

способом и в каких целях студенты обращаются к использованию ИИ-технологий по собственной инициативе. Третий блок вопросов касался того, как студенты оценивают перспективы применения искусственного интеллекта в образовательном процессе российской высшей школы.

В рамках первого блока вопросов все респонденты ответили, что им неизвестно, применяются ли в их образовательной организации ИИ-технологии, направленные на формирование «умного кампуса». Однако, трое опрошенных затем уточнили, что в их вузах на сайтах или на официальных страничках в социальных сетях используются чат-боты, призванные помочь студентам и абитуриентам ориентироваться в информационном пространстве образовательного учреждения: *«Недавно у нас на сайте чат-бота добавили, только я сначала не подумал, что это тоже искусственный интеллект. Иногда удобно бывает им пользоваться, хотя, по-моему, это больше для первокурсников или тех, кто еще только поступает»* (Никита Г.). Также стоит отметить, что студенты, чья специальность не связана с информационными технологиями, показали слабую осведомленность о существующих на сегодняшний день ИИ-технологиях, потенциально применимых в образовательном процессе.

Что касается применения инструментов искусственного интеллекта непосредственно в образовательном процессе, то только пятеро респондентов ответили, что обращаются к данным технологиям по заданию преподавателей. При этом трое из них проходят обучение по направлениям, связанным с информационными технологиями, и их специальность имеет прямое отношение к работе с искусственным интеллектом: *«Да, я занимаюсь машинным обучением и нейронными сетями уже почти 10 месяцев и готовлюсь к диплому по авторегрессивной нейронной сети»* (Иван К.). Одна из респонденток, обучающаяся по экономической специальности, рассказала, что некоторые преподаватели предлагают студентам дополнительные задания, связанные с применением ИИ-технологий: *«На занятиях по иностранному языку, просят сгенерировать информацию и сравнить с собственными текстами. Еще была дисциплина творческая, постоянно требовали работать с этими сервисами. По точной дисциплине разрешали вопросы задавать [в диалоге с ChatGPT], но сказали, что нейросеть нам не поможет»* (Светлана С.). При этом подобные задания были оценены респонденткой как интересные, но «бесполезные». Однако, большинство опрошенных, чья специальность не связана с информационными технологиями, отметили, что у них на занятиях подобных заданий нет.

Что касается второго блока вопросов, то 18 опрошенных ответили, что обращаются к ИИ-инструментам в процессе обучения по собственной инициативе. При этом во всех случаях речь шла либо о сервисах автоматического перевода текста, либо об инструментах для генерации текста и изображений. Чаще всего студенты объясняли свое решение обратиться к ИИ-технологиям желанием сэкономить время и силы при выполнении заданий, которые они воспринимают как «незначимые»: *«[Я обращаюсь к подобным инструментам] когда нужно написать какую-то статью или реферат, а времени или желания тратить время на них нет»* (Лина К.). Пятеро опрошенных объяснили свое обращение к нейросетевым алгоритмам желанием разнообразить и эстетизировать образовательный процесс: *«Я делаю картинки для презентаций нейросетями. Мне больше нравится то, что получается, чем иллюстрации из интернета, так интереснее и приятнее смотреться»* (Наталья Л.). Двое респондентов рассказали, что обращались к генеративным

технологиям для составления объяснительных записок и других формальных документов, причем в одном случае студент добавил, что сам остался недоволен результатом: *«В итоге оказалось проще самому подойти и объяснить ситуацию, чем переделывать текст записки»* (Никита Г.).

Большая часть опрошенных – 16 человек – сообщили, что им неизвестны случаи, когда преподаватели обнаруживали в студенческих работах академическое мошенничество при помощи нейросетевых технологий. Одна респондентка сказала, что среди ее знакомых такие случаи были, но это не повлекло негативных последствий: *«У нас преподаватели нейтрально к этому относятся. Если ответы правильные, то осуждения с их стороны нет»* (Светлана К.). Трое опрошенных рассказали, что помнят один или два таких случая, и в этом случае задание потребовали переделать: *«Как-то раз было, что половина группы нагенерировала задание. Тогда всех заставили переделывать, с тех пор стараемся не рисковать. По крайней мере, чтобы не слишком явно»* (Семен В.).

В рамках третьего блока вопросов 17 из 20 респондентов охарактеризовали применение технологий ИИ в образовании как перспективное: *«Нейросети сейчас везде. Понятно, что нам нужно уметь с ними работать, нам жить с этим»* (Андрей Р.). Одна респондентка добавила, что обучение работе с нейросетевыми технологиями должно проходить не только на уровне высшего, но и среднего образования: *«На мой взгляд, было бы полезно учить детей промпт-инжинирингу на информатике в школах»* (Дарья Ф.). Один респондент уточнил, что считает внедрение ИИ в образовательный процесс хотя и не слишком полезным, но способствующим мотивации к обучению: *«По специальностям, не связанным с IT – сомневаюсь [что это может быть полезно]. Но вообще было бы интересно, я бы с радостью [выполнил такое задание]»* (Михаил В.). Двое опрошенных ответили, что за пределами специальностей, связанных с работой с ИИ, использование ИИ-технологий не представляется перспективным: *«Я плохо понимаю, кому это может быть полезно, кроме программистов. Но, может, это я как биолог рассуждаю»* (Алина В.). При этом основное направление применения ИИ-технологий в образовании, которое студенты называли в качестве перспективного, – это именно непосредственное обучение работе с нейросетями и другими инструментами искусственного интеллекта: т. е. можно предполагать, что со стороны студентов основной запрос касается возможностей развития цифровых компетенций в рамках университетской программы.

Что касается возможностей широкого использования ИИ-инструментов в образовательном процессе российских вузов, то восемь опрошенных предположили, что в ближайшем будущем повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс не представляется возможным, в том числе по причинам цифрового разрыва: *«Это, конечно, было бы здорово, но я плохо себе представляю, как, например, в нашем вузе можно такое реализовать. У нас даже проекторы не в каждом кабинете работают, ну какой искусственный интеллект?»* (Анна П.). Также были озвучены опасения, что препятствием для данного направления модернизации может стать неготовность участников образовательного процесса: *«Пока преподавателям плевать, а студенты не хотят утруждаться, я не думаю, что что-то изменится»* (Светлана К.). Восемь человек выразили мнение, что активное использование ИИ-технологий в образовательном процессе в обозримом будущем возможно, но только в некоторых

учебных заведениях: *«Где-нибудь в Москве, наверное, это уже внедряется. Но я подозреваю, что в ближайшие годы Москвой все и ограничится. Ну может, еще где-нибудь в совсем крупных вузах что-то появится»* (Мария Л.). Четверо студентов озвучили точку зрения, что внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс произойдет в ближайшем будущем и не столкнется со значимыми препятствиями: *«Я думаю, через несколько лет эти технологии уже везде внедряют. Ну, лет пять-семь, может быть. Просто потому, что это полезно и это будущее. В конце концов, насчет компьютеров тоже когда-то сомневались, а теперь студенты спокойно ходят на пары с ноутбуками. И это только ускоряться будет»* (Иван К.).

Таким образом, по результатам проведенных интервью можно отметить, что респонденты оценивают использование технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе как перспективное направление модернизации образования, но обращают внимание на затруднения, связанные с недостаточной материально-технической базой в некоторых университетах, а также нехваткой квалифицированных педагогов. Кроме того, полученные данные показали, что на сегодняшний день студенты слабо осведомлены об уже существующих возможностях использования ИИ-инструментов для оптимизации образовательного процесса и в большинстве случаев (за исключением студентов ИТ-специальностей) обращаются преимущественно к нейросетевым технологиям для того, чтобы избежать выполнения заданий, которые воспринимают как «бесполезные» или «неинтересные».

Заключение

На основании задач, поставленных в начале данной статьи, можно сделать следующие выводы. Обзор исследований показал, что наиболее перспективные направления модернизации образовательного процесса высшей школы средствами ИИ-технологий с точки зрения российских ученых – это автоматизация рутинных процессов в рамках различных практик обучения, индивидуализация образовательных стратегий, развитие цифровых компетенций и «мягких навыков», а также использование инструментов искусственного интеллекта для организации управления образовательными процессами. Среди ключевых барьеров, препятствующих данному вектору модернизации образования, были названы: цифровой разрыв, нехватка квалифицированных педагогических кадров, проблема академического мошенничества, а также психологические барьеры, отражающие неготовность участников образовательного процесса прибегать к ИИ-технологиям в повседневных образовательных практиках.

На основании проведенных интервью было выявлено, что хотя респонденты высоко оценивают потенциал применения инструментов искусственного интеллекта в образовательном процессе, они показывают низкую осведомленность о существующих технологиях, потенциально применимых в целях обучения, а также о конкретных инициативах, связанных с внедрением ИИ-технологий в образовательные практики тех учебных заведений, где опрошенные проходят обучение. Заслуживает внимания тот факт, что респонденты, за исключением студентов ИТ-специальностей, практически не взаимодействуют с инструментами искусственного интеллекта по заданию преподавателей. В случаях, когда студенты обращаются к ИИ-технологиям по собственной

инициативе, ключевой мотивацией, согласно полученным ответам, выступает либо стремление эстетизировать и разнообразить образовательный процесс, либо желание избежать самостоятельного выполнения заданий, которые студенты оценивают как «ненужные» или «неинтересные». Среди ключевых барьеров для внедрения ИИ-технологий в образовательный процесс респонденты называют цифровой разрыв, а также низкую мотивацию участников образовательного процесса для взаимодействия с ИИ-инструментами. В целом респонденты охарактеризовали данное направление модернизации образовательного процесса как перспективное, а ключевой запрос с их стороны касается необходимости развития у обучающихся навыков работы с инструментами искусственного интеллекта.

Таким образом, на основании полученных результатов можно заключить, что между перспективами применения ИИ-инструментов в образовательном процессе и повседневными практиками взаимодействия российских студентов с ИИ-технологиями наблюдается некоторое расхождение. Ключевыми направлениями совершенствования остаются информирование студентов о возможностях применения ИИ-технологий в образовательном процессе, нивелирование цифрового разрыва, подготовка квалифицированных педагогических кадров, а также работа с мотивацией участников образовательного процесса. Что касается потенциала применения технологий искусственного интеллекта в повседневных образовательных практиках студентов российских вузов, то поскольку в настоящий момент остается пространство для совершенствования данного вектора модернизационных процессов, его можно охарактеризовать как частично реализованный и требующий внимания и регулирования со стороны научных и педагогических сотрудников, а также организаторов образовательного процесса.

Список литературы / References

Ажыкулов, С. М. (2024). Искусственный интеллект в сфере образования. *Архонт*. № 4 (43). С. 44-48.

Azhykulov, S. M. (2024). Artificial Intelligence in Education. *Archon*. No. 4 (43). Pp. 44-48. (In Russ.)

Алейникова, Д. В. (2023). Искусственный интеллект в преподавании и учении: к вопросу о качестве образовательного продукта. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. № 4 (849). С. 16-20.

Aleinikova, D. V. (2023). Artificial Intelligence in Teaching and Learning: On the Quality of the Educational Product. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences*. No. 4 (849). Pp. 16-20. (In Russ.)

Беликова, Е. К. (2023). О философском аспекте применения ИИ-решений в сфере высшего образования. *Социология*. № 5. С. 220-226.

Belikova, E. K. (2023). On the Philosophical Aspect of Using AI solutions in Higher Education. *Sociology*. No. 5. Pp. 220-226. (In Russ.)

Гаркуша, Н. С., Городова, Ю. С. (2023). Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов. *Профессиональное образование и рынок труда*. № 11 (1 (52)). С. 6-23.

Garkusha, N. S., Gorodova, Yu. S. (2023). Pedagogical Possibilities of ChatGPT for Developing Students' Cognitive Activity. *Professional Education and Labor Market*. No. 11 (1 (52)). Pp. 6-23. (In Russ.)

Городнова, Н. В. (2022). Моделирование развития и внедрения систем «слабого» и «сильного» искусственного интеллекта: социально-экономические аспекты. *Вопросы инновационной экономики*. № 12 (1). С. 123-140.

Gorodnova, N. V. (2022). Modeling the Development and Implementation of “Weak” and “Strong” Artificial Intelligence Systems: Socio-economic Aspects. *Issues of Innovative Economics*. No. 12 (1). Pp. 123-140. (In Russ.)

Другова, Е. А., Журавлева, И. И., Захарова, У. С., Сотникова, В. Е., Яковлева, К. И. (2022). Искусственный интеллект для учебной аналитики и этапы педагогического проектирования: обзор решений. *Вопросы образования*. № 4. С. 107-153.

Drugova, E. A., Zhuravleva, I. I., Zakharova, U. S., Sotnikova, V. E., Yakovleva, K. I. (2022). Artificial Intelligence for Learning Analytics and Stages of Pedagogical Design: A Review of Solutions. *Education Issues*. No. 4. Pp. 107-153. (In Russ.)

Зажигалкин, А. В., Мансуров, Т. Т., Мерецков, О. В. (2024). Регулирование искусственного интеллекта в образовании. *Компетентность*. № 6. С. 3-10. DOI: 10.24412/1993-8780-2024-6-03-10

Zazhigalkin, A. V., Mansurov, T. T., Meretskov, O. V. (2024). Regulation of Artificial Intelligence in Education. *Competence*. No. 6. Pp. 3-10. DOI: 10.24412/1993-8780-2024-6-03-10 (In Russ.)

Ивахненко, Е. Н., Никольский, В. С. (2023). ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? *Высшее образование в России*. Т. 32. № 4. С. 9-22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22

Ivakhnenko, E. N., Nikolsky, V. S. (2023). ChatGPT in Higher Education and Science: A Threat or a Valuable Resource? *Higher Education in Russia*. Vol. 32. No. 4. Pp. 9-22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22 (In Russ.)

Лукичев, П. М. (2024). Применение технологий искусственного интеллекта в образовании как потенциал экономического развития. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*. № 34 (3). С. 442-449. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-3-442-449

Lukichyov, P. M. (2024). Application of Artificial Intelligence Technologies in Education as a Potential for Economic Development. *Bulletin of Udmurt University. Series “Economics and Law”*. No. 34 (3). Pp. 442-449. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-3-442-449 (In Russ.)

Мантуленко, В. В., Мантуленко, А. В. (2024). Искусственный интеллект в образовании: противоречия в использовании. *Концепт*. № 6. С. 221-237. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11092

Mantulenko, V. V., Mantulenko, A. V. (2024). Artificial Intelligence in Education: Contradictions in Use. *Concept*. No. 6. Pp. 221-237. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11092 (In Russ.)

Миндигулова, А. А. (2022). Возможности и ограничения инструментов искусственного интеллекта в образовании. *Современное педагогическое образование*. № (3). С. 137-141.

Mindigulova, A. A. (2022). Potential and Limitations of Artificial Intelligence Tools in Education. *Modern Pedagogical Education*. No. (3). Pp. 137-141. (In Russ.)

Морозевич, Е. С., Коротких, В. С., Кузнецова, Е. А. (2022). Разработка модели формирования индивидуальных образовательных траекторий с использованием методов машинного обучения. *Бизнес-информатика*. № 16 (2). С. 21-35.

Morozevich, E. S., Korotkikh, V. S., Kuznetsova, E. A. (2022). Development of a Model for the Formation of Individual Educational Trajectories Using Machine Learning Methods. *Business Informatics*. No. 16 (2). Pp. 21-35. (In Russ.)

Осипова, Л. В. (2024). Технологии искусственного интеллекта в системе высшего образования. *Инновационное развитие профессионального образования*. № 2 (42). С. 41-47.

Osipova, L. V. (2024). Artificial Intelligence Technologies in the Higher Education System. *Innovative Development of Professional Education*. No. 2 (42). Pp. 41-47. (In Russ.)

Платов, А. В., Гаврилина, Ю. И. (2024). Искусственный интеллект в образовании: эволюция и барьеры. *Научный результат. Педагогика и психология образования*. № 10 (1). С. 26-43. DOI: 10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-3

Platov, A. V., Gavrilina, Yu. I. (2024). Artificial Intelligence in Education: Evolution and Barriers. *Scientific Result. Pedagogy and Psychology of Education*. No. 10 (1). Pp. 26-43. DOI: 10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-3 (In Russ.)

Пчелинцева, Н. В., Картечина, Н. В., Абалуев, Р. Н. (2023). Технологии искусственного интеллекта в образовании: проблемы и перспективы развития. *Наука и образование*. № 6 (1). С. 119-127.

Pchelintseva, N. V., Kartechina, N. V., Abaluev, R. N. (2023). Artificial Intelligence Technologies in Education: Problems and Development Prospects. *Science and Education*. No. 6 (1). Pp. 119-127. (In Russ.)

Резаев, А. В., Трегубова, Н. Д. (2023). ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? *Высшее образование в России*. № 32 (6). С. 19-37.

Rezaev, A. V., Tregubova, N. D. (2023). ChatGPT and Artificial Intelligence in Universities: What Future Can We Expect? *Higher Education in Russia*. No. 32 (6). Pp. 19-37. (In Russ.)

Розов, К. В., Абрамова, М. А. (2024). Трансформация методики преподавания технологий искусственного интеллекта в условиях цифровизации российского общества. *Философия образования*. Т. 24. № 2. С. 87-102. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20240206>

Rozov, K. V., Abramova, M. A. (2024). Transformation of the Methodology of Teaching Artificial Intelligence Technologies in the Context of Digitalization of Russian Society. *Philosophy of Education*. Vol. 24. No. 2. Pp. 87-102. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20240206> (In Russ.)

Соколов, Н. В., Виноградский, В. Г. (2022). Искусственный интеллект в образовании: анализ, перспективы и риски в РФ. *Проблемы современного педагогического образования*. № 76-2. С. 166-169.

Sokolov, N. V., Vinogradsky, V. G. (2022). Artificial Intelligence in Education: Analysis, Prospects and Risks in the Russian Federation. *Problems of Modern Pedagogical Education*. No. 76-2. Pp. 166-169. (In Russ.)

Сысоев, П. В. (2023). Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности. *Высшее образование в России*. № 32 (10). С. 9-33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33

Sysoev, P. V. (2023). Artificial Intelligence in Education: Awareness, Readiness, and Practice of Using Artificial Intelligence Technologies in Professional Activities by Higher Education Teachers. *Higher Education in Russia*. No. 32 (10). Pp. 9-33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33 (In Russ.)

Терехова, Е. С., Пучкова, Н. Н., Новикова, Л. В. (2024). Анализ востребованности использования нейросетей для решения учебных задач. *Концепт*. № 8. С. 1-17. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11123

Terekhova, E. S., Puchkova, N. N., Novikova, L. V. (2024). Analysis of the demand for using neural networks to solve educational problems. *Concept*. No. 8. Pp. 1-17. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11123 (In Russ.)

Филатова, О. Н., Булаева, М. Н., Гущин, А. В. (2022). Применение нейросетей в профессиональном образовании. *Проблемы современного педагогического образования*. № 77-3. С. 243-245.

Filatova, O. N., Bulaeva, M. N., Gushchin, A. V. (2022). Application of neural networks in vocational education. *Problems of modern teacher education*. No. 77-3. Pp. 243-245. (In Russ.)

Шершнева, Т. В. (2023). Анализ возможностей и ограничений использования искусственного интеллекта в образовательном процессе технического университета. *Вестник Прикамского социального института*. № 2 (95). С. 133-139.

Shershneva, T. V. (2023). Analysis of the possibilities and limitations of using artificial intelligence in the educational process of a technical university. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. No. 2 (95). Pp. 133-139. (In Russ.)

Шобонов, Н. А., Булаева, М. Н., Зиновьева, С. А. (2023) Искусственный интеллект в образовании. *Проблемы современного педагогического образования*. № 79-4. С. 288-290.

Shobonov, N. A., Bulaeva, M. N., Zinovyeva, S. A. (2023) Artificial intelligence in education. *Problems of modern teacher education*. No. 79-4. Pp. 288-290. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Скрипкина Татьяна Константиновна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: Skripkina-BSC11@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1159-6219>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 18.11.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Skripkina Tatiana – Junior Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: Skripkina-BSC11@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1159-6219>.

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 18.11.2024

Accepted for publication: 02.12.2024

УДК 304.5

НАЦИЯ КАК ЕДИНСТВО КУЛЬТУРНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
gsolodova@gmail.com

Аннотация. На основе работ ведущих специалистов в этнической проблематике (Ф. Барт, Р. Брубейкер, Э. Балибар и др.) показано, что установить корни и генезис такого феномена как нация не всегда простая задача. Тезис о линейной судьбе наций и исторически последовательной трансформации этнических форм в нации представляется не вполне обоснованным. Терминологическая однозначность самого понятия нации выглядит иллюзорной. Не отрицая культурное разнообразие и связность нации с социокультурными особенностями исторического опыта народов, показано, что данная категория в значительной степени продукт государственной идеологии. Представлено, что культура является не первичным маркером, а скорее следствием или результатом этнической групповой организации.

Ключевые слова: предыстория нации, государственное строительство, политизация культурной идентичности, государственно-фреймированная и контргосударственная нация.

Для цитирования: Солодова, Г. С. (2024). Нация как единство культурных и политических характеристик. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 125-132. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.125-132

NATION AS A UNITY OF CULTURAL AND POLITICAL CHARACTERISTICS

G. S. Solodova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
gsolodova@gmail.com

Abstract. Based on the works of leading experts in ethnic issues (F. Bart, R. Brubaker, E. Balibar, etc.), it is shown that establishing the roots and genesis of such a phenomenon as a nation is not always an easy task. The thesis about the linear fate of nations and the historically consistent transformation of ethnic forms into nations seems to be not entirely substantiated. The terminological unambiguity of the very concept of a nation seems illusory. Without denying the cultural diversity and coherence of the concept of a nation with the socio-cultural features of the historical experience of peoples, it is shown that this category is largely a product of state ideology. It is shown that culture is not a primary marker, but rather a consequence or result of ethnic group organization.

Keywords: prehistory of the nation, state building and politicization of cultural identity, state-framed and counter-state nation.

For citation: Solodova, G. S. (2024). Nation as a Unity of Cultural and Political Characteristics. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 125-132. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.125-132

Начиная с середины XX столетия мир стал свидетелем активизации этнических процессов. С точки зрения марксизма и функционализма, всплеск этничности представляется парадоксальным. Предполагалось, что по мере слияния национальных

рынков и интернационализации рабочего класса будет происходить падение роли этнического фактора, все большую роль станут играть классовые и статусные характеристики и связи. Однако практика показала, что они не всегда сильнее этнических привязанностей.

1. Среди очевидных причин активизации этнических процессов – политическая деколонизация стран Азии и Африки, превращение их в независимые государства. Вместе с тем, границы новых государств зачастую не отражали реальные территории проживания народов и племен, т. е. изначально оказались неоднозначными и не вполне легитимными с точки зрения местного населения. В свою очередь, это породило межэтническую конкуренцию и стало предпосылкой потенциальных меж- и внутригосударственных конфликтов этнического характера.

2. Вторая, совсем не латентная причина, – территориальная мобильность, в значительной степени связанная с глобализацией. Говоря словами Самюэля Хантингтона, – «столкновение цивилизаций», когда основные линии конфликтов будут проходить не между королями, государствами и идеологиями, а на основе цивилизационных различий [Хантингтон, 2022]. К слову заметим, что это понятие, наиболее вмещающее, и включает и этнические, и национальные категории.

3. Наконец, если обратиться к недавней отечественной ситуации, то это распад многонародного Советского Союза. Российское государство во всех его формах было многокультурным, полиэтничным.

Появление новых государств, образовавшихся тридцать лет назад, активировало этническое самосознание. Нации в их этническом и гражданско-политическом смысле получили новый импульс и новое развитие. Была поставлена задача «политизации этничности и этнизации политики». Зачастую это напоминало слова известного государственного деятеля и участника борьбы за объединение Италии Массимо д'Адзельо: «Мы создали Италию, теперь осталось создать итальянцев». Однако введение обязательных государственных атрибутов – флага, герба, гимна и даже международное признание – еще не гарантирует внутренней солидарности общества и единой гражданской идентичности. Это только предпосылки и инструменты. В подобных, как и в любых иных ситуациях кардинальных перемен, общественных духовно-идеологических сломов происходит активизация институтов формирования / конструирования / реформатирования общественного сознания. В значительной степени это обусловлено выраженной потребностью в сплоченности и солидаризации. В случае образования новых суверенных государств зачастую это обращение к этнической тематике как историческому основанию легитимности и закономерности новой государственной политики. Как пишет Балибар, мы без труда видим, как миф об истоках нации и национальной преемственности «находит себе место в современной истории “молодых” наций». Однако это не является исключительно современным атрибутом. В течение предшествующих трехсот лет он выстраивал теперь уже привычные и вроде всегда существовавшие «старые» европейские нации. В любом случае миф об истоках нации и национальной преемственности, «нисходя от настоящего к прошлому», является «действенной идеологической формой, в которой каждодневно строится воображаемая исключительность национальных образований». В общественное сознание инкорпорируется «тот факт, что национальная формация

появилась в результате длительной предыстории». Нюанс заключается в том, что последняя «существенно отличается от националистского мифа о линейной судьбе нации. Прежде всего, предыстория нации состоит из множественно качественно несовместимых событий, отстоящих друг от друга во времени, ни одно из которых не является следствием другого. И затем эти события по природе своей не принадлежат к истории *одной* определенной нации» [Балибар, 2003, с. 102-124].

Способы осмысления истории культурной неоднородности, как и само культурное многообразие, оказываются различными. Настоящее перекраивает, заново интерпретирует, а иногда и уничтожает прошлое. С учетом того, что, как пишет И. Валлерстайн, прошлое является «основной причиной появления и сохранения групповой солидарности, ее легитимации или вызова ей» [Валлерстайн, 2003, с. 93-94], контроль над прошлым является ключевым ресурсом. Он позволяет создавать новые репрезентации истории, в том числе народа, нации.

И здесь на помощь приходит идеология государственного строительства и политизации культурной идентичности. Э. Геллнер отмечает: «... национализм проявляется только в среде, где государство уже воспринимается как нечто само собой разумеющееся» [Геллнер, 1991, с. 30]. При этом заметим, что культурное разнообразие, как потенциальная основа для нациеобразования, – исторический феномен, не требующий доказательств. Он является сквозным и характеризуется продолжительностью своего существования. Однако для трансформации культурной категории (этничности) в социально-политическую (государство) необходима совокупность дополнительных факторов и обстоятельств.

Ответом научного сообщества на изменившуюся реальность стал экспоненциальный рост исследовательского интереса к изучению этничности, зафиксированный в тысячах отечественных и зарубежных публикаций. Вновь в сфере научных интересов оказался понятийный аппарат – различные формы проявления этничности, этнической идентичности и их соотношение, которые, по словам Брубейкера, отличаются «глубокой амбивалентностью и хронической двусмысленностью» [Брубейкер, 2012, с. 239].

Проводя некую рецепцию семантического наполнения понятия «этнос», напомним, что это и «негреческое племя», и язычники, и просто люди, народ. Похожая ситуация и с другим базовым понятием – «нация», имеющим разные коннотации. В зависимости от исторического и пространственного контекста это: сообщества на окраинах Римской империи и в некотором смысле неудачники; студенческие корпорации, землячества в Средневековой Европе; представительства духовенства, знати городов в региональных парламентах; третье сословие во времена Французской революции и др. [Миллер, 2007, с. 6-20]. Исходя из этого, по словам Этьена Балибара, приписывание понятию нации сюжетной связности «является ретроспективной иллюзией» [Балибар, 2003, с. 102-124].

Появление наций принято соотносить с событиями Французской революции и распространением капитализма как новой системы общественно-экономических отношений. На протяжении мировой докапиталистической истории интегрирующими факторами были религиозные и политические структуры – принадлежность к королю, сюзерену; множество общинных, поселенческих и семейно-родственных связей. Развитие капитализма связано с развитием рынка труда, ростом территориальной мобильности,

что уменьшает зависимость от традиционных институтов, ведет к разрыву локальных связей. Как следствие, для поддержания целостности возникает необходимость в появлении новой вмещающей идентичности и солидаризирующей идеологии. В этом случае нация – это пересечение и совпадение «пространства культурного и политического контроля». При проецировании на пространство государство и нация как политические единицы становятся синонимичными, а национальная консолидация – это консолидация на основе гражданской принадлежности, консолидация всех граждан государства.

Вместе с тем, очевидно, что исключительно гражданско-политическое или исключительно этническое, привычное для советского времени и основанное на аскриптивных признаках, понимание нации – это некие идеальные типы. Обе интерпретации могут включать и гражданско-политические, и этнические элементы. Они не являются взаимоисключающими. Как правило, современные политические нации являются полиэтническими. Существенно реже государство представляет одну этническую группу. Как отмечает Брубейкер, оба понимания нации являются одновременно включающими и исключающими. Различия не в самом факте и даже не в степени, а в основаниях и критериях инклюзивности и эксклюзивности. Гражданская нация включает всех граждан безотносительно их этнических особенностей – все граждане безотносительно их этнических особенностей становятся полноправными членами своего общества. Но само гражданство имеет не только включающий, но исключающий статус. Возможность получения гражданства везде является ограниченной. Исходно, начиная с Французской революции, нация, гражданство – инструмент социальной эксклюзии, закрытости. В Германии при Бисмарке католики и социал-демократы исключались из нации как «враги Рейха». Иными словами, принадлежность к нации, гражданство – формы неравенства и закрытости. Более того, «гражданский» способ исключения создает большее неравенство возможностей, чем исключение, основанное на этничности. Хотя последнее более заметно и чувствительно. Иными словами, гражданская нация не является более включающей, нежели этническая, базирующаяся на культурной общности и происхождении. Просто работают, применяются иные принципы включения и исключения. Еще один аспект – вхождение, принадлежность к нации не являются добровольными в абсолютном смысле. Факт рождения в той или иной стране, этнической группе позволяет утверждать, что нация в обоих смысловых наполнениях является не только выбираемой, но и данной [Брубейкер, 2012, с. 239-265].

В качестве «скромной альтернативы» принятому разделению на гражданскую и этническую формы нации Р. Брубейкер предлагает понятия государственно-фреймированной и контргосударственной нации. Он полагает, что с аналитической точки зрения они являются более определенными. Нация конгруэнтна (соответствие, согласованность) государству, его институциональному и территориальному фрейму (рамка, смысловое определение ситуации). И именно государство задает фрейм нации, т. е. точка отсчета – государство. Между государственно-фреймированной нацией и этничностью и культурой нет противоположности. Причина этого крайне проста – в Новое время культура является «полностью государственно-фреймированной».

Производится и развивается благодаря государству. Не мыслится как независимая от государства. Языковой, культурный и даже (узко) этнический аспекты нации могут быть фреймированы, опосредованы и сформированы государством [Брубейкер, 2012, с. 239-265].

Сходное видение взаимосвязи этноса и культуры высказано Ф. Бартом. В отличие от распространенного взгляда – владение общей культурой является основанием для возникновения этнической группы, – Барт считает, что «можно добиться гораздо большего, если рассматривать этот необычайно важный признак как следствие или результат, а не первичную или определяющую характеристику этнической групповой организации» [Барт, 2006, с. 12-13]. На примере пуштунских (афганских) племен / народов / локальных социальных систем Барт показывает уязвимость придания классифицирующего признака такому аспекту как владение культурой. В этом случае отнесение индивидов и локальных групп к той или иной этнической группе должно зависеть от того, в какой мере у них проявляются те или иные компоненты данной культуры. В результате, делает вывод Ф. Барт, «различия между группами сводятся к различиям между наборами компонентов; внимание уделяется анализу культур, а не этнической организации» [Там же, с. 13]. Еще один важный момент, на который обращает внимание Барт, – это связь проявлений культуры с природно-климатическими (экологическими) условиями: «Одна и та же группа людей с одинаковыми ценностями и идеями, несомненно, будет вести разный образ жизни и институционализировать разные формы поведения перед лицом разных возможностей, открывающихся в различных обстоятельствах» [Там же, с. 14]. И применительно конкретно к этничности точно так же «одна и та же этническая группа, занимающая территорию с варьирующимися экологическими условиями, будет проявлять региональное многообразие институционализованного внешнего поведения, не отражающее различий в культурной ориентации» [Там же]. Иначе говоря, культурные элементы, культура как признак не могут быть полноценными и репрезентирующими этническую группу критериями.

Резюмируя понятия государственно-фреймированной нации Брубейкера и этнической группы Барта, отметим, что в первом случае культура, исходящая от государства, служит инструментом формирования нации. Во втором – культура может варьироваться и не совпадать с границами этнической группы, «поэтому, прослеживая историю этнической группы во времени, невозможно одновременно, в том же самом смысле, проследить историю ее “культуры”» [Брубейкер, 2012, с. 239-265].

Вариант контргосударственного понимания нации, предложенный Брубейкером, предполагает, что нация отличается от территориального и национально-государственного фрейма и часто противопоставляется ему. При этом она не обязательно является специфически этнической. Ее семантическое наполнение может основываться как на территории, так и на ее исторических привилегиях или на наличии отдельной политической истории раннего вхождения в более крупное государство. В целом отметим, что, несмотря на дополнительные критерии, «нормативная амбивалентность» и «эмпирическая неясность» двух интерпретаций понятия нации сохранились, что признает и сам Брубейкер.

В России понятие нации появилось в первой четверти XVIII в. почти одновременно с образованием Российской империи (1721 г.). Оно совпадало с понятием империи, народа и означало государственную принадлежность, суверенную политику и население, ей принадлежащее. Показательна позиция известного публициста, издателя и основоположника русской политической журналистики М. Н. Каткова, который полагал, что «прилагать принцип национальности там, где он ведет к разъединению, было бы противно закону исторического прогресса, но его должно прилагать везде, где он может скреплять политическое единство. Нации – не все равно, что племя и даже не все равно, что народ. Нация есть понятие политическое. Только история, только продолжительная политическая жизнь способна вырабатывать нации. И чем политическая жизнь богаче, тем крепче бывает национальное единство. Но, с другой стороны, никакой политической успех невозможен, если внутренняя политика государства не имеет национального характера. Космополитических государств на свете быть не может» [цит. по: Миллер, 2012]. Нация как единство культурных и политических характеристик.

Исходя из этого, как пишет Майкл Китинг, «всякий может присоединиться к нации безотносительно к своему рождению или этническим истокам, хотя затраты на адаптацию варьируются ... Национальность основывается на территориально определенной общности, а не на социальной границе между группами в пределах некой территории» [Брубейкер, 2012, с. 239-265].

Выводы

Не претендуя на полную репрезентативность, очень кратко резюмируем взгляды ведущих исследователей феномена нации, приводимые в статье: нации имеют политическое происхождение. Этнические группы трансформируются в нации не только и не столько в силу исторического развития, но в большей степени в результате политической консолидации. Будучи продуктами государства, они поддерживаются и воспроизводятся идеологией политизированной культурной идентичности – культурной и политической социализацией, медиа, семьей и системой образования.

Отходя от идей чистого конструктивизма об исключительно социальном «конструировании и изобретении» наций, полагаем, что государственно-национальные сообщества, безусловно, вплетены в бытийно-исторический контекст. Однако возникновение наций – это результат стечения ряда обстоятельств, среди которых развитие печатного капитализма, единого государственного языка. Только в последующем, появившись на базе этнических, национальные сообщества приобретают природу объективности и объективности, реальности как социального феномена.

Иными словами, «человечество не является неизменной конструкцией, а представляет из себя нечто, постоянно меняющее свои границы в зависимости от конкретной ситуации. Быть может, народ не должен сохранять постоянства формы? ... Перед нами действительно нечто весьма любопытное, нечто, чьими главными чертами являются реальность непостоянства и отвержение этой реальности» [Валлерстайн, 2003, с. 92].

Список литературы / References

- Балибар, Э. (2003). Нация как форма: история и идеология. *Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М.
- Balibar, E. (2003). Nation as Form: History and Ideology. In *Balibar, E., Wallerstein, I. Race, Nation, Class. Ambiguous Identities*. Moscow. (In Russ.)
- Барт, Ф. (2006). Этнические группы и социальные границы. *Социальная организация культурных различий*. Сборник статей. Под ред. Ф. Барта. М.
- Bart, F. (2006). Ethnic Groups and Social Boundaries. In *Barth, F. (ed.). The Social Organization of Cultural Differences*. Moscow. (In Russ.)
- Брубейкер, Р. (2012). *Этничность без групп*. М.
- Brubaker, R. (2012). *Ethnicity Without Groups*. Moscow. (In Russ.)
- Валлерстайн, И. (2003). Конструкция народа. Расизм, национализм, этническая принадлежность. *Балибар Э., Валлерстайн, И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М.
- Wallerstein, I. (2003). The Construction of the People. In *Balibar, E., Wallerstein, I. Race, Nation, Class. Ambiguous Identities*. Moscow. (In Russ.)
- Геллнер, Э. (1991). *Нация и национализм*. М.
- Gellner, E. (1991). *Nation and Nationalism*. Moscow. (In Russ.)
- Миллер, А. (2007). Нация как рамка политической жизни. *Pro et Contra*. №3 (37). Май-июнь. С. 6-20.
- Miller, A. (2007). The Nation as a Framework for Political Life. *Pro et Contra*. No. 3 (37). May-June. Pp. 6-20. (In Russ.)
- Миллер, А. (2012). История понятия «нация» в России. [Электронный ресурс]. *Отечественные записки*. № 1 (46). URL: <https://strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (дата обращения: 12.08.2024).
- Miller, A. (2012). History of the Concept of “Nation” in Russia. [Online]. *Otechestvennye zapiski*. No. 1 (46). Available at: <https://strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (Accessed: 12 August 2024). (In Russ.)
- Хантингтон, С. (2022). *Столкновение цивилизаций*. М.
- Huntington, S. (2022). *Clash of Civilizations*. Moscow. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: gsolodova@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 20.11.2024

Принята к публикации: 04.12.2024

Solodova Galina – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: gsolodova@gmail.com

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 20.11.2024

Accepted for publication: 04.12.2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 304.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОТРЕБНОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В. В. Петров

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
vvpetrov@mail.nsu.ru

Аннотация. Будущее российской науки во многом определяется взаимодействием научных сообществ. Обмен опытом, ознакомление с полученными результатами и их коллективное обсуждение создают благоприятную возможность для разработки междисциплинарных проектов, позволяют выявить тенденции и перспективные направления развития академической науки, в том числе актуальные для развития российского общества в целом.

В настоящей статье сделан краткий обзор основных научных направлений, обсуждавшихся на XLV Международной годичной научной конференции «Вклад Академии наук в развитие Государства Российского (к 300-летию Российской академии наук) и XXXVIII сессии Международной школы социологии науки и техники им. С. А. Кугеля «Инженерная профессия в XXI веке (к 100-летию со дня рождения С. А. Кугеля)», состоявшихся в период 27 октября – 01 ноября 2024 г. в Санкт-Петербургском отделении Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук.

Ключевые слова: гуманитарные и социальные науки, научная коммуникация, технологический суверенитет.

Для цитирования: Петров, В. В. (2024). Социокультурные исследования в контексте потребности обеспечения технологического суверенитета. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 133-140. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.133-140

SOCIOCULTURAL RESEARCH IN THE NEEDS OF ENSURING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY CONTEXT

V. V. Petrov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
vvpetrov@mail.nsu.ru

Abstract. The future of Russian science is largely determined by the interaction of scientific communities. Exchange of experience, mutual familiarization with the obtained results and their collective discussion creates a favorable opportunity for the development of interdisciplinary projects, allows identifying tendencies and promising trends in academic science and predicting the development trajectories of Russian society as a whole.

The paper provides a brief overview of the main scientific areas discussed at the XLV International Annual Scientific Conference «The Academy of Sciences Contribution to the Russian State Development (on the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences)» and the XXXVIII session of the S. A. Kugel International School

of Sociology of Science and Technology «Engineering Profession in the 21st Century (on the 100th Anniversary of S. A. Kugel's Birth)», which took place from October 27 to November 1, 2024, in the St. Petersburg branch of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: humanities and social sciences, scientific communication, technological sovereignty.

For citation: Petrov, V. V. (2024). Sociocultural Research in the Needs of Ensuring Technological Sovereignty Context. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 133-140. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.133-140

В 2024 г. исполняется 300 лет Российской академии наук – крупнейшему в стране центру фундаментальных исследований. Будучи созданной по распоряжению императора Петра I Указом правительствующего Сената от 28 января (8 февраля) 1724 г. «Об учреждении Академии ...»¹ она фактически представляла собой аналог европейских академий (примечательно, что сам термин «академия» использован в честь греческой античной философской школы).

Нынешняя Российская академия наук является восстановлением Российской академии наук, существовавшей в период с 1917 по 1925 гг., которая, в свою очередь, была наследницей Петербургской академии наук, и в 1925 г. преобразованной в АН СССР. В соответствии с Уставом² основной целью деятельности Российской академии наук декларируется организация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований по проблемам естественных, технических, гуманитарных и общественных наук, направленных на получение новых знаний о законах развития природы, общества, человека и способствующих технологическому, экономическому, социальному и культурному развитию России. Кроме этого, Академия принимает непосредственное участие в педагогической и просветительской деятельности, осуществляемой в самых разнообразных формах: от активного содействия созданию системы университетов и вузов, преподавательской работе сотрудников академических институтов в университетах, курированию школьного образования, созданию сети специализированных школ физико-математического и химико-биологического профиля, изданию научно-популярной литературы и проведению публичных лекций до подготовки научных кадров в аспирантуре и докторантуре.

Серьезное, углубленное изучение истории российской академической науки является важным и актуальным, поскольку, с одной стороны, за три прошедших столетия Академия, являясь признанным центром отечественной науки и занимая достойное место в культурной жизни страны, внесла весомый вклад в развитие экономики, культуры, образования и просвещения в России, а с другой – выявление тенденций и перспективных трендов академической науки может позволить спрогнозировать траектории развития российского общества в целом.

¹ Приказ № 4443. Об учреждении Академии. (1830). [Электронный ресурс]. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года*. СПб. Т. VII: 1723-1727. С. 220-224. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 01.11.2024).

² Устав Российской академии наук и другие нормативные документы [Электронный ресурс]. *Российская академия наук*. URL: <https://www.ras.ru/about/rascharter.aspx> (дата обращения 01.11.2024).

28 октября – 1 ноября 2024 г. в Санкт-Петербургском отделении Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук состоялась XLV Международная годовичная научная конференция «Вклад Академии наук в развитие Государства Российского (к 300-летию Российской академии наук)».

Организаторами конференции в 2024 г. выступили Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук, Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Санкт-Петербургское отделение Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук. Конференция прошла в традиционном академическом формате, включающем в себя проведение пленарного заседания, работу 17 секций и круглых столов и подведение итогов.

Предметом внимания и обсуждения в юбилейном году стал круг вопросов широкой научной проблематики, связанной с взаимоотношением Академии наук с государственной властью, развитием нормативно-правовой базы академической науки, деятельностью академических учреждений, организаций и структур, а также ее вкладом в развитие технического прогресса и укрепление обороноспособности страны. Отдельное внимание было уделено проблемам взаимодействия Академии наук и высшей школы, формированию научных сообществ и деятельности региональных научных центров и отделений как факторов развития науки в регионах. Определенный акцент был сделан как на изучение территории и народонаселения России, так и международных научных связях Академии.

Поскольку данная конференция в большей степени ориентирована на историю создания и развития Академии, то в работе секций и круглых столов доминировал исторический аспект, связанный с развитием конкретных предметных направлений: биологии, математики и механики, астрономии, физики, географии, геологии, информатики, электроники, военной науки, авиации и космонавтики, инженерной деятельности, медицины, экологической истории и ряда других.

Такая организация работы Конференции позволила сфокусировать внимание на основаниях и достижениях российской науки, ставших знаковыми для трансформации российского общества в каждый конкретный исторический период. Необходимо отметить, что социальным вопросам, неразрывно связанным с организацией научных исследований, было традиционно посвящено отдельное внимание. В рамках секции «Социологические проблемы науки» был представлен исследовательский проект «Социальный портрет и профессиональные траектории молодых инженеров России в контексте задач технологического суверенитета» (Н. А. Ащеулова, А. А. Федорова), цель которого – изучение ценностных мотиваций, карьерных траекторий и вовлеченности молодых специалистов в высокотехнологичные проекты, критически важные для национального суверенитета. При реализации проекта на основе эмпирических данных и анализа исторического опыта предполагается разработка рекомендаций по формированию благоприятной социально-профессиональной среды для молодых кадров, что, в свою очередь, позволит выработать

комплекс мер по поддержке и закреплению молодых инженеров в высокотехнологичном секторе. Обращаясь к региональному опыту развития академической науки на Дальнем Востоке советского периода, Е. В. Васильевой было отмечено, что усложнение организационного компонента науки как социального института, протекавшее с начала XX в., и полное огосударствление этого процесса в Советской России напрямую соотносились с государственной научной политикой: формально наука лишилась возможности выбора научных приоритетов, финансового, материального и кадрового обеспечения, но фактически этого не произошло, поскольку нормативные основания научной деятельности, представляющие, по Р. Мертону, «этос науки», утрачены не были, сохранилось личностное участие ученых в реализации научной политики как ее неструктурный элемент; т. е. межличностное взаимодействие являлось одним из немаловажных факторов развития научной деятельности в условиях реструктуризации и реформирования, что является крайне актуальным и на современном этапе социокультурного развития российского общества. Отмечая смену вектора глобализационного развития, А. В. Темнова показала, что международное научное сотрудничество российских ученых успешно переориентируется с западных стран на партнеров из стран БРИКС, Ирана и Латинской Америки. Изменившаяся политическая ситуация повлияла на степень и формы взаимодействия отечественных исследователей с международными профессиональными сообществами. В рамках представленного проекта «Участие российских ученых в международных профессиональных организациях в новых реалиях: на примере социологического сообщества» она обратилась к изучению включенности российских социологов в работу международных профессиональных сообществ в изменившихся условиях. Реализация данного проекта позволит провести качественный сравнительный анализ участия российских ученых в ключевых международных социологических конгрессах и конференциях с 2018 по 2024 гг. Для российских академических институтов и университетов полученные результаты окажутся полезными, поскольку позволят корректно планировать возможность участия в международных мероприятиях и степень интеграции в глобальные научные сети, что, в свою очередь, может способствовать повышению уровня активности российской социологии в международных профессиональных сообществах, укреплению научных связей с новыми регионами и выявлению наиболее перспективных направлений сотрудничества. Фокусируясь на вопросах воспроизводства исследовательских кадров в отечественном научно-образовательном пространстве, было отмечено, что в настоящее время разрабатываются различные механизмы привлечения молодежи и создается комфортная среда путем реализации национальных проектов, грантовых конкурсов, исследовательских инициатив и т. д. Однако существующая практика не всегда приводит к заявленной цели – повышению мотивации выпускников исследовательских университетов к занятию исследовательской деятельностью для производства фундаментального знания, о чем свидетельствуют результаты ряда социологических исследований, показывающих, что фактически в настоящих условиях складываются предпосылки формирования механизма, в рамках которого в развитие научно-образовательного сектора вовлекаются выпускники, нацеленные не столько на развитие фундаментальных и прикладных исследований, сколько на решение собственных проблем путем использования сферы науки и образования в качестве вспомогательного ресурса [Наука и техника ..., 2024].

С каждым годом работы конференции все большим вниманием пользуются вопросы, затрагивающие этические аспекты развития и применения искусственного интеллекта. Так, А. В. Баева, обращаясь к плюсам и минусам субъектности искусственного интеллекта, отметила, что грамотное использование нейросетей в медицинских практиках – например, в целях выявления ковидного поражения легких – позволяет снизить дозу рентгеновского излучения для томографии, поскольку такая предварительно обученная модель нейронной сети выступает в некотором роде в качестве эксперта. Действительно, такая в большей степени «техническая» работа по сбору данных и проведению первичной диагностики, а в некоторых случаях и по представлению предварительного решения, стандартизирована и формализована, что в идеале способствует большей объективности. Безусловно, подобный подход снижает нагрузку на врача как на эксперта, который может сосредоточиться на изучении и интерпретации данных, их описании и формировании заключений. Но в то же время возникают естественные вопросы, прежде всего этические: насколько допустима замена врача искусственным интеллектом и с какими вызовами научному сообществу предстоит столкнуться в связи с этим уже сейчас?

Необходимо отметить, что тематика взаимодействия когнитивных технологий и исследовательских практик стала одной из доминирующих и в работе XXXVIII сессии Международной школы социологии науки и техники им. С. А. Кугеля «Инженерная профессия в XXI веке (к 100-летию со дня рождения С. А. Кугеля)», которая, тесно переплетаясь с XLV Годичной конференцией, состоялась в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук 30–31 октября 2024 г. Организаторами сессии выступили Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, 23-й Исследовательский комитет по социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации, Исследовательский комитет социологии науки и технологий Российского общества социологов и Санкт-Петербургская ассоциация социологов.

Международная школа социологии науки и техники является первой в России научно-образовательной структурой, призванной обеспечивать дополнительное образование в области социологии и философии науки, социологии техники, научно-технической политики, социологии и философии высшего образования. Будучи организованной в Санкт-Петербурге в 1992 г., она стала новой формой обучения и новым этапом в развитии социологии науки, в рамках которого были установлены постоянные контакты с ведущими зарубежными исследователями, научная общественность получила возможность широкого ознакомления с науковедческой проблематикой, а молодежь была привлечена к обсуждению социолого-науковедческих проблем.

Школа знакомит слушателей с новейшими достижениями в области социальных исследований науки и образования, а также способствует повышению квалификации специалистов, научных работников и преподавателей вузов в области социологии науки и техники, научно-технологической политики, социологии высшей школы.

В разное время активное участие в работе Школы принимали академик Е. Б. Александров, член-корр. РАН Ю. М. Батурич, академик Ю. С. Васильев, академик Н. Н. Никольский, академик С. Г. Инге-Вечтомов, член-корр. РАН И. И. Елисеева, член-корр.

РАН Ж. Т. Тощенко, проф. Я. И. Гишинский, проф. М. Г. Лазар, д.х.н. А. Н. Родный, к.псих.н. А. Г. Аллахвердян, к.филос.н. А. М. Аблажей, а также ведущие ученые академических институтов, профессора вузов из разных регионов России. На одной из сессий выступал Нобелевский лауреат Ж. И. Алферов.

В рамках XXXVIII сессии Международной школы социологии науки и техники им. С. А. Кугеля обсуждались вопросы, связанные как непосредственно с развитием инженерного образования, науки и инженерной деятельности в России в условиях смены вектора глобализационного развития, так и с различными аспектами социолого-наукоеведческих исследований.

В качестве доминирующих направлений в 2024 г. были выделены взаимосвязь и взаимодействие науки и инженерной деятельности, формирование социального портрета инженера в истории и современности, анализ научно-технической политики в России и странах постсоветского пространства, теоретические проблемы технологического суверенитета, история науки и технологий в социальном контексте и ряд других.

Отдельным блоком всесторонне обсуждались и анализировались разноаспектные вопросы, связанные с искусственным интеллектом: история технологии машинного обучения, перспективы внедрения техники в решение социальных проблем, социально-экономические последствия развития искусственного интеллекта, философские и этические аспекты его применения.

В рамках пленарного заседания были затронуты общие вопросы, связанные с эффективностью инженерных коллективов, проблемы воспроизводства научных кадров и влияние гуманитарных наук на развитие инженерного образования. Примечательно, что инженерная деятельность, развитие и становление инженерной подготовки, взаимоотношение инженерных школ с научным сообществом, государственными и общественными организациями рассматривались большинством участников преимущественно в социальном контексте.

По сравнению с предыдущими сессиями Школы можно отметить усилившееся внимание к вопросам качественной подготовки молодых исследовательских и инженерных кадров («Эффективность инженерного коллектива» (Ю. М. Батулин), «Университеты в контексте технологического суверенитета: оценка готовности к кооперации с бизнесом» (И. Г. Дежина), «Перспективы адаптации зарубежного опыта профессионального образования при подготовке инженеров ядерной отрасли в отечественной системе» (Д. В. Шолота), «Коммуникации студентов и научных руководителей как проекция трендов развития системы образования» (Е. Г. Поздеева, Е. Р. Хуторцова), «Инженерное образование в контексте проблем обеспечения технологического суверенитета: развитие в условиях мобилизации» (Т. В. Растимешина), «Первые шаги в науке: вовлеченность студентов инженерных специальностей в научно-исследовательскую деятельность» (Е. В. Строгеецкая) и др.) и возросший интерес к преимущественно этическим аспектам использования искусственного интеллекта («Российские и международные стандарты по этике искусственного интеллекта» (С. П. Прохоров), «Нейронные сети в глазах общественного мнения: страхи и возможности» (Н. А. Романович), «Путь машинного обучения: междисциплинарный анализ развития технологий» (А. А. Семенова), «Искусственный интеллект в интеграционном движении» (А. В. Голофаст), «Генеративный искусственный

интеллект на службе у ученых: практики и ограничения» (В. Ю. Боброва), «История и инфраструктура интернета как предпосылка формирования технологий машинного обучения и искусственного интеллекта» (О. А. Игнатьева), «Этика ИИ: вопросы регулирования и ответственности» (А. В. Баева) и др.)

Соответственно, в данном контексте можно утверждать, что если XLV Международная годовичная научная конференция «Вклад Академии наук в развитие Государства Российского (к 300-летию Российской академии наук) в большей степени была обращена к историческим основам развития научной деятельности в России, то XXXVIII сессия Международной школы социологии науки и техники им. С. А. Кутеля «Инженерная профессия в XXI веке (к 100-летию со дня рождения С. А. Кутеля) выявила отдельные тенденции и направления развития научной деятельности коллективов ученых в ближайшей перспективе, среди которых, во-первых, по-прежнему остается актуальной подготовка молодых исследовательских кадров, во-вторых, происходит рост социальной составляющей в инженерном и естественно-научном знании, и в-третьих, в разработке и использовании искусственного интеллекта намечается смещение вектора значимости от технической и технологической в сторону этической составляющей.

Традиционно под технологической самостоятельностью понимается способность государства обеспечить научно-технологическое и промышленное развитие для создания и поддержания на своей территории собственных технологий и инфраструктуры, достаточных для того, чтобы в критических, жизненно важных сферах гарантировать независимость от иностранных технологий. Но технологический суверенитет может рассматриваться и как категория, которая сосредоточивает отношения, во-первых, в системе национальной безопасности, во-вторых, в системе экономической безопасности, в-третьих, в системе технологической безопасности, где нормативным регулятором является Стратегия научно-технологического развития РФ, ориентированная на беспрепятственное развитие страны в техносфере как единстве науки, техники и технологий, поэтому достижение заявленной цели сопряжено с развитием совокупного социального потенциала. В свою очередь, в структуре совокупного социального потенциала кадровый потенциал выступает как ресурсное обеспечение научно-образовательной деятельности, при этом качественный «кадровый скачок» невозможен без учета этической составляющей, определяющей, в том числе государственную идентичность. Соответственно, усиление этической составляющей в сфере отечественного технологического развития является закономерным и предсказуемым процессом, но требует дальнейшего всестороннего глубокого изучения, для чего необходима широкая кооперация научно-производственных компаний, занятых в области исследований и разработок, с академическими институтами социогуманитарного профиля.

Список литературы / References

Наука и техника: вопросы истории и теории. (2024). Материалы XLV Международной годовичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Вклад Академии наук в развитие Государства Российского (к 300-летию Российской академии наук)». Вып. XL. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, Скифия-принт.

Science and Technology. Questions of History and Theory. (2024). Proceedings of the XLV International Annual Scientific Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee on the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences “The Contribution of the Academy of Sciences to the Development of the Russian State (for the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences)”. Iss. XL. St. Petersburg. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Петров Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0511-857X>.

Статья поступила в редакцию: 05.11.2024

После доработки: 25.11.2024

Принята к публикации: 04.12.2024

Petrov Vladimir – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0511-857X>.

The paper was submitted: 05.11.2024

Received after reworking: 25.11.2024

Accepted for publication: 04.12.2024

УДК 009

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ И НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО В КУМУЛЯТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИСА: К 50-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА

Ю. В. Попков, А. А. Изгарская, О. А. Персидская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
yuripopkov54@mail.ru, aizgarskaya@gmail.com, olga_alekseevna@mail.ru

Аннотация. Акцентируется неразрывная связь развития социологии в СССР и России с публикационной активностью ведущего в данной научной области журнала «Социологические исследования». Будучи важной содержательной и институциональной частью отечественной социологии, он выступает своеобразным кумулятивным пространством, интегрирующим научное сообщество и оказывающим влияние на развитие предметного поля самой этой дисциплины. Текст посвящен юбилейным мероприятиям, приуроченным к 50-летию журнала: торжественному открытию, научной конференции «Социология: вчера, сегодня, завтра (к 50-летию журнала “Социологические исследования”)» и XXVI Харчевским чтениям «Теоретическая социология: прошлое, настоящее, будущее» (21-23 октября 2024 г., Москва). Даны обзоры событий и представленных научных докладов, в том числе сделанных сотрудниками ИФПР СО РАН.

Ключевые слова: научная конференция, социологические исследования, отечественная социология, этносоциология, миросистемный анализ.

Для цитирования: Попков, Ю. В., Изгарская, А. А., Персидская, О. А. (2024). Отечественная социология и научное сообщество в кумулятивном пространстве СоцИса: к 50-летию журнала. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 141-150. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.141-150

RUSSIAN SOCIOLOGY AND SCIENTIFIC COMMUNITY IN THE CUMULATIVE SPACE OF JOURNAL “SOCIOLOGICAL STUDIES”: TO 50TH ANNIVERSARY OF THE JOURNAL

Yu. V. Popkov, A. A. Izgarskaya, O. A. Persidskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
yuripopkov54@mail.ru, aizgarskaya@gmail.com, olga_alekseevna@mail.ru

Abstract. The inseparable connection between the development of sociology in the USSR and Russia and the publication activity of the fundamental journal in this scientific field, “Sociological Studies”, is emphasized. Being an important substantive and institutional part of domestic sociology, it acts as a kind of cumulative space integrating the scientific community with the subject field of this discipline itself. The text is devoted to the anniversary events dedicated to the 50th anniversary of the scientific journal “Sociological Studies”: the grand opening, the scientific conference «Sociology: Yesterday, Today, Tomorrow (on the 50th anniversary of the journal “Sociological Studies”)» and the XXVI Kharchevsky Readings “Theoretical Sociology: Past, Present, Future” (October 21-23, 2024, Moscow). The course of events and presented scientific reports are given, including those made by the staff of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: scientific conference, sociological research, Russian sociology, ethnosociology, world-system analysis.

For citation: Popkov, Yu. V., Izgarskaya, A. A., Persidskaya, O. A. (2024). Russian Sociology and Scientific Community in the Cumulative Space of Journal "Sociological Studies": To 50th Anniversary of the Journal. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 141-150. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.141-150

В октябре 2024 г. исполнилось 50 лет журналу «Социологические исследования» – одному из ведущих отечественных журналов в области социологии. Это был первый специализированный журнал в нашей стране после возрождения социологии, и до начала 1990-х гг. он являлся единственным изданием в этой области науки. На его страницах находилось место для отражения результатов изысканий и дискуссий социологов самых разных специализаций, обсуждались важные теоретико-методологические вопросы и актуальные социальные проблемы. В честь юбилея Федеральным научно-исследовательским социологическим центром (ФНИСЦ) РАН, редакцией журнала, Научным советом отделения общественных наук РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике» и Советом молодых ученых Института социологии ФНИСЦ РАН в г. Москве был организован целый ряд научных мероприятий. Представители Института философии и права СО РАН приняли участие в этом знаковом событии для отечественной науки.

Программа мероприятий была рассчитана на три дня. 21 октября 2024 г. в здании Российской академии наук прошло торжественное собрание научной общественности, посвященное этому юбилею. С приветствиями и докладами на нем выступили научный руководитель ФНИСЦ РАН, академик М. К. Горшков, член-корреспондент РАН, директор ФНИСЦ РАН М. Ф. Черныш, главный редактор журнала Г. А. Ключарев, президент Российского общества социологов В. А. Мансуров, профессор-исследователь Уральского федерального государственного университета Г. Е. Зборовский, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета Н. Г. Скворцов, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий Луганского государственного университета им. В. Даля А. В. Яковенко, г.н.с. ФНИСЦ РАН Е. В. Семенов, член-корреспондент РАН В. Н. Иванов. Главный акцент выступающих касался фиксации важной роли журнала «Социологические исследования» в институционализации и развитии социологии в СССР и России. Ярким и содержательным был доклад председателя редакционного совета журнала, члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко, который обозначил основные этапы развития социологии в стране и дал им содержательную характеристику, обращаясь к персоналиям ученых и их научному творчеству.

22 октября состоялась научная конференция «Социология: вчера, сегодня, завтра (к 50-летию журнала «Социологические исследования»)». Конференция разместилась на площадке Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

В работе двух секций конференции приняли участие сотрудники отдела социальных и правовых исследований ИФПР СО РАН. В секции «Этносоциология: будущее в настоящем»¹ с теоретическими докладами выступили г.н.с., д-р филос. н. Ю. В. Попков и м.н.с. О. А. Персидская. Руководили работой секции д. социол. н., руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН В. И. Мукомель и н.с. этого

¹ Большинство докладов презентовали уже частично опубликованные в научных изданиях результаты исследований докладчиков, что позволило нам далее сделать ссылки на некоторые их работы.

центра М. А. Евсеева. Основное содержание выступления Ю. В. Попкова отражает его тема: «Этносоциология: будущее не только в настоящем, но и в прошлом». Он остановился на характеристике современных тенденций развития этнологических (в широком смысле) исследований, где доминируют западные стандарты как в терминологическом, так и методологическом аппарате науки, обосновав необходимость развития отечественных традиций народоведения с акцентом на актуализации и концептуализации этносоциальных процессов, которые для новосибирских исследователей и представителей некоторых других регионов России выступают главной предметной областью этносоциологии [подробнее см.: Попков, 2023; Попков, 2024]. О. А. Персидская представила результаты своих исследований в докладе «Этничность в миросистемном анализе и теории капиталов П. Бурдье», раскрыв основания теоретико-методологического синтеза миросистемного подхода и теории капиталов применительно к воспроизводству этничности. С позиции миросистемного подхода этнические сообщества представляются как объединенные общим экономическим укладом и включенные в процесс производства и распределения капитала. Теория капиталов П. Бурдье расширяет понятие капитала, позволяя рассматривать не только экономический, но также его социальные, культурные и политико-символические формы во взаимосвязи с этничностью. Предложенный в докладе синтез подчеркивает актуальность этничности за пределами ее конвенционального понимания и позволяет описать геополитические факторы механизма воспроизводства этничности в современном мире [подробнее см.: Персидская, 2024].

Несколько докладов данной секции были связаны с темой этнической идентичности. И. М. Кузнецов (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) показал вариативность ее маркеров на примере русской этнической идентичности, подчеркнув разницу конструктивистских и примордиальных черт в ее генезисе [см. также: Кузнецов, 2023]. Р. Б. Шайхисламов (Уфимский университет науки и технологий, Уфа) посвятил свое выступление возрастной периодизации этнической идентичности, сосредоточившись на стадии ее формирования в юности. Н. И. Карбаинов (СИ ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) поделился результатами полевого исследования, проведенного в семьях Республики Бурятия. Оно показало, что ряд русских сирот, усыновленных родителями-бурятами, начинают идентифицировать себя с этнической общностью бурят [см. также: Галиндабаева, Карбаинов, 2024]. Доклад А. М. Баданова (БГУ им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ) был сфокусирован на роли семьи в сохранении этнической идентичности. Он показал, как семья, представляя собой духовно-нравственную ценность, способна противостоять негативным тенденциям современности. В. М. Андреев (БГУ им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ) посвятил доклад этносоциальным факторам социального самочувствия студентов среднего профессионального образования Республики Бурятия.

Тема межэтнических отношений была рассмотрена несколькими участниками секции. Д. Д. Бадараев (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ) подошел к ней с точки зрения ситуации в трансграничном регионе – Республики Бурятия. Т. Н. Юдина и Г. И. Осадчая (обе докладчицы представляют ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) осветили положение в Москве, дав оценку межэтническим отношениям между горожанами и мигрантами из Малой Евразии [см. также: Osadchaya et al., 2024]. Н. С. Воронина (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) затронула сложную тему этноцентризма, показав его специфику, факторы и динамику развития в России.

Е. С. Митрофанова (РАНХиГС, Москва) остановилась на особенностях межрегиональной трудовой миграции молодежи в Российской Федерации с точки зрения изменения миграционных стратегий в современных условиях. А. В. Винокурова и А. Ю. Ардальянова (обе докладчицы являются сотрудницами ДВФУ, Владивосток) представили социокультурные механизмы формирования жизненных стратегий мигрантов из стран СНГ на Дальнем Востоке нашей страны [также по теме см.: Винокурова, Ардальянова, 2021]. Об установках педагогов в отношении детей-мигрантов рассказали Б. С. Искакова и Е. В. Овакимян (Центр общего и дополнительного образования им. А. А. Пинского; НИУ ВШЭ, Москва).

Социологическое прочтение темы социальной интеграции было представлено на секции в двух докладах. Ю. Г. Волков и Н. К. Бинеева (ЮРФ ФНИСЦ РАН, Ростов-на-Дону) коснулись ее на примере государственно-гражданской интеграции населения полиэтнических регионов Юга России в условиях новой территориальности. О. А. Волкова (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) раскрыла тему с точки зрения потенциала женских некоммерческих организаций России в решении задачи социальной интеграции мигранток из Кыргызстана.

Примечательно, что два доклада секции были посвящены теме кино. В. Х. Тхакахов (СПбГУ, Санкт-Петербург) говорил о перспективах и проблемах исследования этносоциологии российского кино, а Н. В. Левченко и А. В. Роговая (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) показали, как этническое кино представлено в социологических исследованиях.

Секцией *«Политическая социология: между идеологией и эпистемой»* руководили д.социол.н., проф. И. В. Образцов и д.полит.н. И. Н. Трофимова. Большинство прозвучавших докладов было посвящено проблемам политических реалий современного российского общества.

В работе секции приняли участия два представителя ИФПР СО РАН. в.н.с., д. филос. н. А. А. Изгарская в докладе *«Современная Россия в новых геополитических и миросистемных условиях»* обозначила основные элементы теоретической базы исследования динамики российского общества и провела сравнительный анализ интеграционных возможностей России на советском этапе ее существования в качестве системообразующего ядра, после распада СССР и в текущее время. М.н.с., преподаватель-исследователь Н. Е. Лукьянов (on-line) в докладе *«Терроризм как отражение глобальных изменений: возможности миросистемного подхода в изучении волновой динамики террористической активности»* рассмотрел перспективы исследования терроризма с позиции синтеза идей миросистемного подхода и концепции генезиса современного терроризма Д. Ч. Раппорта (D. C. Rapoport) [см. по теме терроризма, например: Лукьянов, Изгарская, 2024]. С докладом *«Механизм трансформации геокультуры современной миросистемы»* выступила выпускница аспирантуры ИФПР СО РАН, преподаватель СИУ РАНХиГС С. А. Хлыновская (on-line). В начале доклада она кратко раскрыла механизм расширения и сжатия миросистемы, показала связь направлений потоков капитала и социального неравенства в неядерных обществах [см.: Хлыновская, Изгарская, 2024], затем описала геокультуру как механизм воспроизводства и закрепления социального неравенства, далее на основе работ Ричарда Е. Лии (Richard E. Lee) показала изменение содержания геокультуры в условиях информационного общества.

В отличие от исследований представителей ИФПР СО РАН, имевших ярко выраженный теоретический характер, большинство представленных на секции докладов было построено с опорой на эмпирическую базу и содержали результаты коллективных «полевых» работ, получивших существенную финансовую поддержку.

Обращает на себя внимание то, что многие доклады содержали в себе глубокий критический анализ российской действительности. В докладе «Стратегическая политика России в контексте развития трудового потенциала» к.истор.н., доцент Л. В. Макушина и д.полит.н. В. В. Люблинский (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) указали, что несмотря на предпринимаемые государством усилия, в социально-трудовой сфере возрастают негативные тенденции. Среди существующих в российском обществе проблем докладчики выделили такие, как возрастание дефицита трудовых ресурсов, обострение проблем их качества, отсутствие сбалансированности в отраслевом и региональном распределении, формирование кадрового дисбаланса на уровне компаний и предприятий [см.: Люблинский, Макушина, 2024]. Глубокий анализ проблем в выстраивании диалога между российским государством и гражданским обществом прозвучал в докладе д.полит.н., проф. О. М. Михайленка и д.полит.н. А. В. Митрофановой (ИС ФНИСЦ РАН, Москва). В докладе «Государство и общество в России – от монолога к диалогу» они убедительно показали, что сформировавшаяся у российского государства монологовая позиция «сверху вниз» и политика консерватизма затрудняют формирование гражданских институтов, не способствуют адаптации современного российского общества к существующим реалиям и делают его уязвимым.

Среди докладов были представлены исследования, посвященные проблемам российского общества в условиях специальной военной операции (СВО). Д.филос.н., проф. А. Л. Андреев, И. А. Андреев и к.социол.н. Е. Д. Слободенюк (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) подготовили доклад «Российское общество в контексте СВО: линии размежевания и точки консолидации», в котором на основе проведенных в 2021–2023 гг. всероссийских социологических опросов раскрыли отношение российского общества к СВО. Результаты их эмпирических исследований показали, что доля респондентов, считающих, что Россия представляет собой особую цивилизацию и не должна жить по установленным Западом правилам, увеличивается, что, по мнению авторов доклада, позволит избежать раскола в российском обществе [см.: Андреев и др., 2024]. Проблемам российского общества в ситуации СВО был посвящен доклад «Адаптация гендерных контрактов семей мобилизованных на фоне милитаризации» молодого исследователя Д. А. Осокиной (НИУ ВШЭ, Москва). На основе проведенных опросов жен мобилизованных она описала их социально-экономические тяготы, показала различия в способности женщин адаптироваться к возросшим в связи с СВО бытовым и психологическим нагрузкам.

На секции прозвучали доклады, раскрывающие проблемы формирования гражданского общества в отдельных регионах Российской Федерации. Доклад «Дискурсивные стратегии гражданских ассоциаций в “конфликтах развития”» представителя Кубанского государственного университета Д. О. Левченко (КубГУ, Краснодар) раскрыл результаты исследования процессов формирования гражданской солидарности и гражданского участия в локальных сообществах Юга России в условиях социальной нестабильности [см.: Левченко, 2024]. Доклад д.социол.н. М. М. Шульги (СКФУ, Ставрополь) «Дискурс патриотизма на Северном Кавказе» был посвящен анализу процессов политической социализации и проблемам формирования гражданской позиции у молодежи.

На основе результатов опроса студентов докладчик приходит к выводу: «Молодежь СКФО имеет достаточно сформированную гражданскую позицию, позитивные установки на межнациональные взаимодействия и неприятие террористической идеологии» [Иванова и др., 2023, с. 19]. Этнокультурный аспект проблемы патриотизма был обозначен в докладе «Ценностные ориентации населения на Дальнем Востоке в контексте цивилизационного вызова модерну российскому обществу» к.филос.н. О. В. Васильевой (ИГИиПМНС СО РАН, Якутск) [см.: Васильева, 2023].

Проблема информационной безопасности российского общества прозвучала в трех докладах. В докладе «Информационное противодействие идеологии терроризма в пространстве Рунета научным сообществом Юга России: оценка и возможные пути совершенствования (на материалах экспертного опроса)» к.филос.н. И. В. Пащенко (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону) обозначила результаты опроса представителей науки и профессорско-преподавательского состава ряда университетов относительно возможностей и форм их содействия профилактике террористической активности среди молодежи [см.: Пащенко, 2022]. Проблема борьбы российского государства и общества с потоками недостоверной информации была представлена в докладе «Фейковые новости угрожают другим: восприятие ложной информации и эффект третьего лица» к.социол.н. А. Д. Казун (НИУ ВШЭ, Москва) и в докладе «Кто виноват и что делать: об атрибуции ответственности за борьбу с фейковыми новостями и их последствиями» Д. В. Петровой (НИУ ВШЭ, Москва).

Делая выводы, следует отметить, что в работе секции доминировали эмпирические исследования, посвященные российской проблематике. Очевидно, политическая социология, заявленная в названии секции, предполагает более обширную тематику. За рамки российской проблематики вышел только один доклад, а именно «Демократическая оппозиция в Республике Мозамбик: факторы социальной поддержки в XXI веке» А. И. Купалова-Ярополка (ИАФР РАН, Москва). Реализованный в работе секции акцент, несомненно, вызван остротой ситуации, в которой оказалось российское государство и общество. Однако без сравнительных исследований и анализа багажа общих теорий, объясняющих протекающие в России, вокруг нее и в мире процессы, увидеть взаимосвязь мозаики эмпирических исследований и сохранить приверженность научным позициям, находясь «между идеологией и эпистемой», может оказаться весьма затруднительно.

23 октября состоялись XXVI Харчевские чтения (ведущий – Г. А. Ключарев, ФНИСЦ РАН, Москва), которые традиционно посвящены рассмотрению проблем теоретической социологии с точки зрения ее прошлого, настоящего и будущего. В ходе дискуссий были подняты следующие актуальные блоки вопросов: состояние теоретической социологии в современной России с выделением разных ее уровней и значимых персон (Ж. Т. Тощенко, ИС ФНИСЦ РАН, Москва); категоризация как форма теоретизирования в современной социологии (М. Ф. Черныш, ФНИСЦ РАН, Москва); возможности когнитивной социальной науки в приращении социологического знания (И. Ф. Девятко, НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН, Москва); проблемы становления новых теоретических подходов в условиях непредсказуемости международного ландшафта социологии (Л. Г. Титаренко, БГУ, Минск); необходимость разумной «пересборки» современных социологических теорий (Е. Н. Данилова, ИС ФНИСЦ РАН, Москва); виртуализация социальной жизни как новая форма «комфортной несвободы» и потребность в критической теории времен цифровизации (Д. В. Иванов, СПбГУ, Санкт-Петербург); роль воображения в производстве

социологического теоретизирования и проблема грантового «академического госкапитализма» (Р. Н. Абрамов, НИУ ВШЭ, Москва); онтологические горизонты современной социологической теории (И. А. Шмерлина, ИС ФНИСЦ РАН, Москва); «социальное заражение» в поисках теоретической основы: социология встречается с эпидемиологией (В. И. Дудина, СПбГУ, Санкт-Петербург); непризнаваемое существующее: о ресурсности концептуализации понятий «нейросетевая агентность» и «гибридная социальность» (Н. С. Ладыжец, УдГУ, Ижевск); возможности исследования человеческого потенциала в горизонте цивилизационного подхода (Н. Н. Зарубина, МГИМО МИД России, Москва); понятия-инварианты в структуре языка эмпирического социологического исследования (Г. Г. Татарова, ИС ФНИСЦ РАН, Москва); новые подходы к изучению социальных изменений – исследования жизненного пути (А. В. Андреев, ЦЕССИ, Москва); сравнительная перспектива культурной стратификации в России (М. М. Соколов, Европейский Университет в Санкт-Петербурге); трансформация возможностей и ограничений российской социологии как вузовской науки (М. Б. Буланова, РГГУ, Москва).

Подводя итоги, следует отметить, что проведенные мероприятия еще раз продемонстрировали, что создаваемое в течение 50 лет журналом «СоцИс» пространство для обмена идеями и результатами исследований смогло пережить социальные трансформации и продолжает помогать выстраивать научные коммуникации ученым, активно вовлекая в процесс взаимодействия молодое поколение социологов. Юбилейная конференция позволила не только подвести итоги работы журнала за прошедший период, но и предоставила площадку для обсуждения актуальной повестки и вызовов, стоящих перед российским обществом и наукой.

Список литературы / References

Андреев, А. Л., Андреев, И. А., Слободенюк, Е. Д. (2024). Размежевание и консолидация в российском обществе в контексте СВО. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 104-119. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.08.

Andreyev, A. L., Andreev, I. A., Slobodenyuk, E. D. (2024). Division and Consolidation In Russian Society Resulting from the Russian Special Military Operation. *Polis. Political Studies*. No 1. Pp. 104-119. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.08. (In Russ.)

Васильева, О. В. (2023). Смыслы патриотизма в представлениях коренных малочисленных народов Якутии и Чукотки. *Теория и практика общественного развития*. № 12. С. 70-79. DOI: 10.24158/tipor.2023.12.7.

Vasilyeva, O. V. (2023). The Meanings of Patriotism in the Views of Indigenous Peoples of Yakutia and Chukotka. *Theory and Practice of Social Development*. No. 12. Pp. 70-79. DOI: 10.24158/tipor.2023.12.7. (In Russ.)

Винокурова, А. В., Ардальянова, А. Ю. (2021). Куда и зачем едут дальневосточники (на материалах Приморского края). *Respublica Literaria*. Т. 2. № 3. С. 73-84. DOI: 10.47850/RL.2021.2.3.73-84.

Vinokurova, A. V., Ardal'yanova, A. Yu. (2021). Where and why do Far Easterners go (based on materials from Primorsky Krai). *Respublica Literaria*. Vol. 2. No. 3. Pp. 73-84. DOI: 10.47850/RL.2021.2.3.73-84. (In Russ.)

Галиндабаева, В. В., Карбаинов, Н. И. (2024). «Экономика усыновления»: низовые бюрократы vs сельское сообщество. *Социологические исследования*. № 4. С. 49-59.

Galindabaeva, V. V., Karbainov, N. I. (2024). "The Economy of Adoption": Grassroots Bureaucrats vs. Rural Community. *Sociological Research*. No. 4. Pp. 49-59. (In Russ.)

Иванова, С. Ю., Шульга, М. М., Ягьяев, Э. Р. (2023). Гражданская позиция как индикатор политической социализации молодежи Северо-Кавказского федерального округа. *Общество: политика, экономика, право*. № 5. С. 14-20. DOI: 10.24158/пер.2023.5.1.

Ivanova, S. Yu., Shulga, M. M., Yagyaev, E. R. (2023). Civic Position as an Indicator of Political Socialization of Youth in the North Caucasus Federal District. *Society: Politics, Economics, Law*. No. 5. Pp. 14-20. DOI: 10.24158/пер.2023.5.1. (In Russ.)

Кузнецов, И. М. (2023). Особенности профиля российской идентичности: опыт многомерного подхода (на примере Республики Саха (Якутия)). *Вестник Института социологии*. Т. 14. № 3. С. 88-111.

Kuznetsov, I. M. (2023). Features of the Russian Identity Profile: Experience of a Multidimensional Approach (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 14. No. 3. Pp. 88-111. (In Russ.)

Левченко, Д. О. (2024). Проблемы формирования гражданской солидарности локальных сообществ Юга России. *Общество и цивилизация*. Т. 6. № 1. С. 112-115.

Levchenko, D. O. (2024). Problems of Civil Solidarity Formation of Local Communities of the South of Russia. *Society and Civilization*. Vol. 6. No. 1. Pp. 112-115. (In Russ.)

Лукьянов, Н. Е., Изгарская, А. А. (2023). Умиротворение террористических организаций и способы их интеграции в легитимный политический процесс. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 126-139. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.126-139.

Lukyanov, N. E., Izgarskaya, A. A. (2023). Pacification of Terrorist Organizations and Ways of Their Integration into the Legitimate Political Process. *Respublica Literaria*. Vol. 4. No. 4. Pp. 126-139. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.126-139. (In Russ.)

Люблинский, В. В., Макушина, Л. В. (2024). Трансформация трудового потенциала России: проблемы и перспективная политика. *Среднерусский вестник общественных наук*. Т. 19. № 3. С. 66-86. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-3-66-86.

Lyublinsky, V. V., Makushina, L. V. (2024). Transformation of Labour Potential of Russia: Problems and Prospective Policy. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 19. No. 3. Pp. 66-86. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-3-66-86. (In Russ.)

Пащенко, И. В. (2022). Информационная активность радикальных националистических объединений в социальных сетях Рунета и терроризм. *Гуманитарий Юга России*. № 1 (53). Т. 11. С. 73-86. DOI 10.18522/2227-8656.2022.1.5.

Pashchenko, I. V. (2022). Information Activity of Radical Nationalist Associations in the Social Networks of the Russian Internet and Terrorism. *Humanities of the South of Russia*. Vol. 11 (53). No. 1. Pp. 73-86. DOI 10.18522/2227-8656.2022.1.5. (In Russ.)

Персидская, О. А. (2024). Воспроизводство этничности в миросистемном анализе и теории капиталов П. Бурдьё. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 137-153. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.137-153.

Persidskaya, O. A. (2024). Reproduction of Ethnicity in World-system Analysis and the Theory of Capitals by P. Bourdieu. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 137-153. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.137-153. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2023). «Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы). *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 137-153. DOI: 10.25178/nit.2023.1.8.

Popkov, Yu. V. (2023). "Soil" in ethnicity: traditions of domestic ethnology tested by "perestroika" and postmodernism (problem statement). *New researches of Tuva*. No. 1. Pp. 137-153. DOI: 10.25178/nit.2023.1.8. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2024). 55 лет сибирской этносоциологии. *Социологические исследования*. № 2. С. 146-148. DOI: 10.31857/S0132162524010148.

Popkov, Yu. V. (2024). 55 years of Siberian ethnosociology. *Sociological studies*. No. 2. Pp. 146-148. DOI: 10.31857/S0132162524010148. (In Russ.)

Хлыновская, С. А., Изгарская, А. А. (2024). Проблема социального неравенства в свете миросистемного подхода. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 154-171. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.154-171.

Khlynovskaia, S. A., Izgarskaya, A. A. (2024). The Problem of Social Inequality in the Light of the World-System Approach. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 154-171. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.154-171. (In Russ.)

Osadchaya, G. I., Yudina, T. N., Volkova, O. A., Kireev, E. Yu. (2024). Migrants From Central Asia in the Moscow Agglomeration: Social Well-Being and Demographic Attitudes. *Changing Societies & Personalities*. Vol. 8. No. 2. Pp. 375-398.

Сведения об авторах / Information about the authors

Попков Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: yuripopkov54@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1036-9253>

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Персидская Ольга Алексеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

Статья поступила в редакцию: 25.10.2024

После доработки: 25.11.2024

Принята к публикации: 04.12.2024

Popkov Yuri – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: yuripopkov54@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1036-9253>

Izgarskaya Anna– Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Persidskaya Olga – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

The paper was submitted: 25.10.2024

Received after reworking: 25.11.2024

Accepted for publication: 04.12.2024